

M 25
1019

М 25
1019

КОКОРО.

Душа ЯПОНИИ.

изъ сборниковъ
Кокоро, Кью-Шу
и Ицумо.
Лафкадіо Хёрна.
Переводъ С. Порле.

6830
5

1 930

Р. 33/0149

Т-ВО СКОРОПЕЧАТНИ
□ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ. □
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, ТРЕХ-
ПРУДНЫЙ ПЕР., СОБ. ДОМЪ.

2007334149

□ ДУША □
ЯПОНИИ.

ИЗЪ СВОРНИКОВЪ
КОКОРО, КЬЮ-ШУ
□ □ И ИЦУМО □ □
ЛАФКАДІО ХЕРНА.

КОКОРО.

□ ДУША □
ЯПОНІИ.

ИЗЪ СБОРНИКОВЪ
КОКОРО, КЬЮ-ШУ
□ □ И ИЦУМО □ □
ЛАФКАДІО ХЁРНА.

ПЕРЕВОДЪ С. ЛОРІЕ.

М 25
M 1019

БІОГРАФІЧЕСКІЯ
□ □ ЗАМѢТКИ □ □
□ □ □ ○ □ □ □
ЛАФКАДІО ХЁРНА.
□ □ С. ЛОРІЕ. □ □

БОЛЪЕ четырехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на манжурскихъ поляхъ все затихло, и поруганная, залитая кровью мать-земля, укрыла въ нѣдрахъ своихъ безуміе своихъ дѣтей, но интересъ къ Востоку и преимущественно къ Японіи въ нась не изсякъ. Все съ тѣмъ же недоумѣвающимъ уваженіемъ мы смотримъ туда, на этихъ маленькихъ «великихъ людей», перешагнувшихъ черезъ нѣсколько вѣковъ и внезапно принявшихъ культуру и цивилизацію XX столѣтія.

Съ этими людьми, съ этой страной органически слился Лафкадіо Хёрнъ. Онъ любилъ ее безсознательно, раньше, чѣмъ зналъ, будто въ этомъ англичанинѣ воплотилась душа древняго буддиста. Своеобразной прелестью вѣть отъ его произведеній, отъ этой поэзіи настроенія, красочной, многообразной, но оплетенной, какъ черною лентой, буддизмомъ, религіей смерти...

Онъ родился на одномъ изъ Іоническихъ острововъ, Лафкадіо, въ честь котораго ему дано было имя. Отецъ его былъ англійскимъ полковымъ врачомъ, мать — гречанкой. Въ туманной Англіи, куда они переселились нѣсколько лѣтъ спустя послѣ рожденія сына, молодая гречанка не ужилась и, оставивъ семью, вернулась въ лучезарную Грецію, а докторъ Хёрнъ, объявивъ бракъ недѣйствительнымъ, женился на другой. Семилѣтняго

Лафкадіо взяла на воспитаніе старая, бого мольная богатая тетушка.

Внезапное крушение семейной жизни навсегда омрачило чуткую душу ребенка; на всю жизнь имъ овладѣла тревога, недовѣрчивость даже къ лучшимъ друзьямъ, жгучая жалость къ красавицѣ-матери.

Рано выбросивъ за бортъ все, относящееся къ христіанской религіи, онъ въ іезуитскихъ школахъ беззастѣнчивымъ атеизмомъ приводилъ въ священный ужасъ товарищей и наставниковъ.

Порвавъ съ покровительницей-тетушкой, онъ съ 16 до 19 лѣтъ скитался по Лондону, потерянный, несчастный. Объ этомъ периодѣ его жизни мало известно; известно лишь то, что одно время онъ даже былъ слугою, что долго былъ боленъ и почти утратилъ зрѣніе: у него съ дѣтства былъ одинъ только глазъ, другой вышибъ товарищъ во время игры. Девятнадцати лѣтъ маленький, хрупкій Лафкадіо очутился въ Нью-Йоркѣ безъ друзей, безъ поддержки; непрактичный мечтатель, онъ не былъ пригоденъ къ борьбѣ за существованіе; ничто не удавалось; голодный, озябшій, усталый, онъ сидѣлъ въ народной библіотекѣ, читая книжку за книжкой; спалъ гдѣ-то въ сараѣ; и такъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Наконецъ, въ Синсинати онъ нашелъ прочное мѣсто наборщика въ типографіи, гдѣ

а точность въ знакахъ препинанія его назвали «Old Semicolon».

Съ той поры онъ пошелъ въ гору, сдѣлался корректоромъ, репортеромъ, даже издателемъ крошечной воскресной газетки, просуществовавшей, впрочемъ, лишь девять недѣль.

Въ 1877 году тоска по южному солнцу повлекла его въ Новый Орлеанъ, гдѣ судьба улыбнулась ему. Всецѣло подъ вліяніемъ французскихъ романтиковъ, частью переведенныхъ имъ на англійскій языкъ, Хёрнъ писалъ фельтоны, восхищавшіе романское населеніе Орлеана. Опьяненный югомъ, онъ поетъ ему хвалебныя пѣсни, восхищается тропической растительностью опустѣвшихъ садовъ, руинами феодальныхъ замковъ, «гдѣ все пусто, мертвѣ, молчаливо, гдѣ все — роскошь и разрушеніе». Онъ воспѣваетъ домъ, гдѣ живетъ совершенно одинъ среди привидѣній, не наводящихъ страха, потому что онъ чувствуетъ себя «похожимъ на нихъ».

Онъ сотрудничаетъ въ газетахъ, журналахъ, составляетъ креольскій словарь, изучаетъ испанскій языкъ и литературу всѣхъ странъ. Но, несмотря на лихорадочную дѣятельность, имъ иногда овладѣваетъ неясная тоска, «будто гдѣ-то далеко у меня есть друзья, которыхъ я покинулъ такъ давно, что даже именъ ихъ не помню», пишетъ онъ. □ □ □ □ □ □ □

□ Но восторженное состояніе еще преобладаетъ; онъ счастливъ богатствомъ внутренней жизни своей, дивной природой вокругъ. □

Но спустя четыре года Новый Орлеанъ внезапно и окончательно надоѣдаетъ ему; ему кажется, будто онъ «долго держалъ въ объятіяхъ дивную фею, и вдругъ она превратилась въ прахъ».

Опять наступаетъ тяжелое время: для серьезной литературной дѣятельности, которая влечетъ его, онъ, по его же словамъ, недостаточно образованъ; пополнить же образованіе не позволяетъ все ухудшающееся зрѣніе.

«Миръ фантазіи — единственный, доступный мнѣ», пишетъ онъ.

Лѣтомъ 1887 года онъ ёдетъ на островъ Мартиникъ, гдѣ тропическія чары снова имъ овладѣваютъ, и гдѣ онъ собираетъ матеріалъ для своей книги о Вестъ-Индіи.

Въ 1890 году, по порученію нью-йоркскаго издателя, онъ въ качествѣ корреспондента ёдетъ въ Японію. Но черезъ годъ, обезсилившись отъ тяжкихъ матеріальныхъ и нравственныхъ условій, онъ порываетъ съ издателемъ и береть мѣсто учителя англійскаго языка въ Матсуэ. Новая дѣятельность его воодушевляетъ, а

древне-японскій духъ въ Матсуэ приводить его въ восторгъ. Въ буддійскихъ храмахъ, на старыхъ кладбищахъ сидить онъ часами въ бесѣдѣ съ жрецами; вслѣдъ за паломниками идетъ поклониться буддійскимъ святынямъ; по вечерамъ въ полутьмѣ слушаетъ туземныя сказки. Литературная работа однако въ застоѣ; ему кажется, что тихая атмосфера Матсуэ парализируетъ мысль, вдохновеніе, душу.

«Напишу ли я когда-либо хорошую книгу о Японіи,—это вопросъ», пишетъ онъ другу. «Во всякомъ случаѣ лишь послѣ многолѣтней сухой работы, безъ проблеска духа. Вы говорите о моемъ «огненномъ перѣ»; это очень любезно, но «огня» въ немъ ужъ нѣтъ; его здѣсь не нужно. Все здѣсь мягко, мечтательно, тихо, слабо, мило, блѣдно, призрачно, благоуханно, туманно...»

Черезъ нѣкоторое время его переводятъ въ Кумамото, въ «современнѣйший городъ». Всѣ его сослуживцы, за исключеніемъ одного старого китайца, говорятъ по-англійски. Хёрнъ ихъ избѣгаєтъ. Во время обѣденной паузы онъ ищетъ одиночества на холмѣ за школой, на старомъ кладбищѣ, гдѣ покоятся предки.

«Съ могильныхъ камней», пишетъ онъ, «я смотрю на огромныя модныя зданія, на суетливую жизнь вокругъ нихъ. Но я никогда не бываю одинъ: Будда рядомъ со мною сидить; изъ-подъ полуопущенныхъ каменныхъ вѣкъ

смотритъ онъ внизъ. Носъ и руки мхомъ поросли, и спина его тоже. — Учитель, — говорю я ему, — что думаешь ты обо всемъ, что тамъ творится внизу? Вѣдь все суета? Ни вѣры тамъ нѣтъ, ни догмата, ни мыслей о прошломъ или о будущемъ, — нѣтъ, только химія, стереометрія, тригонометрія и трижды проклятый англійскій языкъ. — Будда молчитъ и смотритъ съ грустной улыбкой на каменномъ ликѣ: будто его оскорбили, и онъ не въ силахъ отвѣтить. Эта улыбка—самая патетическая изъ всѣхъ».

Оскорблениe, живущее въ душѣ Хёрана и приписываемое имъ Буддѣ, не что иное, какъ постепенное торжество новой Японіи надъ древней. Онъ сознаетъ неизбѣжность его, но не хочетъ съ нимъ помириться. Другу своему, Базиль Холль Чемберлену, онъ пишетъ:

«Я никогда не чувствовалъ такъ безнадежно, что древняя Японія безвозвратно скончалась, что юная становится такъ некрасива».

Но стоить уродливой слѣпой уличной пѣвицѣ сладкимъ голосомъ пропѣть у его двери балладу, — и онъ опять во власти старой, первой любви къ Японіи. Онъ горячо надѣется, что въ странѣ снова воскреснетъ восточная душа. «Она никогда не приметъ христіанства! Нѣтъ!»,

восклицаетъ онъ. «Да объединится Востокъ въ борьбѣ съ жестокой западной цивилизацией!»

Еще болѣе чувствуетъ онъ угасаніе древней Японіи, когда въ 1896 году его переводятъ въ Токіо, въ «этотъ міръ интригъ, отнимающій послѣднюю надежду на великую будущность Японіи».

«Университетъ въ Токіо», пишетъ онъ дальше; «это маска для ослѣпленія Запада; студенты плохо подготовлены, слушаютъ философию на нѣмецкомъ языке и Мильтона на англійскомъ, не имѣя понятія объ этихъ языкахъ; а съ профессорами они дѣлаютъ, что хотятъ; мы — въ повиновеніи у нихъ».

Близкий, родной его сердцу древне-японскій духъ воскресаетъ въ его собственной семье, гдѣ все такъ, «какъ было 1000 лѣтъ тому назадъ». Въ 1891 году онъ женится на молодой японкѣ дворянскаго рода. Боясь повторенія драмы, пережитой его матерью, онъ лишаетъ себя права гражданства и официально входитъ въ семью и касту жены. Бракъ совершаются по буддійскимъ обрядамъ. Тѣмъ прескается даже мысль о возвращеніи на Западъ.

«Переселеніе этой маленькой женщины въ чужую страну было бы для нея большими несчастіемъ», пишетъ онъ. «Ни ласка, ни комфортъ не замѣнятъ ей ея атмосферы, въ которой всѣ мысли и чувства такъ далеки отъ нашихъ».

□ Въ домѣ Лафкадіо Хёрна сидять, ёдятъ, говорять, читаютъ и спятъ на полу, устланномъ цыновками, по которымъ безшумно прохаживаются босикомъ или въ чулкахъ. На ночь приносятъ тяжелые матрацы, утромъ ихъ складываютъ и уносятъ. Въ комнатѣ нѣть мебели, кромѣ цвѣточной вазы въ углу, курильного прибора да разложенныхъ всюду подушекъ; на стѣнахъ — картины, писанныя по шелку. Дома Хёрнъ облекается въ національный костюмъ; на улицѣ же или въ университетѣ онъ одѣтъ по-европейски, считая свой необычайно большой орлиный носъ не стильнымъ для японской одежды; почти годъ онъ питается японскими кушаньями по-вегетаріански; потомъ снова набрасывается на мясо и пиво. Рожденіе сына въ 1893 году — великое, радостное событие для Хёрна, событие, мѣняющее и міросозерцаніе его во многихъ отношеніяхъ: послѣ рожденія ребенка атеистъ Хёрнъ приносить Богу благодарственную молитву и подвергаетъ коренной переоцѣнкѣ свое прежнее отрицаніе христіанства; задумываясь надъ воспитаніемъ мальчика, онъ приходитъ къ такому заключенію:

«Я начинаю думать, что многое въ католически-религіозномъ воспитаніи, что я считалъ дурнымъ и жестокимъ, основано на тонкомъ наблюденіи и всестороннемъ опыте; я понялъ

многое, и то, что раньше считалъ суевъріемъ, теперь признаю безусловной мудростью». □

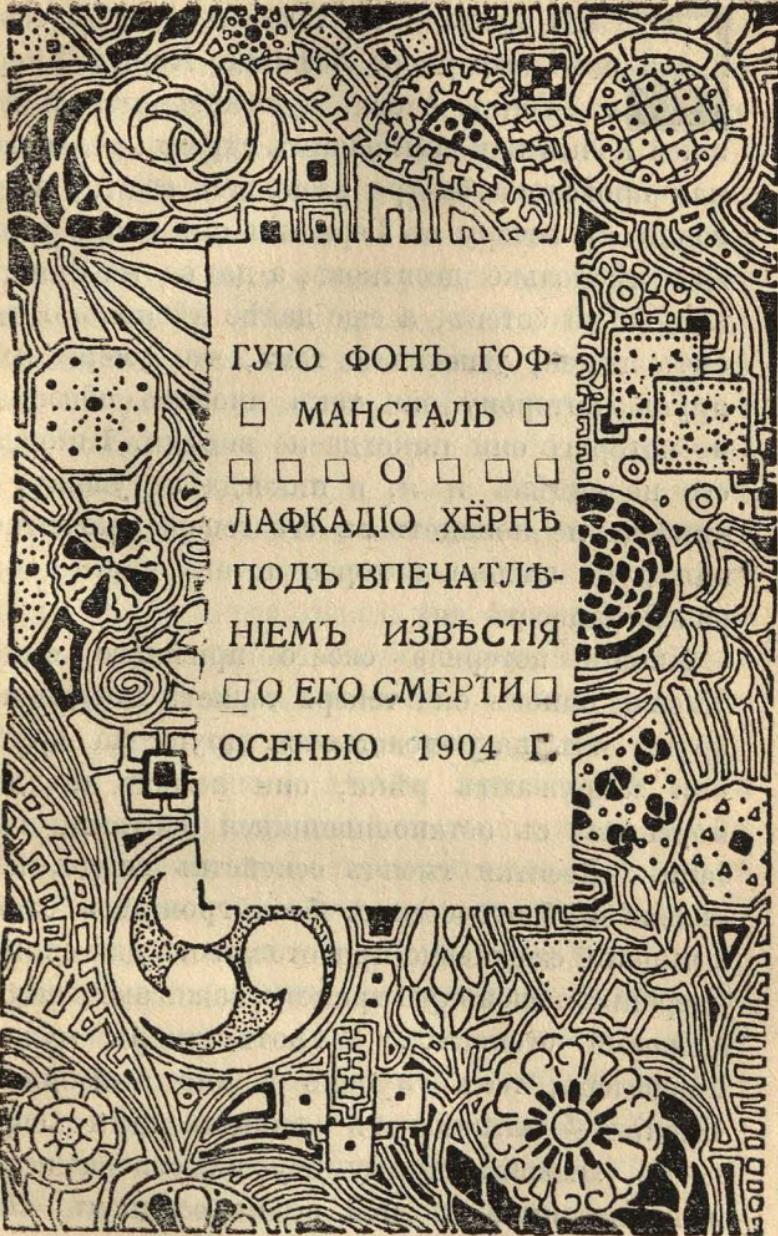

Въ послѣдніе годы жизни разыгрывается въ душѣ Хёрна тяжелая драма: чѣмъ больше онъ проникаетъ въ глубь японской души, чѣмъ больше онъ ее любить, тѣмъ болѣе чуждымъ чувствуетъ онъ себя ей.

Книги о Японіи создали ему уже имя въ Европѣ, а онъ къ концу своей жизни пишеть съ тоской: «Я изучилъ Японію лишь настолько, чтобы убѣдиться, что я совершенно не знаю ея».

На ряду съ разочарованіемъ въ себѣ, въ знаніи страны, такъ много любимой, въ талантѣ своемъ, въ немъ растетъ жгучая тоска по Западу. Онъ въ этомъ не хочетъ сознаться, онъ ищетъ предлога, ему кажется, что хорошо было бы помѣстить сына своего, Кацую, въ англійскую школу. Онъ снова завязываетъ сношенія съ Америкой и Англіей; лондонскій и оксфордскій университеты приглашаютъ его. Но ему не суждено покинуть Токіо: силы слабѣютъ. 13 (26) сентября 1904 года онъ умираетъ.

Похороненъ онъ по буддійскимъ обрядамъ на древне-буддійскомъ кладбищѣ. Какъ символъ освобожденной души, на могилѣ его выпускаютъ птичекъ изъ клѣточкъ. □ □ □ □

ГУГО ФОНЪ ГОФ-
□ МАНСТАЛЬ □
□ □ □ О □ □ □
ЛАФКАДІО ХЁРНЪ
ПОДЪ ВПЕЧАТЛЪ-
НИЕМЪ ИЗВѢСТИЯ
□ О ЕГО СМЕРТИ □
ОСЕНЬЮ 1904 Г.

МЕНЯ позвали къ телефону, чтобы сообщить, что умеръ Лафкадіо Хёрнъ. Умеръ въ Токіо, вчера, а можетъ-быть нынѣшней ночью или нынѣшнимъ утромъ: телеграфная проволока быстро разносить вѣсти, и сегодня къ вечеру въ Германию объ этомъ узнаютъ нѣсколько десятковъ, а далѣе на Западъ нѣсколько сотенъ, а еще далѣе нѣсколько тысячъ людей, узнаютъ о томъ, что умеръ ихъ другъ, которому они такъ многимъ обязаны, но котораго они никогда не видѣли. Никогда его не видѣлъ и я, и никогда не увижу, и никогда не попадетъ въ его теперь окоченѣвшія руки письмо, которое я такъ часто собирался написать ему.

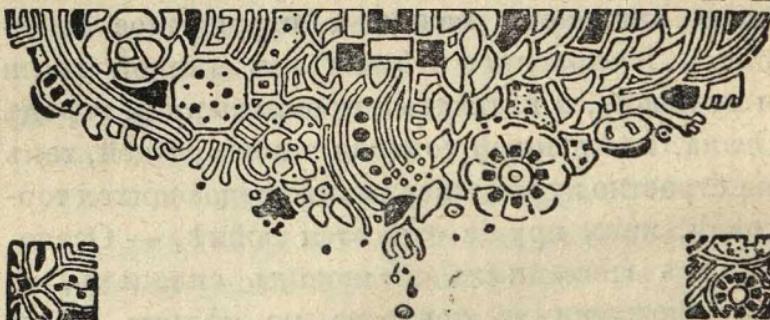
Японія потеряла своего пріемнаго сына. Тысячи сыновъ она теперь теряетъ ежедневно: трупы ихъ нагромождаются другъ на друга, они запружаютъ рѣки, они лежатъ на днѣ морскомъ, съ остановившимися мертвыми глазами... Десятки тысячъ семействъ гордо, безмолвно и благочестиво, безъ громкихъ словъ и рыданій ежедневно приготовляютъ для своихъ умершихъ маленькую трапезу, зажигаютъ тихій, ласковый огонекъ... И вотъ умеръ чужой, пришелецъ, такъ глубоко и много любившій Японію, — быть-можетъ единственный европеецъ, знаяшій страну эту въ совершенствѣ и привязанный къ ней всѣмъ сердцемъ. Онъ

любилъ ее не любовью эстета и не любовью ученаго, а любовью сильнейшей, всеобъемлющей, рѣдкой, — любовью, которая живеть внутренней жизнью любимой страны.

Все разнообразіе внутреннихъ явлений проходило передъ нимъ и все было прекрасно, потому что во все онъ умѣлъ вдохнуть душу живую. Онъ зналъ древнюю Японію, продолжавшую жить въ замкнутыхъ паркахъ, въ опустѣвшихъ дворцахъ великихъ вельможъ и въ далекихъ деревняхъ съ ихъ маленькими храмами; онъ зналъ и новую Японію, испещренную сѣтью желѣзныхъ дорогъ, трепещущую лихорадочной жизнью Запада; и одинокаго ищаго, странствующаго отъ одного Будды къ другому; и великое войско, юное, но преисполненное древней, классической отваги; для него было одинаково важно и игрушечное кладбище, построенное дѣтьми изъ липкой грязи и чурочекъ, и величавый промышленный городъ Осака, населенный сотнями тысячъ людей, такъ же страстно и самоотверженно предающихся торговлѣ, какъ другіе отдаются войнѣ, — Осака, гдѣ въ громадныхъ шелковыхъ складахъ, за нагроможденнымъ товаромъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сидятъ на корточкахъ блѣднолицые продавцы, фанатики чувства долга, придающаго даже ихъ тривіальной жизни поэтическую, сказочную окраску. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ И онъ внималъ и понималъ, что говорилось вокругъ него: въ его книгахъ слышится и дѣтскій лепетъ и старческія рѣчи; въ нихъ запечатлѣлись нѣжныя женскія слова, прозрачныя, какъ щебетанье птицъ, — слова любви и слова печали, которые безъ него улетучились бы безслѣдно. Онъ записывалъ изреченія мудрецовъ и правителей древности на ряду со словами ученыхъ современниковъ, ничѣмъ не отличающихся отъ рѣчей высокообразованнаго европейца, надъ которымъ тяготѣеть все бремя вѣками унаслѣдованнаго знанія.

И вотъ Лавкадіо Хѣрнъ умеръ, и никто, ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, никто изъ среды его многочисленныхъ незнакомыхъ друзей не отвѣтить ему, никто не поблагодарить его за многія письма... никто — никогда!.. □ □

□□ ГРЕЗА □□
ЛѢТНЯГО ДНЯ.

БЪЖАЛЪ изъ открытыхъ гаваней, гдѣ въ европейскомъ отелѣ «со всѣмъ современнымъ комфортомъ» напрасно надѣялся найти уютъ, отдыхъ и покой. Поэтому гостиница маленькаго мѣстечка показалась мнѣ раемъ, а прислуживающія дѣвушки небесными созданіями. Я былъ счастливъ сбросить иго девятнадцатаго столѣтія и снова сидѣть въ юкатѣ на прохладныхъ мягкихъ цыновкахъ, принимать услуги нѣжноголосыхъ дѣвушекъ и любоваться окружающей красотой. Вмѣстѣ съ завтракомъ мнѣ принесли въ подарокъ побѣги бамбука, луковицы лотоса и вѣръ. На вѣрѣ была нарисована только пѣнистая морская волна, разбивающаяся о крутой берегъ, и стремительной, будто въ экстазѣ, полетъ чаекъ по синему небу,—но уже одинъ этотъ рисунокъ воз-

награждалъ за всѣ труды путешествія: это было море свѣта, потокъ движенія, побѣда бури морской. Я смотрѣлъ на эту картинку, и мнѣ хотѣлось громко кричать отъ восторга.

Съ балкона, между пролетами деревянныхъ колоннъ, виденъ былъ маленький сѣрий городокъ, расположенный по извилинамъ и изгибамъ берега; лѣнивые желтые джонки сонливо качались на якорѣ; между огромными зелеными скалами виднѣлась открытая бухта, а вдали лѣтняя дымка далекаго горизонта; въ этой дымкѣ высились горныя тѣни, неясныя, какъ старыя воспоминанія,—и все кромѣ сѣраго города, желтыхъ джонокъ и зеленыхъ утесовъ было синее-синее...

Вдругъ моего слуха коснулся звукъ голоска, нѣжнаго, какъ Эолова арфа, и вѣжливыя слова прервали грэзы мои. То владѣтельница замка пришла поблагодарить меня за «чадай», и я низко ей поклонился. Она была молода и очаровательна, какъ женщина-бабочка, жена мотылька; и вдругъ я невольно подумалъ о смерти, потому что красота иногда вызываетъ предчувствіе страданія.

Она спросила меня, куда я соблаговолю поѣхать, чтобы заказать мнѣ куруму.

«Въ Кумамото», отвѣтилъ я. «Но мнѣ хочется знать имя вашего дома, чтобы навсегда запомнить его.» □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ «Домъ мой недостоинъ, и дѣвушки мои не
учтивы, нозовутъ его домомъ Урашимы; а теперь
я пойду, закажу куруму.»

Музыка ея голоса смолкла, а я остался заво-
роженный, будто окутанный волшебною сѣтью,
потому что обѣ Урашимѣ поются пѣсни, опья-
няющія чувства людскія. □ □ □ □ □ □ □ □

Стоитъ разъ услышать эту повѣсть, чтобы
никогда ея не забыть. Каждое лѣто, когда я
на морскомъ берегу — особенно въ теплые
тихіе дни, — она безпрестанно преслѣдуєтъ
меня. Разно рассказываютъ ее, и многихъ худож-
никовъ и поэтовъ она вдохновила. Но наи-
большее впечатлѣніе производить древняя вер-
сія, находящаяся въ «Манніошу», сборникѣ
стиховъ, охватывающемъ время отъ V до IX
вѣка. Великій ученый Астонъ передалъ это
преданіе въ прозѣ, а великий ученый Чембер-
лэнъ — какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.
Съ этой книжечкой въ рукахъ, очаровательно
иллюстрированной мѣстными художниками,
я постараюсь разсказать легенду своими сло-
вами.

Тысяча четыреста шестнадцать лѣтъ тому
назадъ мальчикъ-рыбакъ Урашима Таро
отчалилъ въ лодкѣ отъ берега Суминоэ. Тогда

стояли такие же лѣтніе дни, какъ теперь, ароматно-мечтательные, нѣжно-голубые; высоко надъ морской гладью плыли такія же легкія бѣлыя облачка, и тѣ же мягкия очертанія далекихъ дымчато-синихъ холмовъ сливались съ синевой неба, и листьями шелестѣлъ тотъ же полный нѣги вѣтеръ...

Мальчикъ лѣниво удилъ, а лодка тихо скользила по волнамъ... Странная была эта лодка, некрашенная, безъ руля,—вы такой вѣроятно еще никогда не видали. Но въ рыбачьихъ деревняхъ японского побережья и до сихъ поръ, послѣ четырнадцати столѣтій, существуютъ еще такія же лодки.—Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, Урашима поймалъ и выудилъ нѣчто: но это была черепаха. А черепаха посвящена богу морскихъ драконовъ и живеть она тысячу, нѣкоторые говорять даже десятки тысячъ лѣтъ, и убивать ее—большой грѣхъ. Поэтому мальчикъ осторожно снялъ ее съ крючка и съ молитвой снова опустилъ ее въ воду. Но послѣ этого ничего больше не клевало. А день былъ жаркій—море и воздухъ и все вокругъ было тихо тихо. Дремота одолѣла мальчика и онъ уснуль въ скользящей по волнамъ лодкѣ.

Вдругъ изъ дремлющихъ волнъ всплыла красавица-дѣвушка въ алой и синей одеждѣ—точъ-вѣ-точъ какъ на картинкѣ профессора Чемберлэна. Длинные черные волосы разме-

тались по плечамъ и по спинѣ. Таковы были всѣ царскія дочери четырнадцать вѣковъ тому назадъ.

Скользя по водѣ, она тихо, какъ духовеніе вѣтерка, приблизилась къ лодкѣ, наклонилась надъ мальчикомъ, разбудила его нѣжнымъ прикосновеніемъ и сказала: «Не удивляйся! Отецъ мой, царь морскихъ драконовъ, прислалъ меня, потому что у тебя доброе сердце, иначе ты не отпустилъ бы сегодня на волю черепаху. А теперь отправимся во дворецъ, къ моему отцу, въ страну, гдѣ никогда не умираетъ лѣто; и если хочешь, я стану твою женой—женою-цвѣткочкомъ, и мы будемъ счастливы—на всегда!»

Урашма смотрѣлъ на нее и удивлялся все больше и больше: она была прекрасна, никогда еще онъ не видывалъ такой красоты; онъ не могъ устоять и полюбилъ ее...

Онъ взялъ одно весло, она—другое, и они поплыли по волнамъ; такъ гребутъ на западномъ берегу и теперь, когда рыбачьи лодки выплываютъ навстрѣчу вечерней зарѣ.

Легко и быстро неслись они по тихой синей поверхности водѣ, внизъ, къ югу — туда, гдѣ лѣто никогда не умираетъ, во дворецъ морского царя...

Вдругъ строчки маленькой книжки исчезаютъ, голубыя курчавыя облака покрываютъ

страницу. И вдали на волшебномъ горизонтѣ виднѣется длинный пологій берегъ сказочной страны; а на берегу, сквозь вѣчно-зеленую листву—высокія кровли дворца морского царя,—точъ-вѣ-точъ дворецъ микадо Юріаку тысяча четыреста шестнадцать лѣтъ тому назадъ...

Тамъ, навстрѣчу имъ, спѣшать странные слуги, морскія чудища, и съ почтеніемъ привѣтствуютъ Урашиму, зятя морского царя.

И дочь царя морскихъ драконовъ стала женою рыбака Урашимы. На свадьбѣ царила волшебная пышность и неописанное веселье; замокъ драконовъ ликовалъ.

Каждый день приносилъ Урашимъ новые чудеса и радости; слуги морского царя извлекали изъ глубокой пучины все новые дары; его окружало ликованіе волшебной страны вѣчнаго лѣта...

Такъ прошло три года. И несмотря на все, мальчику-рыбаку становилось тоскливо и грустно, когда онъ думалъ о своихъ родителяхъ, одиноко живущихъ его на родной сторонѣ. Наконецъ онъ не выдержалъ и попросилъ жену отпустить его на короткое время, только бы повидаться съ отцомъ и матерью и сказать имъ словечко — и потомъ опять вернуться къ ней, въ царство драконовъ.

Услыша это, она залилась слезами; долго она плакала, потомъ произнесла: «Разъ ты хо-

чешь покинуть меня, я тебя удерживать не могу; но разлука миѣ очень страшна; я боюсь, что мы никогда-никогда не увидимся больше. Но я дамъ тебѣ ящичекъ на дорогу; онъ поможетъ тебѣ вернуться ко мнѣ, если ты послушаешь меня. Никогда не открывай его, что бы ни случилось—не открывай; если откроешь, то никогда не найдешь дороги обратно, и мы не увидимся больше».

Она дала ему маленький лакированный ящичекъ, перевязанный шелковымъ шнуркомъ. (Этотъ ящичекъ и теперь можно видѣть въ храмѣ Камагайя на морскомъ берегу; жрецы хранятъ его вмѣстѣ съ рыбачьей утварью и драгоцѣнностями, привезенными Урашимой изъ владѣній морского царя.)

Урашима уѣхалъ свою супругу, обѣщавъ ей никогда не открывать ящичка и даже не развязывать шелковаго шнурка. И онъ поплылъ по вѣчно-дремотному морю, прорѣзая лодкой лѣтній сверкающій воздухъ, а страна, гдѣ вѣчное лѣто царитъ, осталась позади и исчезла, какъ сонъ. И снова появились предъ нимъ синія горы Японіи, рѣзко обрисовывающіяся на горизонти въ бѣломъ пламени сѣвернаго солнца. Лодка, скользя по волнамъ, причалила въ родной бухтѣ, и онъ очутился на знакомомъ берегу.

Онъ оглянулся и удивился, и жуткое сомнѣніе охватило его. Родительская хижина исчезла;

правда, предъ нимъ разстилалась деревня, но дома были ему незнакомы, чужія были поля, и деревья, и даже лица людскія. Почти все знакомое исчезло. Ему показалось, что шинтоистскій храмъ очутился на другомъ мѣстѣ; лѣса исчезли со склоновъ; лишь говоръ ручья да очертанія горъ были знакомы—все остальное было чужое. Напрасно искалъ онъ родительскій домикъ; рыбаки съ удивленіемъ разглядывали его, и онъ не могъ припомнить ихъ лицъ.

Наконецъ къ нему подошелъ, опираясь на палку, старый-престарый стариkъ; пришелецъ спросилъ, не знаетъ ли онъ дорогу къ дому семьи Урашимы. Стариkъ посмотрѣлъ на него удивленными, широко раскрытыми глазами и заставилъ его нѣсколько разъ повторить тотъ же вопросъ; наконецъ онъ воскликнулъ:

«Урашима Таро!? Да откуда же ты, что ничего не знаешь о немъ? Вѣдь прошло четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ утонулъ! Ему поставили памятникъ на кладбищѣ; тамъ же могилы всѣхъ его близкихъ,—тамъ, на старомъ кладбищѣ, гдѣ уже теперь никого не хоронятъ. Урашимо Таро! Какъ глупо спрашивать, гдѣ онъ живеть!»

И стариkъ, ковыляя, отправился дальше, смѣясь надъ глупымъ вопросомъ.

□ Урашима отправился на кладбище, на ста-

рое заброшенное кладбище, и увидѣлъ свой собственный надгробный камень и надгробные камни отца и матери, родныхъ и знакомыхъ. Они были такъ стари и гнилы и такъ заросли травою, что онъ съ трудомъ могъ разобрать на нихъ имена.

Тогда онъ понялъ, что сталъ жертвой какого-то колдовства. Задумчиво возвращался онъ къ берегу, крѣпко держа въ рукахъ ящичекъ, подарокъ дочери морского царя. Но что это за колдовство? И что въ этомъ ящичкѣ? И нѣтъ ли связи между таинственнымъ ящичкомъ и тѣмъ, что непонятно и жутко творится во-кругъ него? Сомнѣніе было сильнѣе вѣры; онъ необдуманно нарушилъ обѣтъ, данный дочери морского царя, развязалъ шелковый шнурокъ и открылъ ящичекъ... Безшумно поднялся оттуда бѣлый холодный, какъ призракъ, дымокъ, вознесся на воздухъ и, какъ лѣтнее облачко, быстро поплылъ надъ безмолвной водой. Ящичекъ опустѣлъ.

Тогда юный рыбакъ понялъ, что самъ разрушилъ свое счастіе, что теперь ему не вернуться къ своей возлюбленной, къ дочери морского царя. Въ отчаяніи онъ громко закричалъ и горько заплакалъ... Но черезъ мгновеніе онъ самъ весь преобразился; кровь его застыла, будто скованная льдомъ, зубы выпали, лицо сморщилось, волосы побѣлѣли, жизнен-

ные силы изсякли, и онъ упалъ, бездыханный, на землю, сраженный тяжестью четырехъ столѣтій...

Въ офиціальныхъ лѣтописяхъ сказано, что въ двадцать первомъ году царствованія мікадо Юриаку (478), въ округѣ Іоса, провинціи Тангу, мальчикъ Урашима изъ Мидцуноїэ, потомокъ божества Шиманеми, отправился въ рыбачьей лодкѣ въ хорай—мѣсто безсмертія. Послѣ этого въ теченіе тридцати одного царствованія, т.-е. съ V по IX столѣтіе, ничего не слышно о немъ. Но дальше лѣтопись гласить, что во второмъ году Тенхо (825), во время царствованія мікадо Юнна, мальчикъ Урашима вернулся и снова безслѣдно пропалъ, неизвѣстно куда... □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Хозяйка волшебного царства вернулась и извѣстила меня, что все готово. Своими нѣжными ручками она попробовала поднять мой чемоданъ, но я воспротивился, потому что онъ былъ слишкомъ тяжелъ; она засмѣялась, но и мнѣ не дала нести его, а позвала какое-то маленькое существо—морское чудовище—спина котораго была покрыта китайскими письменами. Я согласился, простился, и она попросила меня не забывать недостойнаго дома, несмотря на жалкую неучтивость дѣвушекъ. □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ «И», присовокупила она: «Курумайя долженъ получить отъ васъ только 75 сенъ».

Я вскочилъ въ экипажъ, и черезъ нѣсколько минутъ маленький сѣрый городъ исчезъ за поворотомъ дороги.

Меня везли по бѣлой дорогѣ вдоль берега; справа высились коричневыя скалы, слѣва видно было лишь море и горизонтъ.

Милю за милю катиль я вдоль берега, и взоры мои утопали въ необъятномъ свѣтѣ. Все было окутано синевой, чудесной, переливчатой, какъ перламутръ. Искрилось синее море, сливаясь съ прозрачной синевой неба; синія громады—горы Хиго—отдѣлялись на сверкающемъ фонѣ, какъ гигантскіе сапфиры. Какая прозрачная синева! Эта симфонія синихъ оттѣнковъ прерывалась лишь ослѣпительной бѣлизной немногихъ лѣтнихъ облачковъ, недвижно висящихъ надъ вершиной, похожей на призракъ. Отъ нихъ по водѣ мелькали бѣлоснѣжные трепетные блики; казалось, что корабли, тамъ, вдали, тянули за собой длинныя нити,—единственныя рѣзкія линіи въ этой волнующейся, трепетной красотѣ. Что за божественные облака! Бѣлые, преображенныя души облачковъ, остановившіяся, чтобы отдохнуть на пути къ блаженству Нирваны. Или то былъ туманный дымокъ, улетѣвшій 1000 лѣтъ тому назадъ изъ ящичка Урашимы? □ □ □ □ □ □ □ □

□ Бабочка-психея вспорхнула, улетѣла туда, въ эту синюю грезу между солнцемъ и моремъ, и вернулась къ берегу Суминойэ, пролетѣвъ въ одинъ мигъ четырнадцативѣковое сновидѣніе. И я почувствовалъ, что подо мной тихо скользила лодка; то было во время царствованія микадо Юриаку. А дочь морского царя говорила голоскомъ нѣжнымъ, какъ звуки Эоловой арфы:

«Пойдемъ во дворецъ отца моего; тамъ всегда все синее».

«Почему синее?» спрашивалъ я.

«Потому что я спрятала въ ящикъ всѣ облака», отвѣтчила она.

«Но мнѣ пора домой», утверждалъ я.

«Въ такомъ случаѣ», промолвила она: «Курумайя съ васъ долженъ получить только 75 сенъ». . . . .

Вдругъ я проснулся въ дойо,—время сильнейшей жары, въ двадцать шестомъ году лѣточисленія Мейджи, въ чёмъ могъ убѣдиться по линіямъ телеграфной проволоки, которая тянулись вдоль берега и терялись вдали. Курумайя все еще летѣлъ мимо синихъ видѣній неба, моря и горныхъ вершинъ; но бѣлые облака исчезли, и скалы смѣнились рисовыми и овсяными полями, тянущимися къ далекимъ холмамъ. На мигъ телеграфная проволока прико-

вала мое внимание: на верхней проволокѣ сидѣла стая маленькихъ птицъ; онѣ смотрѣли на дорогу и ничуть не смущались нашимъ появлѣніемъ. Онѣ не двигались и равнодушно смотрѣли на насъ, какъ на мимолетное видѣніе. На протяженіи цѣлыхъ миль проволока была усѣяна ими и не было ни одной птички, обращеной хвостомъ къ дорогѣ. Я не понималъ, почему онѣ такъ сидѣли, на что такъ смотрѣли. Я махнулъ шляпой и крикнулъ, хотѣль спугнуть и смѣшать ихъ ряды; нѣсколько птичекъ, щебеча, вспорхнули, но тотчасъ же опять усѣлись на прежнее мѣсто. Остальная же и вовсе не обратили вниманія на меня.

Какой-то странный гулъ заглушалъ громкій стукъ колесъ, и когда мы мчались по деревнѣ, я мимоходомъ, сквозь открытую дверь хижины увидѣлъ огромный барабанъ, въ который били голые люди.

«Курумайя», воскликнулъ я; «что это такое?»
Не останавливаясь, онъ отвѣталъ:

«Теперь повсюду то же; давно стоитъ засуха, и поэтому воззываютъ молитвы къ богамъ и бьютъ въ барабаны».

Мы мчались мимо другихъ деревень, и везде я видѣлъ барабаны различной величины и слышалъ ихъ гулъ; онъ доносился, невѣдомо откуда, разносился по далекимъ рисовымъ полямъ, и другіе барабаны отвѣчали, какъ эхо.

А я опять задумался надъ судьбой Урашимы. Я думалъ о картинахъ, поэмахъ и пословицахъ, сложившихся подъ вліяніемъ этой легенды въ фантазіі народа. Я вспомнилъ гейшу въ Ицумо, которая на какомъ-то праздникѣ исполняла роль Урашимы; изъ маленькаго лакированнаго ящичка въ роковой моментъ воснесся дымокъ отъ благовоннаго куренія. Я думалъ о происходженіи пляски и объ исчезнувшихъ поколѣніяхъ гейшъ; это породило мысль о прахѣ и пыли въ отвлеченному смыслѣ и естественно обратило мое вниманіе на настоящую пыль, клубами поднимающуюся подъ сандаліями моего Курумайя, которому надо было заплатить только 75 сенъ. И я сталъ разсуждать о томъ, много ли человѣческаго праха въ этой пыли и что важнѣе въ вѣчной закономѣрности вещей: кровообращеніе или вращеніе этихъ пылинокъ? Я испугался моихъ разсужденій, слишкомъ далеко уходящихъ въ глубь давно минувшихъ временъ, и постарался доказать себѣ, что легенда объ Урашимѣ потому прожила тысячу лѣтъ, дѣлаясь съ каждымъ столѣтіемъ все прекраснѣе, потому пережила все остальное, что въ ней скрыта глубокая истинна. Но какая? На этотъ вопросъ я не могъ отвѣтить. □ □ □

□ Стало нестерпимо жарко. □ □ □ □ □ □
«Курумайя», воскликнулъ я: «у меня горло
пересохло. Нельзя ли достать воды?»

Онъ отвѣтилъ, не останавливая своего бѣга:
«Въ деревнѣ «Длинный Берегъ», недалеко
отсюда, большой водопадъ,—тамъ благород-
ный господинъ найдеть свѣжую воду».

«Курумайя», спросилъ я опять: «вотъ си-
дятъ птицы; почему онъ смотрять такъ на до-
рогу?»

«Всѣ птицы сидѣть по вѣтру», отвѣтилъ онъ,
ускоряя свой бѣгъ.

Я засмѣялся, сначала надъ своей глупостью,
потомъ надъ своей забывчивостью; мнѣ вспо-
мнилось, что давно, еще въ дѣтствѣ, я это
зналъ. Быть-можетъ, я такъ же забылъ и тайну
Урашимы?..

Я опять подумалъ о немъ. Я увидѣлъ дочь
морского царя, разряженную для его приёма.
Она ждала его—долго, напрасно... Вдругъ
возвратилась облачко, жестокое облачко, вѣст-
никъ того, что милый ей измѣнилъ. Я видѣлъ
печаль морской царевны и видѣлъ, какъ до-
бродушныя неуклюжія морскія чудовища утѣ-
шали ее. Но въ разсказѣ обѣ этомъ не говори-
лось, и люди жалѣли одного Урашиму.

Я подумалъ:

«Справедливо ли, что мы жалѣемъ Урашиму?
Правда, боги его ослѣвили, но кого же боги

не ослѣпляютъ? И развѣ не вся жизнь есть навожденіе? Урашима былъ ослѣпленъ, потерялъ вѣру и открылъ ящичекъ. Потомъ умеръ безъ всякихъ страданій, и народъ возвеличилъ его, воздвигнулъ ему могильный памятникъ. За что же жалѣть его?.. У насъ эти драмы разыгryваются совершенно иначе. Если мы ослушались нашихъ боговъ, то мы обречены жить дальше и изжитъ всю глубину страданія; намъ не даютъ счастія умереть въ надлежащей моментъ, изъ насъ не дѣлаютъ маленькихъ божковъ съ неотъемлемыми правами...

Зачѣмъ жалѣть о безразсудномъ поступкѣ рыбака Урашимы, когда онъ такъ долго блаженствовалъ въ общеніи съ богами? А мы все-таки жалѣемъ его! Не въ этомъ ли заключается разгадка тайны?! Это состраданіе — самосостраданіе, потому и легенда о рыбакѣ Урашимѣ — легенда о мириадахъ душъ. Мысль эта приходитъ только въ извѣстныя времена, съ лазурнымъ свѣтомъ и нѣжными вѣтерками, и всегда какъ тихій упрекъ. Она слишкомъ тѣсно связана съ извѣстнымъ временемъ года и поэтому несомнѣнно связана чѣмъ-то реальнымъ съ нашей собственной жизнью и съ жизнью предковъ; но въ чёмъ же состоитъ эта реальная связь? Кто была дочь морского царя? Гдѣ былъ островъ вѣчнаго льта? Что означаетъ облачко, улетѣвшее изъ ящичка? Я не могу

отвѣтить на эти вопросы; одно лишь я знаю,— но то, что я знаю, не ново.

Я вспоминаю зачарованную страну и волшебное время, когда солнце и мѣсяцъ были больше и ярче... Было ли это въ настоящей жизни или въ жизни иной, — этого я сказать не могу; но я знаю, что небо было синѣе и ближе къ землѣ,— почти такое, какимъ оно кажется надъ мачтами корабля, плывущаго навстрѣчу тропическому лѣту... Море было живое, оно говорило, а когда вѣтеръ касался меня, мнѣ хотѣлось кричать отъ восторга. Еще разъ или два, въ божественные дни, проведенные мною въ горахъ, были миги, когда мнѣ казалось, что тотъ же вѣтеръ касался меня—но это былъ сонъ, воспоминаніе мечта...

Въ той странѣ были волшебныя облака, и окраску ихъ никакими словами не описать. Помню, что тогда и дни были гораздо длиннѣе, и каждый день былъ для меня новымъ чудомъ и новымъ блаженствомъ. И въ то далекое время, въ той далекой странѣ, кротко царила она,—та, которая любила меня и дарила мнѣ счастіе. Иногда я отказывался отъ счастія, и тогда она очень страдала, несмотря на свою божественность. А я, помню, очень старался вызвать въ себѣ раскаяніе...

Когда день угасалъ, и до восхода луны наступала глубокая, безмолвная темнота, она раз-

сказывала мнѣ сказки; я внималъ имъ съ восторгомъ, затаивши дыханіе; никогда больше не слыхивалъ я такихъ сказокъ! А когда наше блаженство доходило до боли, она запѣвала чудесную пѣснь, убаюкивая меня; и я затихалъ. Но вотъ насталъ часъ разлуки; она горько плакала, подарила мнѣ талисманъ и сказала:

«Никогда не теряй его, потому что онъ сохранитъ тебѣ юность и дастъ возможность вернуться ко мнѣ».

Но я не вернулся, а годы шли, и внезапно я понялъ, что потерялъ талисманъ, и что старость пришла—смѣшная и грустная старость... □

Деревня «Долгій Берегъ» расположена у подножія зеленой скалы; она состоитъ изъ дюжины покрытыхъ рогожей домовъ, тѣснящихся вокругъ пруда въ тѣни старыхъ сосенъ. Студеная вода переливается черезъ край водоема; широкимъ потокомъ бѣть она изъ самаго сердца скалы, какъ поэма изъ сердца поэта.

Судя по множеству курумъ и путешественниковъ, это — любимое мѣсто отдыха. Утоливъ жажду, я усѣлся подъ дерево на скамейку и, покуривая, стала наблюдать, какъ женщины стирали бѣлье, а путешественники наслаждались студеной водой. Мой курумайя раздѣлся

и изъ ушата сталъ обливать холодной водой свое разгоряченное тѣло. Потомъ молодой человѣкъ съ ребенкомъ на спинѣ принесъ мнѣ чаю. Я попробовалъ заиграть съ ребенкомъ, лепечущимъ «а — ба». Это первые звуки, которые произноситъ японскій младенецъ,—чисто-восточные звуки. Интересенъ несознанный ребенкомъ смыслъ этого слова. На языкѣ японскихъ дѣтей «аба» значитъ «прощай», — послѣднее слово, которое можно было бы ожидать отъ ребенка, только-что вступившаго въ нашъ міръ иллюзій. Съ кѣмъ же прощается эта маленькая душа? Съ друзьями ли прежней жизни, о которыхъ еще свѣжо воспоминаніе? Съ товарищами ли по таинственному пути изъ того царства, о которомъ никто никогда не разскажетъ? Съ религіозной точки зрѣнія такие вопросы совершенно невинны, ибо ребенокъ никогда не отвѣтить на нихъ. О чемъ онъ думалъ въ тотъ таинственный мигъ, когда началъ говорить, объ этомъ онъ конечно забудетъ, когда настанетъ время отвѣтить на вопросы.

Вдругъ меня охватило странное воспоминаніе,—можеть-быть навѣянное молодымъ человѣкомъ съ ребенкомъ, можетъ-быть пѣснью воды, разбивающейся объ утесъ... Я вспомнилъ одну сказку.

Давно-давно гдѣ-то въ горахъ жилъ бѣдный дровосѣкъ съ женой. Они были бездѣтны

и уже очень стары. Каждый день мужъ одинъ уходилъ въ лѣсъ, а жена оставалась дома за прялкой.

Разъ какъ-то дровосѣкъ глубже обыкновен-
наго зашелъ въ лѣсъ; онъ искалъ какихъ-то
особенныхъ дровъ. Вдругъ онъ очутился у
маленькаго ключа, котораго раньше никогда
не видаль. Вода была чудесная, прозрачная
и холодная; ему захотѣлось пить; день быль
жаркій, и онъ много работалъ. Онъ снялъ свою
широкополую соломенную шляпу, всталъ на
колѣни и сталъ жадно пить. Вода удивительно
освѣжила его. Вдругъ онъ въ водѣ увидаль
отраженіе своего лица и испугался. Это было
его лицо, а между тѣмъ не такое, какимъ онъ
привыкъ видѣть его въ старомъ зеркалѣ дома:
то было совсѣмъ молодое лицо. Онъ не повѣ-
рилъ своимъ глазамъ. Невольно онъ схватился
за голову, совершенно лысую за нѣсколько ми-
нутъ до этого: теперь густые черные волосы по-
крывали ее; лицо его стало гладкимъ-гладкимъ,
какъ лицо юноши—всѣ морщины исчезли. Вмѣ-
стѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ, что по всему
его тѣлу разливалась юношеская сила. Въ изу-
мленіи онъ посмотрѣлъ на свои ноги; давно уже
отъ старости онъ стали слабы и дряблы, а те-
перь вдругъ ноги его стали красивыми и упру-
гими. Онъ не зналъ, что испилъ живой воды
изъ ключа юности. Въ первое мгновеніе онъ

закричалъ и запрыгалъ отъ радости, потомъ побѣжалъ домой; никогда въ жизни онъ не бѣгалъ такъ скоро. Дома жена испугалась, потому что приняла его за чужого; а когда онъ рассказалъ ей о случившемся чудѣ, она сначала не хотѣла вѣрить ему. Наконецъ ему все-таки удалось убѣдить ее въ томъ, что онъ—ея мужъ. Подробно описавъ, гдѣ находится волшебный ключъ, онъ попросилъ ее пойти съ нимъ.

«Ты теперь такой молодой и красивый», сказала она; «любить такую старуху, какъ я, ты конечно не можешь. Мнѣ тоже надо испить этой водицы. Но обоимъ намъ нельзя уйти изъ дома; такъ ты здѣсь подожди, а я пойду».

И она поплелась въ лѣсъ одна.

Найдя источникъ, она встала предъ нимъ на колѣни и начала пить водицу. О, какъ она была освѣжительна и вкусна! Она пила, пила, останавливаясь только, чтобы передохнуть,—и снова пила, пила безъ конца.

Дома мужъ съ нетерпѣніемъ ее поджидалъ. Онъ надѣялся, что она вернется къ нему молодой и красивой. Но онъ ждалъ часъ, ждалъ другой, а она все не возвращалась. Тогда его охватилъ страхъ. Онъ заперъ домъ и отправился ее искать. У источника не было никого. Онъ хотѣлъ было вернуться домой, но вдругъ услышалъ, что въ высокой травѣ рядомъ съ

ключомъ кто-то тихо плачетъ. Онъ сталъ ша-
рить въ травѣ и сначала нашелъ платье жены,
а рядомъ съ платьемъ маленькаго, шестимѣ-
сячнаго ребенка.

Старуха слишкомъ много хлебнула волшеб-
ной водицы и допилась до того, что перешаг-
нула юность и стала младенцемъ. Мужъ под-
нялъ ребенка, грустно и удивленно смотря-
щаго на него, и понесъ его домой, погружен-
ный въ грустныя думы.

Теперь смыслъ этой сказки меня менѣе удо-
влетворилъ, чѣмъ прежде, потому что я еще на-
ходился подъ чарами моей фантазіи о рыбакѣ
Урашимѣ. Мы не становимся моложе, если
слишкомъ много пьемъ изъ жизненнаго ключа...

Мой курумайя вернулся, голый и освѣжен-
ный, и объявилъ, что слишкомъ жарко, и онъ
не можетъ сдѣлать обѣщанныхъ 25-ти миль,
но что вмѣсто него меня довезетъ до мѣста на-
значенія другой. За труды онъ потребовалъ 75
сенъ.

Было дѣйствительно очень жарко, и вдали,
будто лихорадочный пульсъ природы, слышался
бой барабановъ, просияющихъ у неба дождя. И
я снова вспомнилъ о дочери морского царя.

«Она сказала мнѣ 75 сенъ», замѣтилъ я; «хо-
тя ты и не исполнилъ условленной работы, но
я дамъ тебѣ 75 сенъ, потому что я боюсь гнѣва
боговъ». □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Мою телѣжку подхватилъ бодрый, еще неутомленный бѣгунъ, и я покатиль дальше, по сверкающей ароматной дали и шири, навстрѣчу большимъ барабанамъ... □ □ □ □ □ □ □

□ КИМИКО. □

Желаніе быть за-
бытой возлюблен-
нымъ душъ гораздо
труднѣе, нежели
стараніе самой не
забыть...»

(Изъ стихотвор.
Кимико).

ГА БУМАЖНОМЪ фонаръ у входа въ одинъ изъ домовъ «улицы гейшъ» написано ея имя. Ночью эта улица производить фантастическое впечатлѣніе, — узкая, какъ коридоръ, съ глухими, фасадами изъ темнаго полированнаго дерева, напоминающими пароходныя каюты первого класса; въ маленькихъ раздвижныхъ дверяхъ — оконца, затянутыя бумагой, похожей на узорчатое стекло. Зданіе въ нѣсколько этажей, но въ безлунную ночь этого и не замѣтишь; освѣщены только нижнія помѣщенія до спущенныхъ маркизъ, — все остальное, вверхъ, темно. Свѣтятся лампы изнутри, сквозь узенькия бумажныя окна, — свѣтятся фонари, висящіе снаружи, поодному у каждой двери. Смотришь вдоль улицы, между двумя рядами такихъ фонарей, сливающихся въ перспективѣ въ неподвижную массу желтаго свѣта. Фонари — яйцеобразные и цилиндрическіе, четырех- и шестиугольные — съ японскими надписями, въ красивыхъ іероглифахъ.

Улица безмолвствуетъ, какъ выставка послѣ ухода посѣтителей. Обывательницы ея упорхнули и украшаютъ своимъ присутствиемъ банкеты и пиршества; какъ ночные бабочки, они живутъ только ночью.

Если итти съ сѣвера на югъ, то на первомъ фонарѣ слѣва читаешь: «Киноя: ухи О-Ката», т. е. «золотой домъ, въ которомъ живеть Оката».

Фонарь справа повѣствуетъ о домѣ Нишимура и о дѣвушкѣ Міутсурѣ, о «пышномъ аистѣ». Слѣдующій домъ слѣва—домъ Кайты съ Коханой-цвѣточкомъ и Хинакой-куколкой. Напротивъ возвышается домъ Нагайэ, гдѣ живутъ Кимики и Кимико... Съ полмили тянутся эти параллельные линіи свѣтящихся именъ.

Хозяйка и владѣтельница послѣдняго дома—Кимика. Она послѣдовательно воспитала двухъ гейшъ, назвавъ обѣихъ однимъ и тѣмъ же именемъ: Кимико первую—«Ихи-дай-мэ» и нынѣ существующую Кимико—«Ни-дай-мэ», — т.-е. Кимико номеръ второй. Очевидно Кимико-Ихи-дай-мэ въ свое время пользовалась большой извѣстностью, т. к. имена обыкновенныхъ гейшъ никогда не переходять на ихъ преемницъ.

Можетъ-быть, случай занесеть васъ когда-либо въ этотъ домъ; раздвинувъ дверь, вы услышите звукъ гонга, возвѣщающаго о вашемъ посѣщеніи, и увидите Кимику, если только она со своей маленькой труппой не приглашена въ этотъ вечеръ куда-нибудь. Кимика очень интеллигентная особа, съ которой стоитъ поговорить. Если она въ настроеніи, то поразскажетъ вамъ много интереснаго, почерпнутаго непосредственно изъ живой жизни, изъ наблюдений надъ природой людской. Вѣдь улица гейшъ полна преданій,—трагическихъ, комическихъ, мелодраматическихъ. Кимики всѣ извѣстны.

Въ каждомъ домѣ—свои воспоминанія—страшные, смѣшные и такія, надъ которыми невольно задумаешься. Такова повѣсть Кимико первой: не то чтобы она была необычайной, но во всякомъ случаѣ она доступнѣе другихъ нашему западному пониманію. □ □ □ □ □

Ихи-дай-мэ-Кимико нѣтъ больше въ домѣ Нагайэ; о ней осталось лишь одно воспоминаніе. Кимика была еще очень молода, когда Кимико стала ея товаркой по профессії.

«Необыкновенная дѣвушка», отзыается Кимика о ней.

Чтобы стать извѣстной, гейша должна быть или красива, или умна,—а лучше, если въ ней соединено и то и другое. При выборѣ дѣвочекъ-подростковъ,—будущихъ гейшъ,—воспитатели ихъ обращаютъ на это особенное вниманіе. Даже отъ гейшъ второго и третьяго разряда требуютъ въ юности извѣстной прелести, хотя бы *beauté du diable*, породившей японскую поговорку, что «въ восемнадцать лѣть и чортъ красивъ» и въ «двадцать драконъ!»

Но Кимико была не просто хороша собой,—въ ней какъ бы воплотился японскій идеалъ красоты, что среди тысячъ женщинъ рѣдко находишь въ одной. □ □ □ □ □ □ □ □

□ Она была не просто умна,—она была талантлива: писала изящные стихи, съ изысканнымъ вкусомъ все вокругъ себя украшала цветами, безукоризненно продѣльвала всѣ чайные церемоніи, прекрасно вышивала и дѣлала шелковую мозаику; однимъ словомъ—она была совершенство.

Въ Кіото, съ первого же выхода ея «*dans le monde où l'on s'amuse*», она произвела сенсацію; ея успѣхъ сразу былъ обеспеченъ, и началось побѣдоносное шествіе. Подготовка у нея была прекрасная, онаправлялась со всѣми положеніями, не терялась ни при какихъ обстоятельствахъ. А то, чего *она* еще не знала,—то вѣдала Кимика: власть красоты и слабость подъ вліяніемъ страстей, цѣну обѣщаній и муку равнодушія, все безуміе, всю низость, царящую въ сердцахъ мужчинъ. Руководимая ею, Кимико рѣдко ошибалась и мало проливала слезъ. Со временемъ она стала немного опасной, чего Кимика и желала,—опасной, какъ горящая лампа для ночныхъ бабочекъ,—не болѣе того; иначе ее могли бы и потушить. Лампа должна освѣщать то, что пріятно для глазъ; страдать же она никакого не заставляетъ,—такъ и Кимико никого не заставляла страдать; она была не слишкомъ опасной. Заботливые, почтенные родители скоро убѣдились, что она и не думаетъ вторгаться въ ихъ семью; она даже романтическихъ приключений не искала. Но юношамъ, подписывающимъ

договоры собственной кровью, требующимъ отъ гейшъ отрѣзанного мизинчика въ знакъ вѣчной вѣрности,—имъ она спуску не давала и исцѣляла ихъ безуміе жестокостью. Такъ же безжалостна она была и по отношенію къ богатымъ поклонникамъ, желавшимъ купить ее цѣною домовъ и имѣній. Одинъ изъ нихъ былъ такъ великодушенъ, что предложилъ за ея свободу сумму, которая сдѣлала бы ее сразу богатой женщиной. Кимико сердечно поблагодарила, но осталась гейшей. Отказывая, она не обижала, и отчаяніе почти всегда умѣла врачевать. Были, конечно, и исключенія. Пожилой господинъ, вообразившій, что жить безъ Кимико не можетъ, пригласилъ ее однажды на пирушку и предложилъ ей выпить съ нимъ вмѣстѣ вина. Но опытная Кимика, по лицу читающая въ душахъ людскихъ, сразу смекнула, въ чемъ дѣло, быстро замѣнила вино въ бокалѣ дѣвушки чаемъ и спасла такимъ образомъ ея драгоцѣнную жизнь. А душа старого влюбленного глупца нѣсколько минутъ спустя одна отправилась въ меидо, вѣроятно очень удивленная и разочарованная своимъ одиночествомъ.

Съ тѣхъ поръ Кимика оберегала Кимико, какъ дикая кошка своего котенка.

«Котенокъ» сталъ баловнемъ высшаго свѣта, любой дня, мѣстной знаменитостью.

□ Одинъ изъ ея поклонниковъ, заграничный

принцъ, до сихъ поръ помнящій ея имя, посыпалъ ей бриліанты, которыхъ она никогда не носила; счастливцы, имѣющіе возможность доставлять ей удовольствіе, засыпали ее драгоцѣнными подарками; пользоваться ея благосклонностью хотя бы въ теченіе одного дня—было мечтой «золотой молодежи». Но она никому не давала предпочтенія и слышать не хотѣла о вѣчной вѣрности. На мольбы и клятвы она неизмѣнно отвѣчала, что знаетъ свое мѣсто и назначеніе. Даже женщины свѣта снисходительно отзывались о ней, т. к. она никогда не бывала причиной семейной драмы. Она дѣйствительно знала свое мѣсто. Время, казалось, щадило ее; она съ годами становилась все лучше. Появлялись другія гейши, достигали славы, но не было равной ей. Фабрикантъ, пріобрѣтшій право пользоваться ея фотографіей на своихъ ярлыкахъ, составилъ себѣ тѣмъ состояніе.

Но вдругъ распестранилась изумительная вѣсть: неприступное сердце Кимико сдалось! Она расপостилаась съ Кимикой и ушла къ возлюбленному, богатому и щедрому. Говорили также, что онъ хотѣлъ упорядочить ея соціальное положеніе, возстановить ея репутацію, зажать ротъ сплетникамъ, всѣхъ заставить забыть о ея прошломъ. Онъ готовъ былъ тысячу разъ умереть за нее, хотя уже и такъ былъ еле живъ отъ любви. □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ По рассказамъ Кимики, Кимико сжалилась надъ безумцемъ, покушавшимся изъ любви къ ней на самоубийство, и ухаживала за больнымъ, пока вмѣстѣ со здоровьемъ не вернулось и прежнее безуміе его...

Тайко Хидейоши сказалъ, что боится только безумцевъ и темныхъ ночей. Кимика тоже боялась безумцевъ,—и къ такому безумцу ушла ея Кимико. Со слезами, не лишенными эгоизма, Кимика увѣряла, что Кимико ушла навсегда, т. к. взаимная любовь ихъ такъ велика, что переживетъ нѣсколько человѣческихъ жизней.

Но, несмотря на всю свою проницательность, Кимика ошибалась: если бы ей дано было проникнуть въ самый тайникъ души своей воспитанницы,—она громко вскрикнула бы отъ удивленія. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Кимико отличалась отъ другихъ танцовщицъ еще и своимъ знатнымъ происхождениемъ. Кимико было профессиональнымъ именемъ, а раньше ее звали Аи. Смотря по начертанію, имя это означаетъ то «любовь», то «страданіе». Судьба Аи дѣйствительно сплелась изъ любви и страданія. Она получила хорошее воспитаніе, училась въ частной школѣ, которой

завѣдывалъ старый самурай. На корточкахъ сидѣли дѣвочки на своихъ подушкахъ за низенькими двѣнадцатидюймовыми плюпитрами и прилежно учились; обученіе было бесплатное. (Нынче, когда учителя получаютъ больше жалованья, нежели другие чиновники, обученіе не такъ интересно и не такъ основательно, какъ было раньше.) Служанка провожала дѣвочку въ школу и домой, неся за нею книги, подушку, тетради и столикъ.

Послѣ этого Аи поступила въ общественную начальную школу. Первые «модные учебники» только-что появились. Это были переводы на японскій языкъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ разсказовъ о чести, долгѣ и геройствѣ,—чудесные сборники съ наивными маленькими картинками, изображающими людей Запада въ такихъ костюмахъ, которыхъ никто на свѣтѣ никогда не носилъ и не видѣлъ. Эти трогательные книжечки теперь стали рѣдкостью; ихъ давно вытѣснили другія, составленныя съ большей претензией и меньшей любовью.

Аи училась съ большой легкостью. Разъ въ годъ во время экзаменовъ въ школу пріѣзжалъ знатный сановникъ; онъ отечески разговаривалъ съ дѣвочками и, раздавая награды, ласково гладилъ ихъ по шелковистымъ головкамъ. Потомъ онъ достигъ высшихъ чиновъ, удалился отъ общественной жизни и, конечно,

забылъ объ Аи. Въ наши дни не такъ нѣжно обращаются съ маленькими ученицами и не радуютъ наградами ихъ сердечекъ.

Но наступили общественные перевороты; именины семьи лишились положенія и имущества. Аи должна была оставить школу. Непрерывной цѣпью сливалось одно горе съ другимъ. Аи осталась безъ поддержки, безъ помощи, одна съ матерью и маленькой сестрой. Мать и Аи умѣли ткать, но это приносило такъ мало, что скоро пришлось распродавать имущество, оставляя только самое необходимое; сначала продали домъ и землю, затѣмъ одну за другою хозяйственныя принадлежности, драгоцѣнности, богатую одежду, гравированныя и лакированныя вещицы. За полцѣны все это переходило въ руки тѣхъ, чье благосостояніе построено на несчастіи другихъ, чье богатство въ народѣ называется слезными деньгами. Отъ живыхъ нечего было ждать поддержки: большинство родственниковъ самураевъ находились въ такомъ же безотрадномъ положеніи. Когда же всѣ источники истощились, когда все было распродано,— даже учебники Аи,—тогда прибѣгли къ помощи мертвыхъ...

Вспомнили, что дѣдушка Аи былъ похороненъ съ драгоцѣннымъ, въ золотой оправѣ мечомъ, подаркомъ дайміо. Раскрыли могилу, замѣнили драгоцѣнную рукоятку простой и сняли укра-

шение съ лакированныхъ ноженъ. Лезвіе же оставили,—оно могло понадобиться воину. Аи увидѣла высокую фигуру въ красной глиняной урнѣ, употребляемой по стаинному обычай вмѣсто гроба при погребеніи знатныхъ самураевъ. Долго пролежалъ онъ въ могилѣ, но черты его лица еще можно было узнать; и когда ему возвратили мечъ, Аи показалось, что по лицу его пробѣжала свирѣпая, но одобрительная улыбка.

Но наступили черные дни: мать Аи все слабѣла и не могла больше работать за ткацкимъ станкомъ; золото мертвца истощилось. Тогда Аи рѣшительно сказала:

«Мама, исходь одинъ: я продамъ себя, пойду въ танцовщицы.»

Мать молча рыдала; Аи не плакала и одна вышла изъ дома.

Она вспомнила свободную гейшу по имени Кимики, часто бывавшую на пирахъ въ домѣ ея отца и всегда ласковшую ее. Къ ней-то она и направилась.

«Купи меня», сказала Аи, входя; «мнѣ очень много денегъ нужно».

Кимики улыбнулась, приласкала, накормила дѣвочку и выслушала печальную повѣсть ея.

«Дитя мое», сказала Кимики: «много я дать тебѣ не могу,—у меня самой денегъ мало. Но обѣщаю тебѣ заботиться о твоей матери; это

лучше, чѣмъ дать ей въ руки большую сумму. Мать твоя, дитя мое, была знатной дамой; она не умѣеть обращаться съ деньгами. Попроси ее подписать договоръ, по которому ты обязуешься оставаться у меня до двадцати четырехъ лѣтняго возраста или до тѣхъ поръ, пока не уплатишь своего долга. А то, чѣмъ я сейчасъ могу подѣлиться, возьми съ собой, какъ подарокъ».

Такимъ образомъ Аи стала гейшой; Кимика назвала ее Кимико и сдержала обѣщаніе относительно матери и маленькой сестры.

Кимико еще не достигла славы, когда мать ея умерла; сестрицу отдали въ школу, затѣмъ произошло то, о чемъ разсказано выше.

Молодой человѣкъ, покушавшійся на самоубійство изъ-за любви къ гейшѣ, былъ достоинъ лучшей участіи. Онъ былъ единственнымъ сыномъ богатыхъ, уважаемыхъ людей, готовыхъ ради него на всякую жертву,—готовыхъ даже гейшу признать невѣсткой,—такъ трогала ихъ ея любовь.

Незадолго до ухода отъ Кимики, Кимико выдала замужъ сестру, Умэ, только-что окончившую школу. Пользуясь своимъ знаніемъ людей, Кимико сама ей выбрала мужа, прямого, честнаго купца старого закала, рѣшительно неспособнаго ни на что дурное.

□ Умэ безпрекословно и радостно приняла

выборъ сестры, и бракъ въ самомъ дѣлѣ ока-
зался очень счастливымъ. □ □ □ □ □ □ □

Въ четвертомъ мѣсяцѣ года Кимико ввели
въ новый, приготовленный для нея домъ. Ве-
ликолѣпіе его могло изгладить изъ памяти
всѣ тяжелыя воспоминанія: это былъ волшебный
замокъ въ зачарованномъ молчаніи большихъ
тѣнистыхъ садовъ. Ей показалось, что боги
перенесли ее за добрыя дѣла въ царство хорai.
Но прошла весна, наступило лѣто, а Кимико
все еще не рѣшалась на послѣдній шагъ. По
необъяснимымъ причинамъ она уже трижды
откладывала день свадьбы.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Настрое-
ніе Кимико омрачалось все больше, и въ одинъ
прекрасный день она кротко, но рѣшительно
изложила причину своего отказа.

«Пора высказать то, что я такъ долго таю
въ себѣ. Изъ любви къ матери, давшей мнѣ жизнь,
изъ любви къ сестрицѣ я жила какъ въ аду...
Все это миновало, но позорное клеймо осталось
на мнѣ, и ничто въ мірѣ не смоетъ его. Не можетъ
такая, какъ я, войти въ вашу семью, стать
матерью вашего сына, устроить вамъ уют-
ный родной уголокъ. Не перебивайте меня,—
дайте высказать... Въ познаніи зла я много,

много опытнѣе васъ... Не могу я стать вашей
женою, не хочу опозорить васъ,—нѣть, нико-
гда... Я лишь подруга ваша, товарищъ вашихъ
игръ, мимолетная гостья,—безкорыстная, сво-
бодная... Намъ должно разстаться, и когда
я буду далеко,—вы все поймете. Я всегда буду
вамъ дорога, но чувства ваши измѣняются: не
будетъ больше слѣпого безумства, которымъ
вы охвачены теперь. Слова эти вытекаютъ изъ
нѣдръ души моей,—вы со временемъ вспомните
ихъ... Для васъ выберутъ прелестную невѣсту
изъ знатной семьи; она станетъ матерью ва-
шихъ дѣтей; быть-можетъ я увижу ихъ,—но
супругой вашей мнѣ не быть и материнскихъ
радостей мнѣ не знать никогда... Дорогой мой,
вѣдь я—только безуміе твое, иллюзія, греза,
легкая тѣнь,—промелькнула въ твоей жизни
и снова исчезла... Можетъ-быть когда-нибудь
я буду большими для тебя,—но супругой
твоей,—нѣть, никогда... Не уговаривай меня,—
иначе я сейчасъ же покину тебя...»

Съ наступленіемъ шестого мѣсяца Кимико
вдругъ скрылась неожиданно и безслѣдно. □

Никто не зналъ, какъ и когда она ушла.
Даже сосѣди не замѣтили ея ухода. Сначала
надѣялись на ея скорое возвращеніе, т. к.

изъ всѣхъ своихъ вещей, роскошныхъ и красивыхъ, она ничего не взяла съ собою,—ни платья, ни драгоцѣнностей, ни даже подарковъ, стоившихъ цѣлое состояніе. Но проходила недѣля за недѣлей, а она все не возвращалась. Ужъ стали опасаться несчастнаго случая. Отводили рѣки, обыскивали колодцы,—все было напрасно. Наводили справки письменно и по телеграфу. Во всѣ концы за нею разсыпали вѣрныхъ слугъ. Назначили награду за ея находеніе; Кимикѣ же обѣщали золотыя горы, хотя она такъ любила дѣвушку, что была бы счастлива найти ее и безъ всякой надежды на награду... Тайна такъ и осталась тайной. Обращаться же къ властямъ было бы напрасно: вѣдь бѣглanka не совершила преступленія, не нарушила закона, а ради страсти и прихоти влюбленнаго юноши нельзѧ было приводить въ движение сложный полицейскій механизмъ.

Проходили мѣсяцы, проходили годы; ни Кимики, ни юная сестра въ Кіото, ни бывшіе поклонники прекрасной гейши, никто никогда не видѣлъ ее больше...

Кимико была права: время—великій цѣлиитель—осушило слезы, залѣчило раны; дважды по той же причинѣ не покушаются на самоубійство, даже въ Японіи. Ея другъ сталъ ее забывать, успокоился, женился на премилой дѣвушкѣ и сталъ отцомъ прелестнаго мальчугана.

□ Прошло нѣсколько лѣтъ. Счастіе и довольство царили въ волшебномъ замкѣ, гдѣ нѣкогда жила Кимико.

Въ одинъ прекрасный день къ дому подошла странствующая монахиня, будто за милостыней. Услыша ея буддійскій возгласъ: «Ха-и, Ха-и», ребенокъ подбѣжалъ къ воротамъ. Служанка, слѣдовавшая за нимъ съ обычнымъ подаяніемъ, рисомъ, увидѣла съ изумленіемъ, что монахиня ласкаетъ ребенка и шопотомъ разговариваетъ съ нимъ. Увидя служанку, мальчикъ воскликнулъ:

«Я подамъ ей!»

А изъ-за фаты, спускавшейся съ широкополой соломенной шляпы, раздался голосъ монахини:

«Прошу васъ, исполните его просьбу!»

Ребенокъ высыпалъ рисъ въ чашечку монахини; поблагодаривъ, она сказала:

«Повтори мои слова!»

Мальчикъ тихо произнесъ:

«Отецъ, та которую въ этомъ мірѣ ты никогда не увидишь, говорить, что сердце ея преисполнено радостью, потому что она видѣла сына твоего!»

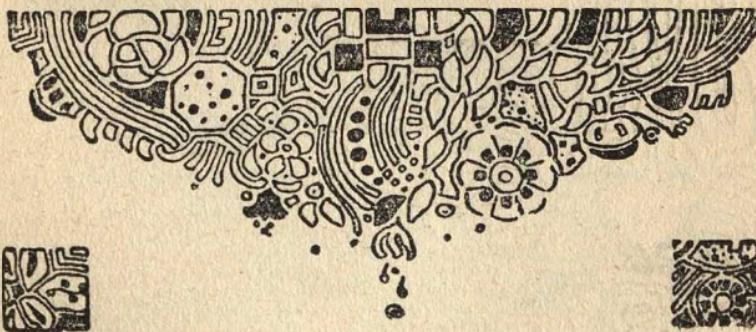
Монахиня кротко улыбнулась, еще разъ приласкала мальчика и поспѣшно удалилась.

Служанка съ удивленіемъ смотрѣла ей вслѣдъ, а ребенокъ, подбѣжавъ къ отцу, исполнилъ порученіе таинственной посѣтительницы. □ □

□ Услыша нежданную вѣсть, отецъ склонился къ головкѣ ребенка и тихо заплакалъ. Онъ одинъ только зналъ, *кто* подходилъ къ его воротамъ; онъ постигъ глубину жертвы, руководившей всей жизнью ея.

Съ тѣхъ поръ онъ часто сидитъ, погруженный въ глубокія скрытыя думы. Онъ знаетъ, что легче сойтись свѣтиламъ небеснымъ, чѣмъ ему съ этой женщиной, такъ много любившей его. Онъ знаетъ, что напрасно было бы искать, гдѣ,—въ далекомъ ли городѣ, среди безличной, пестрой толпы или въ темномъ, безвѣстномъ убогомъ храмѣ,—она ждетъ наступленія мрака, предтечу необъятнаго, вѣчнаго свѣта... Въ этомъ свѣтѣ ликъ Учителя съ улыбкой склонится надъ ней, и голосъ его, слаше голоса земной любви, коснется уха ея:

«*О дочь моя*», скажетъ Онъ: «*вѣрный путь избрала ты; ты повѣрила и проникла въ самую глубь истины; привѣтъ тебѣ, приди ко мнѣ*».

ВЪНЧАННЫЕ
□ СМЕРТЬЮ. □

ВНЕЗАПНЯЯ вспышки любви съ ихъ роковыми послѣдствіями въ Японіи рѣже, чѣмъ на Западѣ; отчасти потому, что общественная жизнь на Востокѣ отличается отъ нашей, отчасти потому, что раннія свадьбы по выбору родителей предупреждаютъ возможность несчастной любви. И все-таки романтическія самоубійства, и почти всегда двойные, въ Японіи встрѣчаются очень часто. Въ большинствѣ случаевъ они являются неизбѣжнымъ слѣдствиемъ незаконныхъ отношеній. Есть, конечно, исключенія, особенно въ деревняхъ, гдѣ трагическій исходъ нерѣдко зарождается въ невинной, дѣтской дружбѣ. Но и въ такихъ случаяхъ мы видимъ своеобразную разницу между самоубійствомъ двухъ любящихъ на западѣ и такимъ же на востокѣ. Восточное самоубійство не есть слѣдствіе внезапного слѣпого взрыва отчаянія; оно не только обдуманно и хладнокровно, — оно священно, какъ таинство. Смерть соединяетъ, обручаетъ любящихъ. Именами боговъ они клянутся быть вѣрными другъ другу, пишутъ прощальныя письма и вмѣстѣ идутъ навстрѣчу смерти. Это священные узы, нѣтъ ихъ священнѣй. Если же случай или искусство врача спасутъ отъ смерти одного изъ любящихъ, спасенный связанъ священной клятвой любви: умереть при первой возможности. Если же удастся

спасти обоихъ, то все можетъ еще окончиться благополучно. Но лучше совершить преступление, караемое пятьюдесятью годами тюрьмы, чѣмъ обѣщать дѣвушкѣ умереть вмѣстѣ съ нею и нарушить обѣтъ. Женщина, нарушившая клятву, можетъ надѣяться на снисхожденіе, мужчина же—никогда: онъ заклейменъ на всю жизнь какъ клятвопреступникъ, убийца, негодяй, трусъ, позоръ рода человѣческаго. Я знаю такой случай, но теперь хочу разсказать простую любовную повѣсть. Это было въ одной изъ деревень восточныхъ провинцій.

Деревня расположена на берегу широкой, но мелкой рѣки; ея каменистое русло только во время дождей затоплено водой.

Рѣка течетъ по широчайшей равнинѣ, между безконечными рисовыми полями, которая тянется съ юга на сѣверъ и теряется за чертой горизонта; на западѣ ихъ окаймляетъ горная цѣпь, а на востокѣ—низкие лѣсистые холмы; между деревней и холмами—около полукилометра рисовыхъ полей; на южномъ пригоркѣ—кладбище съ буддійскимъ храмомъ, посвященнымъ божественной, одиннадцатиликой Куаннонъ.

Какъ узловой пунктъ, деревня эта имѣетъ нѣкоторое значеніе. Кромѣ нѣсколькихъ сотенъ

крытыхъ рогожей жилищъ обыкновенного деревенского типа, въ ней цѣлая улица двухъ этажныхъ каменныхъ зданій съ изящными магазинами и гостинницами. Тамъ же возвышается и шинтоистскій приходскій храмъ, Уигами, посвященный богинѣ Солнца; а рядомъ, въ тутовой рощѣ, таится святыня, посвященная богинѣ шелковичныхъ червей.

Въ этой деревнѣ, въ седьмомъ году лѣтосчисленія Майджи, въ домѣ Ушиды—красильщика—родился мальчикъ, котораго назвали Таро. Его рожденіе пришлось въ несчастливый день—Аку-Ніики—седьмого или восьмого мѣсяца стараго лѣтосчисленія. Его родители, простые люди стараго закала, очень опечалились этимъ. Но добрые друзья и сосѣди увѣрили ихъ, что все обстоитъ благополучно, потому что императорскимъ указомъ старый календарь отмѣненъ, а по новому календарю день рожденія мальчика—Китсу-Ніики, т.-е. счастливый день. Родители нѣсколько успокоились, но когда они въ первый разъ понесли младенца въ храмъ, они пожертвовали богамъ большой бумажный фонарь, горячо моля ихъ избавить ребенка отъ всякаго зла. Жрецъ прочиталъ установленныя древнимъ ритуаломъ молитвы, осѣнилъ головку ребенка священными гохей и далъ ему маленький талисманъ. Послѣ этого родители отправились въ храмъ божественной Куаннонъ на холмѣ,

принесли и тамъ разныя жертвы и горячо помолились всѣмъ изображеніямъ Будды, дабы онъ защитилъ и спасъ ихъ первенца.

Когда Таро исполнилось шесть лѣтъ, родители рѣшили послать его въ новую начальную школу по сосѣдству съ деревней. Дѣдушка купилъ ему кисточку для писанія, бумаги, книгу и аспидную доску и въ одно прекрасное утро повелъ его въ школу.

Таро былъ очень доволенъ; аспидная доска и другія обновки доставляли ему такое же удовольствіе, какъ новые игрушки; кроме того ему говорили, что въ школѣ очень весело, можно играть и рѣзвиться. А мать обѣщала по возвращеніи домой дать ему вдоволь сладкаго пирога.

Они пришли въ школу, огромное двухъ этажное зданіе со стеклянными окнами, и слуга провелъ ихъ въ большую пустую комнату, гдѣ за пюпитромъ сидѣлъ господинъ со строгимъ лицомъ. Дѣдушка низко поклонился ему, назвалъ его «сенсей» и покорнѣйше попросилъ его быть столь добрымъ и научить мальчика уму-разуму. Сенсей всталъ, отвѣтилъ также поклономъ и вѣжливо заговорилъ со старикомъ; онъ положилъ руку на головку Таро и сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ.

Таро вдругъ испугался. Когда дѣдушка простился, ему стало такъ страшно, что онъ

охотнѣе всего убѣжалъ бы домой. Учитель повелъ его въ большую, высокую бѣлую комнату; тамъ на скамейкахъ сидѣли мальчики и девочки. Учитель указалъ и ему мѣсто на одной изъ скамеекъ. Дѣти смотрѣли на новичка, шептались и хихикали. Таро подумалъ, что они смеются надъ нимъ, и ему стало очень тяжело на душѣ. Раздался звонокъ. Учитель, занявшій каѳедру въ глубинѣ комнаты, приказалъ имъ молчать такимъ громкимъ голосомъ, что Таро опять испугался. Стало совсѣмъ тихо; можно было бы услышать полетъ мухи; учитель заговорилъ. Таро показалось, что онъ говорить очень страшно.

Учитель говорилъ, что школа не мѣсто для удовольствій; онъ внушалъ ученикамъ, что они пришли сюда не играть, а серіозно работать; онъ говорилъ, что ученіе трудъ, но что надо быть прилежнымъ, не боясь ни работы ни утомленія. Онъ излагалъ школьныя правила и говорилъ о наказаніяхъ за непослушаніе и невниманіе. Дѣти сидѣли тихія, запуганныя. Тогда онъ заговорилъ другимъ языкомъ, какъ добрый отецъ, обѣщаю имъ любить ихъ, какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Потомъ онъ рассказалъ имъ, что школа выстроена по высочайшему повелѣнію его величества императора, для того, чтобы дѣти стали разумными людьми, что за это они должны искренно любить своего господина

и повелителя, почитая за счастие умереть за него. Онъ сказалъ имъ также, что надо горячо любить своихъ родителей, которымъ не легко сколачивать гроши для платы за ихъ обученіе; поэтому грѣшно и неблагодарно лѣниться во время уроковъ. Окончивъ рѣчь, онъ сталъ вызывать дѣтей, каждого отдельно по имени, спрашивая о томъ, о чёмъ онъ только-что говорилъ. Таро слышалъ только часть его рѣчи. Онъ весь былъ поглощенъ мыслью о томъ, что при его появлении въ классѣ всѣ дѣти уставились на него глазами и смеялись надъ нимъ. Все окружающее казалось ему непонятнымъ, все страшило его, и онъ ни о чёмъ другомъ не могъ думать. Поэтому онъ былъ совершенно ошеломленъ, когда учитель вызвалъ его:

«Ушида Таро, что тебѣ дороже всего на свѣтѣ?»

Таро вздрогнулъ, вскочилъ и чистосердечно отвѣтилъ:

«Сладкій пирогъ».

Дѣти глазѣли на него и хихикали, а учитель съ упрекомъ спросилъ:

«Ушида Таро, развѣ тебѣ пирогъ дороже родителей, дороже долга по отношенію къ его величеству императору?»

Таро понялъ, что провинился и покраснѣлъ до ушей. Дѣти размѣялись, а онъ расплакался. Это ихъ еще больше развеселило, и они хохота-

ли, пока учитель, приказавъ имъ молчать, не обратился къ слѣдующему ученику съ тѣмъ же вопросомъ. Таро продолжалъ горько рыдать, закрывъ лицо рукавомъ.

Раздался звонокъ. Учитель сказалъ, что слѣдующій урокъ будетъ урокомъ писанія у другого учителя, и разрѣшилъ имъ пойти на дворъ поиграть.

Учитель вышелъ изъ комнаты, а дѣтвора выбѣжала на дворъ, не обращая больше ни малѣйшаго вниманія на Таро. Это равнодушіе удивило мальчика еще больше прежняго всеобщаго вниманія. Пока никто кромѣ учителя не сказалъ ему ни единаго слова, а теперь, казалось, и тотъ совершенно о немъ позабылъ. Онъ снова усѣлся на своей скамеечкѣ и плакалъ, тихо плакалъ, боясь, что дѣти вернутся и опять будуть смѣяться надъ нимъ.

Вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо и его слуха коснулся нѣжный, сладкій голосокъ; онъ обернулся и увидѣлъ дѣвочку, немногимъ постарше его; она смотрѣла на него такимъ ласковымъ взглядомъ, какого онъ еще никогда не видалъ.

«Что съ тобою?» нѣжно спросила она.

Таро продолжалъ безпомощно рыдать и сопѣть; наконецъ онъ могъ отвѣтить:

«Мнѣ тутъ такъ страшно; я хочу домой.

«Почему?» спросила дѣвочка, обнимая его.

□ «Меня здѣсь никто не любить; никто не хочетъ ни играть ни говорить со мною».

«Да что ты! Это только потому, что ты еще новичокъ. То же самое было и со мною, когда я въ прошломъ году въ первый разъ пришла въ школу. Не огорчайся!»

«Да, но всѣ играютъ, а я тутъ сижу одинъ», возразилъ Таро.

«И вовсе этого не нужно. Пойдемъ со мною играть. Я буду твоимъ товарищемъ. Пойдемъ же!»

Таро вдругъ громко разрыдался. Онъ не могъ удержаться: жалость къ себѣ, благодарность и радость, вызванная внезапной лаской, переполнили его маленькое сердечко. Ласка была такъ пріятна. Но дѣвочка засмѣялась и быстро увлекла его изъ комнаты, чутко понявъ своей маленькой материнской душою, что происходило въ душѣ мальчика.

«Если хочешь, можешь, конечно, поплакать; но ты долженъ и поиграть!»

И какъ же они чудно играли!

Но когда, по окончаніи ученія, дѣдушка прішелъ за нимъ, Таро снова заплакалъ, на сей разъ вслѣдствіе предстоящей разлуки съ подругой. Но дѣдушка засмѣялся и воскликнулъ:

«Да вѣдь это маленькая Іоши, Міахаре О-Іоши! Вѣдь она можетъ пойти съ нами и остаться немного у насъ; ей все равно по дорогѣ». □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Дома новые друзья вмѣстѣ съѣли обѣщанный сладкій пирогъ, и О-Юши лукаво спросила:

«Ушида Таро, что тебѣ дороже: сладкій пирогъ или я?!» □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

У отца О-Юши по сосѣдству было нѣсколько рисовыхъ полей и лавка въ самой деревнѣ. Въ жилахъ ея матери текла самурайская кровь; во время отмѣны военной касты ее приняли въ семью Міяхара. У супруговъ родилось нѣсколько человѣкъ дѣтей, но всѣ умерли кромѣ О-Юши. Мать умерла, когда О-Юши была еще ребенкомъ. Отецъ, уже немолодой человѣкъ, вторично женился на дочери одного изъ своихъ арендаторовъ, молодой дѣвушкѣ по имени Ито О-Тама. Несмотря на мѣдно-красный цвѣтъ лица, О-Тама была необыкновенно красива,—высокая, стройная, полная жизни и силы.

Однако бракъ вызвалъ всеобщее удивленіе, потому что О-Тама не умѣла ни читать ни писать. Удивленіе смѣнилось насмѣшкой, когда обнаружилось, что съ первого же момента супружеской жизни О-Тама сразу и навсегда забрала въ руки бразды правленія. Но познакомившись съ нею ближе, сосѣди перестали смѣяться надъ уступчивостью мужа. Она блюла выгоду мужа лучше его самого и взялась за веде-

ніе его дѣль съ такой осмотрительностью, что года черезъ два почти удвоила его доходы. Сосѣди убѣдились, что Міяхара сумѣлъ выбрать жену, способную сдѣлать его богачомъ. Съ падчерицей она обращалась хорошо даже послѣ рожденія соего первого ребенка; о ней заботились и посылали ее въ школу.

О-Юши и Таро еще ходили въ школу, когда въ тѣхъ краяхъ произошло давно ожидаемое и важное событие. Съ Запада пріѣхали какіе-то странные люди, очень высокаго роста, съ рыжими бородами и волосами; они привезли съ собою множество японскихъ рабочихъ и внизу, въ долинѣ, заложили желѣзную дорогу. Ее провели вдоль подножія низкой цѣпи холмовъ, черезъ рисовые поля, мимо тутовой рощи, до входа въ деревню; и въ укромному мѣстечку, гдѣ она пересѣкала прежнюю дорогу, ведущую къ храму божественной Куаннонъ, построили маленькой станціонный домикъ. На доскѣ красовалось имя деревни, написанное китайскими письменами. Паралельно съ рельсами поставили рядъ телеграфныхъ столбовъ, и движеніе началось: поѣзда приходили, свистѣли, останавливались и мчались дальше, съ такой силой сотрясая воздухъ, что старая изображенія Будды еле удерживались на своихъ украшенныхъ лотосами пьедесталахъ.

□ Дѣти съ изумленіемъ смотрѣли на странная

полосы,—рельсы,—таинственно исчезающія на съверѣ и на югѣ; они замирали отъ страха, когда подходили поѣзда, пыхтящіе, дымящіеся, какъ огнедышущіе драконы, сотрясающіе воздухъ и землю. Но страхъ смѣнился жгучимъ любопытствомъ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ учителей на доскѣ демонстрировалъ имъ устройство локомотива, объяснилъ чудесное устройство телеграфа и разсказалъ, что новая восточная столица со священной столицей Кіото соединится рельсами и проволокой, такъ что путешествіе изъ одной въ другую возьметъ менѣе двухъ дней, а извѣстія будутъ долетать въ нѣсколько секундъ.

Таро и О-Юши очень подружились; они вмѣстѣ учились, играли, навѣщаали другъ друга. Но на одиннадцатомъ году О-Юши взяли изъ школы, потому что дома мачехѣ нужна была помощь; съ тѣхъ поръ Таро рѣдко видѣлся съ нею. Таро выступилъ изъ школы на четырнадцатомъ году и сталъ работать въ дѣлѣ отца въ качествѣ ученика.

Настали тяжелые дни. Мать умерла послѣ рожденія маленькаго братца; въ тотъ же годъ скончался и добрый старый дѣдъ, проводившій его въ первый разъ въ школу; и жизнь показалась Таро мрачнѣй и тосклившѣй.

Послѣ этого, до семнадцати лѣтъ, онъ прожилъ однообразно, безъ перемѣнъ и безъ яркихъ

событий. Изредка онъ заходилъ въ домъ Міахары, чтобы побесѣдовать съ О-Юши. Она стала красивой, стройной дѣвушкой, но онъ попрежнему видѣлъ въ ней лишь веселаго товарища игръ минувшихъ счастливѣйшихъ дней.

Однажды, въ прекрасный весенний день, на душѣ у Таро было пустынно и грустно.

«Хорошо было бы повидаться съ О-Юши», подумалъ онъ.

Вѣроятно его душа безсознательно связывала чувство одиночества съ воспоминаніемъ первого школьнаго дня... Какъ бы то ни было, но что-то въ немъ жаждало ласки; быть-можеть душа умершей матери пробуждала въ немъ это чувство, быть-можеть души другихъ, ушедшихъ изъ міра сего. Онъ зналъ, что найдетъ эту ласку у своей подруги О-Юши. По дорогѣ въ лавочку старика Міахары онъ, еще не доходя до дома, услышалъ ея смѣхъ, серебристый и сладкій. Войдя въ лавку, онъ увидѣлъ, что она продавала что-то старому крестьянину, весело и оживленно болтавшему съ нею. Таро пришлось подождать, и онъ былъ разочарованъ этой помѣхой. Но уже отъ одной ея близости ему стало отраднѣй. Онъ не спускалъ съ нея глазъ и вдругъ удивился тому, что раньше не замѣчалъ ея красоты. Она была очень красива, лучше всѣхъ дѣвушекъ въ ихъ деревнѣ. Очарованный, онъ продолжалъ смотрѣть на нее, и ему казалось, что съ ка-

ждымъ мгновеніемъ она становится все прекраснѣй.

Странно и непонятно было ему, что подъ его упорными взглядами О-Юши впервые казалась смущенной и вся зардѣлась,—даже ушки ея покраснѣли. Тогда Таро рѣшилъ, что она красивѣе, лучше, милѣе всѣхъ дѣвушекъ въ мірѣ. И ему захотѣлось скорѣе признаться ей въ этомъ. И вдругъ онъ разозлился на старого крестьянина за то, что онъ говоритъ съ нею, какъ съ обыкновеннымъ существомъ. Въ нѣсколько мгновеній для Таро преобразился весь міръ, но онъ этого не сознавалъ. Ясно было для него лишь то, что О-Юши стала прекрасна какъ божество.

При первой возможности онъ открылъ ей свое безумное сердце; она отвѣтила тѣмъ же, и они удивились тому, какъ похожи были ихъ чувства и мысли. И это было началомъ рокового конца. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Старый крестьянинъ, котораго Таро видѣлъ въ лавкѣ Міахары, приходилъ туда не только за товаромъ. Онъ занимался побочной профессіей, сватовствомъ. Теперь онъ хлопоталъ за богатаго рисоваго торговца, Окацаки Яширо. Окацаки увидѣлъ О-Юши, она ему пригля-

нулась, и свату было поручено дать дѣлу ходъ.

Окацаки ненавидѣли всѣ его односельчане и даже жители соседнихъ деревень. Это былъ пожилой человѣкъ съ непріятнымъ костлявымъ лицомъ и грубой повадкой; его считали злымъ. Шелъ слухъ, что онъ сумѣлъ воспользоваться неурожаемъ для своей личной выгода, продавъ дешево скупленный рисъ по баснословно высокой цѣнѣ. А это въ глазахъ крестьянъ было непростительнымъ преступлениемъ. Онъ не былъ уроженцемъ этого округа и ни съ кѣмъ изъ его жителей не состоялъ въ родствѣ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, изъ какой-то западной провинціи онъ переселился сюда съ женой и единственнымъ ребенкомъ. Два года назадъ жена умерла, а сынъ, съ которымъ онъ обращался очень жестоко, вдругъ покинулъ родительскій домъ и пропалъ безъ вѣстей.

О немъ шли еще и другіе неблагопріятные слухи, и на его родинѣ, на западѣ, разъяренная толпа сожгла его домъ и амбары, и онъ могъ спастись только бѣгствомъ. А въ день своей свадьбы онъ принужденъ былъ дать пиръ богу Джизо. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и до сихъ поръ существуетъ обычай на свадьбѣ людей, не пользующихся любовью односельчанъ, требовать отъ жениха пирушки въ честь бога Джизо. Нѣсколько здоровыхъ молодыхъ парней съ ста-

туей этого бoga, взятой съ какого-нибудь перекрестка или съ сосѣдняго кладбища, силой врываются въ домъ въ сопровожденіи огромной толпы. Они воздвигаютъ статую въ залѣ и требуютъ для неї обильнаго угощенія и сакэ. Это значитъ, что они сами хотятъ хорошо попить и поѣсть, и горе хозяевамъ, если они не исполнять желанія непрошеныхъ гостей; ихъ надо накормить и напоить до отвала. Такая насильственная пирушка не только знакъ общественнаго порицанія, но и вѣчный позоръ.

Уже пожилымъ человѣкомъ, Окацаки захотѣлъ позволить себѣ роскошь, обзавестись молодой женкой, но скоро ему пришлось убѣдиться, что это не такъ-то легко. Отъ его предложеній уже уклонилось нѣсколько семействъ, выставляя невозможныя условія. Деревенскій староста отвѣтилъ грубѣе и проще: дочь-де свою онъ скорѣе отдастъ Они, чѣмъ рисовому торговцу Окацаки. И пришлось бы ему искать себѣ жену въ другой провинціи, если бы онъ случайно не увидѣлъ О-Юши. Дѣвушка крѣпко полюбилась ему; онъ считалъ ея родителей бѣдными и надѣялся выгодными предложеніями получить ихъ согласіе. И онъ черезъ свата попытался завести сношенія съ семьей Міахара.

Мачеха О-Юши была совсѣмъ необразованна, но далеко не глупа. Она никогда не любила своей падчерицы, но была слишкомъ умна, чтобы безъ

причины обращаться жестоко съ нею. Вѣдь О-Юши ей не мѣшала; наоборотъ, она была прилежной работницой, полезной въ домѣ, послушной и доброй. Съ холодной проницательностью она оцѣнивала и достоинства О-Юши и ея цѣну на брачномъ рынке. Окацаки даже не снилось, что его союзница была гораздо хитрѣе его. Многое изъ его жизни О-Тама знала; она знала, насколько онъ былъ богатъ, и слышала о его тщетномъ сватовствѣ въ самой деревнѣ и за предѣлами ея. Она вѣрила, что красота О-Юши дѣйствительно воспламенила его, и знала, что въ большинствѣ случаевъ изъ старческой страсти многое можно извлечь. Хотя О-Юши и не была писанной красавицей, но она была очень мила и привлекательна,—такой жены Окацаки не скоро найти. Откажись онъ только отъ уплаты требуемой цѣны, и О-Тама сейчасъ же найдеть другихъ жениховъ, умныхъ и молодыхъ, которые охотно согласятся на ея условія. Нѣть, дешево они не уступятъ О-Юши! Послѣ первого отказа не трудно будетъ понять его намѣреній. Если онъ серьезно влюбленъ, то можетъ заплатить больше другихъ. Прежде всего, необходимо узнать, насколько сильна его страсть; а отъ О-Юши до поры до времени все надо держать въ тайнѣ. Болтливости свата нечего бояться: вѣдь его популярность основана на умѣньѣ хранить тайны... □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Отецъ и мачеха О-Юши выработали планъ дѣйствія. Старикъ всегда во всемъ подчинялся женѣ, но въ данномъ случаѣ она кромѣ того была такъ осторожна, что съ самаго начала убѣдила его, что этотъ бракъ былъ бы счастьемъ для его дочери. Они взвѣсили всѣ возможности, всѣ выгоды этого брака. Конечно, могли быть неблагопріятныя случайности, но ихъ можно было предупредить, заставивъ Окацаки заранѣе дать дарственную запись. О-Тама сама разучила съ мужемъ ту роль, которую ему надо было разыграть. Но пока велись переговоры, посыщенія Таро поощрялись родителями О-Юши. Вѣдь молодая любовь—какъ легкая паутинка,—думашь, и нѣтъ ее. Ее легко разорвать въ нужный моментъ, а пока она могла быть даже полезной. Присутствіе молодого соперника должно было сдѣлать Окацаки податливѣе.

Поэтому, когда отецъ Таро отъ имени сына въ первый разъ сдѣлалъ предложеніе, ему дали неопределенный отвѣтъ. Единственной вѣской причиной противъ брака выставили то, что О-Юши была на годъ старше Таро, что противорѣчило семейнымъ традиціямъ; но причина была такъ неважна, что всѣ поняли, что ее выбрали только для вида.

Предложенія же Окацаки приняли такъ, будто не вѣрили въ ихъ искренность. Чета Міяхара притворилась, будто не понимала словъ

свата, и отказала ему наотрѣзъ. Тогда Окацаки счелъ нужнымъ предложить заманчивыя условія. На это старикъ Міахара сказалъ, что посовѣтуетсѧ съ женой.

О-Тама, недолго думая, отвергла и предложеніе самого жениха съ презрительнымъ удивленіемъ. Она стала дѣлать непріятные намеки; рассказала про человѣка, которому захотѣлось дешево купить красавицу-жену; наконецъ этотъ человѣкъ нашелъ дѣвушку, увѣрившую его, что насыщается въ день двумя зернами риса. Онъ женился на ней, и правда: она ежедневно съѣдала не больше. Но однажды вечеромъ, вернувшись домой, онъ тайкомъ подсмотрѣлъ за нею въ щелку, и увидѣлъ, къ своему удивленію, что она пожираетъ цѣлые горы рису и рыбы, проповѣждая пищу въ отверстіе въ головѣ подъ волосами; тогда онъ понялъ, что женился на вѣдьмѣ...

Цѣлый мѣсяцъ О-Тама терпѣливо ждала результата своего отказа. Она спокойно и увѣренно выжидала, твердо зная, что цѣна желания го растетъ съ препятствіями. Она не ошиблась въ расчетахъ: сватъ снова вернулся. На сей разъ его слова были еще болѣе вѣски: къ первымъ предложеніямъ Окацаки прибавилъ новыя; его обѣщанія стали весьма заманчивы.

Тогда О-Тама поняла, что влюбленный старикъ въ ея власти. Ея планъ дѣйствій былъ слож-

ный, построенный на глубокомъ знаніи темныхъ сторонъ человѣческой души. Успѣхъ былъ обеспеченъ.

«Обѣщаніямъ пусть вѣрятъ глупцы, законными условіями съ ограниченіями пусть ловятъ простаковъ», говорила она; «раньше чѣмъ называть О-Юши своей женой, пусть-ка Окацаки перепишетъ значительную часть своего состоянія на наше имя!» □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Отецъ Таро серьезно желалъ брака своего сына съ О-Юши и онъ прямо шелъ къ этой цѣли. Его удивляло, что чета Міахара не давала ему опредѣленнаго отвѣта. Онъ былъ человѣкомъ простымъ, чистосердечнымъ и чуткимъ. О-Таму онъ никогда не любилъ, а теперь ея лживый, заискивающій тонъ возбудилъ въ немъ подозрѣніе, скоро превратившееся въ увѣренность, что его сыну не на что надѣяться. Онъ откровенно поговорилъ съ нимъ; разговоръ этотъ такъ огорчилъ бѣднаго мальчика, что онъ захворалъ и слегъ.

Но мачеха О-Юши вовсе не желала, чтобы Таро такъ рано впадалъ въ отчаяніе,—это не входило въ ея расчеты. Во время болѣзни она посыпала ему нѣсколько разъ дружескіе приѣты, а разъ даже письмо отъ О-Юши, которое

вновь воскресило всѣ надежды юноши. Когда онъ выздоровѣлъ, семья Міахара приняла его очень любезно; ему позволили поговорить съ О-Юши, но о предложеніи его отца умолчали.

Молодымъ людямъ удавалось встрѣтиться и во дворѣ шинтоистскаго храма, посвященнаго богинѣ Солнца, куда О-Юши часто водила гулять младшаго ребенка своей мачехи. Тамъ, въ толпѣ нянекъ, дѣтей и молодыхъ матерей, они обмѣнивались нѣсколькими словами, не рискуя навлечь на себя дурную молву.

Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, полный надежды. Но вдругъ О-Тама, двуличная какъ всегда, предложила отцу Таро совершенно невозможную для него денежную сдѣлку. Она приподняла уголокъ своей маски, потому что Окацаки уже беспомощно бился въ сѣтяхъ, которыми она окутала его; она знала, что скоро онъ сдастся.

О-Юши еще ничего не знала о томъ, что замышляли противъ нея, но она имѣла основаніе думать и бояться, что ее никогда не отадутъ въ жены Таро; и съ каждымъ днемъ она все блѣднѣла.

Однажды утромъ Таро, взявъ съ собою маленькаго брата, отправился во дворъ храма; онъ искалъ случая поговорить съ О-Юши. Они встрѣтились, и онъ рассказалъ ей, какъ тревожно у него на душѣ: маленький деревянный амулетъ, который мать въ дѣствѣ повѣсила

ему на шею, сломался въ своей шелковой оболочкѣ.

«Это недурная примѣта», промолвила О-Иоши, «а лишь доказательство, что великие боги пощадили тебя. Въ деревнѣ свирѣпствовала болѣзнь, и тебя лихорадка скрутила, но ты перенесъ ее. Священные чары охраняли тебя,—а теперь уничтожились. Скажи сегодня обѣ этомъ жрецу,—онъ дастъ тебѣ другой амулетъ».

Они были очень несчастны, а между тѣмъ никогда никому не причиняли зла; и на нихъ нашло сомнѣніе въ справедливости міровыхъ законовъ...

«Быть - можетъ», — молвилъ Таро, — «мы въ предыдущей жизни ненавидѣли другъ друга. Можетъ-быть я обращался жестоко съ тобою, или ты со мною; а теперь мы искупаемъ прошедшее зло; такъ утверждаютъ, по крайней мѣрѣ, наши жрецы...»

«Тогда я была мужчиной, а ты женщиной; я очень любила тебя, но ты былъ такъ жестокъ со мною... я все помню», отвѣтила О-Иоши, и въ ея глазахъ слабо блеснулъ прежній лукавый огонекъ.

«Ты не босатсу», возразилъ Таро, улыбаясь, несмотря на свое горе; «ты этого помнить не можешь. Только на десятой ступени босатсу возможно воспоминаніе о предыдущей жизни». □ «Почему же ты знаешь, что я не босатсу?..»

□ «Ты женщина, а женщинъ не дано стать босатсу».

«Развѣ Куань-це-онъ-босатсу не женщина?»

«Правда; но босатсу ничего не долженъ любить, кромъ священныхъ книгъ».

«Развѣ у Шакы не было жены и дѣтей? И развѣ онъ не любилъ ихъ?»

«Да, но ты знаешь, что онъ долженъ былъ ихъ покинуть».

«Это было очень дурно съ его стороны, Шака быть злой... Но я не вѣрю этимъ рассказамъ... А ты покинулъ бы меня, если бы я стала твою?...»

Такъ разсуждали, болтали, даже шутили они. Имъ такъ хорошо было вмѣстѣ, но вдругъ дѣвушка, задумавшись, сказала:

«Слушай! Прошедшой ночью мнѣ снилась какая-то необыкновенная рѣка, снилось море... Я стояла у рѣки, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море. И мнѣ было такъ страшно, такъ страшно... я не знаю сама отчего. Смотрю я и вижу: ни въ морѣ ни въ рѣкѣ нѣть воды,—вмѣсто воды кости—кости Будды; и колышатся онѣ какъ волны... Потомъ мнѣ вдругъ показалось, будто я дома; и будто ты подарилъ мнѣ прекрасного шелка для кимоно; и кимоно будто ужъ сшито... Я надѣла его и удивилась: сначала ткань отливалася разными цвѣтами, а тутъ стала бѣлой,—я по глупости сложила ее на изнанку,—такъ, какъ шьютъ саваны... Потомъ я будто отправилась

ко всемъ роднымъ, проститься съ ними; я всѣмъ говорила, что ухожу въ мейдо; всѣ спрашивали меня: почему? А я не могла имъ отвѣтить...»

«Это хорошо», успокоилъ ее Таро; «видѣть мертвыхъ во снѣ — значитъ счастіе. Можетъ-быть это предзнаменованіе нашего обреченія!..»

Дѣвушка ничего не отвѣтила и не улыбнулась. Нѣкоторое время молчалъ и Таро, потомъ произнесъ:

«А если ты думаешь, что это недобрый сонъ, то разскажи его шепотомъ нантовому кусту въ саду,—тогда онъ не сбудется»...

А вечеромъ того же дня отецъ Таро получилъ извѣстіе о томъ, что О-Юши будетъ женой Окацаки.

О-Тама была очень умна и рѣдко ошибалась въ расчетахъ. Она принадлежала къ породѣ людей, всегда во всемъ успѣвающихъ, пользующихся слабостью и глупостью людской и извлекающихъ изъ своихъ ближнихъ всевозможную для себя выгоду. Дѣлалось это О-Тамой просто, естественно. Весь опытъ ея предковъ-крестьянъ — терпѣніе, хитрость, житейская дальновидность, сообразительность, расчетливость—соединились въ ея необразованномъ умѣ. Это былъ совершенный въ своемъ родѣ меха-

низмъ и дѣйствовалъ безупречно въ томъ кругу, изъ котораго вышелъ, и съ тѣми людьми, которые были близки ему по происхожденію.

Въ настоящемъ же случаѣ дѣло касалось на-
туры совершенно иной, недоступной О-Тамѣ,
потому что въ переживаніяхъ ея предковъ-
крестьянъ не было ключа для пониманія ея.
О-Тама не вѣрила въ тонкое различіе между
дочерью самурая и крестьянкой, она не пони-
мала его. Для нея не существовало коренныхъ
различій между военнымъ и земледѣльческимъ
классомъ, кроме выше-сословныхъ, создан-
ныхъ законами и обычаями. А законы и обычай-
и, по ея мнѣнію, никуда не годились. Законамъ и
обычаямъ она приписывала вину въ безпомощ-
ности и неразумности самураевъ и втайне прези-
рала всѣхъ дворянъ. Она видѣла, что неспо-
собность къ тяжелой работѣ и полное отсут-
ствіе житейской мудрости повергла ихъ въ ни-
щету; видѣла, что пенсіи, дарованныя имъ пра-
вительствомъ, вырывались изъ рукъ ихъ хит-
рыми дѣльцами изъ низшихъ классовъ. Она
презирала слабость и неспособность, и въ ея
глазахъ зеленщикъ-разносчикъ былъ выше лю-
бого дворянина, въ старости прибѣгающаго къ
помощи тѣхъ, которые раньше при видѣ его
снимали обувь и падали ницъ. По ея мнѣнію
О-Тоши ничего не выигрывала отъ того, что въ
ея жилахъ текла самурайская кровь. Хруп-

кость и нѣжность дѣвочки она приписывала ея дворянскому происхожденію, которое считала несчастіемъ. Она читала въ душѣ О-Юши лишь постольку, поскольку это возможно тому, кто самъ не принадлежитъ къ культурному классу; она, напримѣръ, понимала, что ненужной строгостью съ нея ничего не возьмешь, и эта черта ей даже нравилась въ падчерицѣ. Но въ душѣ О-Юши были еще другіе изгибы, недоступные ея мачехѣ.

Дѣвушка глубоко чувствовала всякую несправедливость, но скрывала это чувство; въ ней было непоколебимое самоуваженіе и скрытая сила воли, способная пересилить всякую боль. Поэтому спокойствіе и покорность, съ которыми она приняла извѣстіе о своемъ предстоящемъ бракѣ съ Окааки, сбила мачеху съ толку; О-Тама ждала открытаго сопротивленія.

Она ошиблась. Сначала дѣвушка поблѣднѣла, какъ полотно; но въ слѣдующее же мгновеніе она покраснѣла, улыбка показалась на ея лицѣ; она поклонилась и въ изящныхъ словахъ заговорила о дѣтской покорности и уваженіи и о своей готовности во всемъ подчиниться родительской волѣ. О-Тама была пріятно разочарована.

И въ дальнѣйшемъ поведеніи дѣвушки не было и намека на скрытую обиду. О-Тама была такъ рада, что выдала ей свои тайны, разска-

зала кое-что изъ комедіи, разыгранной съ Окацаки, и повѣдала ей, на какія громадныя жертвы долженъ былъ согласиться старикъ. Къ избитымъ словамъ, какія всегда говорятъ дѣвушкѣ, обреченной на замужество съ нелюбимымъ старикомъ, мачеха прибавила нѣсколько дѣйствительно неоцѣнныхъ совѣтовъ, какъ въ будущемъ вести себя съ мужемъ. Имя Таро не было ни разу упомянанто. За совѣты дѣвушка, какъ подобало, поблагодарила съ миловиднымъ поклономъ. Совѣты были дѣйствительно неоцѣнимы: всякая деревенская дѣвушка, обученная такой опытной учительницей, вѣроятно снесла бы совмѣстную жизнь съ Окацаки. Но О-Юши была только наполовину крестьянкой. Смертельная блѣдность при вѣсти о ея печальной судьбѣ и потомъ внезапная краска были вызваны двумя ощущеніями, о которыхъ О-Тама не имѣла ни малѣйшаго представлениѣ; они были слишкомъ сложны для ея разсчетливаго ума.

Когда дѣвушка поняла полное отсутствіе нравственнаго чутья у мачехи и всю безнадежность, всю бесполезность протеста, поняла, что она безповоротно продана ненавистному старику единственно ради ненужной наживы, поняла всю жестокость и позоръ этого торга,— ее охватилъ безсильный ужасъ. Но почти въ то же мгновеніе въ ней блеснуло сознаніе необходимости мужественно принять на себя все,—

самое послѣднее, самое крайнее; необходимо было притвориться, чтобы обмануть коварство враговъ.

И она улыбнулась. И подъ покровомъ этой улыбки ея юная воля стала твердой, какъ сталь, которая, куя желѣзо, не гнется... Ей мгновенно стало ясно, чего отъ нея требовалъ долгъ: это ей подсказала кровь самураевъ. Надо было только обдумать, когда и какъ привести въ исполненіе необходимое рѣшеніе... Она была такъ увѣрена въ своемъ торжествѣ, что съ трудомъ удерживалась отъ громкаго смѣха. Блескъ ея глазъ ввелъ въ заблужденіе О-Таму, которая сочла его за выраженіе радости при мысли о столь выгодномъ бракѣ.

Былъ пятнадцатый день девятаго мѣсяца, а свадьба должна была состояться шестого числа десятаго мѣсяца.

Но спустя три дня послѣ ихъ разговора, О-Тама, вставъ на зарѣ, не нашла падчерицы и поняла, что она ночью скрылась изъ дома. А старикъ Ушида не видѣлъ своего сына Таро съ предыдущаго дня.

Нѣсколько часовъ спустя отъ обоихъ бѣглецовъ пришли письма. □ □ □ □ □ □

□ Прибылъ утренній поѣздъ, отправляющійся въ Кіото; на маленькой станціі было шумно и суетливо. Стукъ геть, гулъ голосовъ и протяжные возгласы деревенскихъ мальчишекъ, прощающихъ пирожки и прохладительные напитки. Черезъ нѣсколько минутъ раздался рѣзкій свистокъ; стукъ геть, захлопываніе вагонныхъ дверей и возгласы мальчишекъ умолкли; тяжело дыша, тронулся поѣздъ; дымъ и пыхтя, медленно двинулся къ сѣверу, и маленькая станція снова погрузилась въ безмолвную тишину. Дежурный полицейскій заперъ калитку и сталъ расхаживать взадъ и впередъ по усыпанному гравиемъ полотну желѣзной дороги, блуждая бдительнымъ окомъ по молчаливымъ полямъ.

Была осень, время прозрачностей и рѣзкихъ свѣтовыхъ переходовъ. Солнечный блескъ сталъ бѣлѣе, рѣзче стали всѣ тѣни, и контуры предметовъ обрисовывались остро, какъ края стеклянныхъ осколковъ. Всюду, на черной вулканической почвѣ, обнаженные мѣста, выжженныя жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, снова покрылись полосами и лентами мягкой блестящей зелени. Съ высокихъ сосенъ раздавался рѣзкій крикъ тсуку-тсуку-боши. А надъ рвами и канавами зигзагами носились, играя, сверкающія, трепещущія стрекозы,—розовые, голубые, перламутромъ переливаясь на солнцѣ.

□ Быть-можетъ вслѣдствіе необыкновенной про-

зрачности утренняго воздуха полицейскій увидѣлъ вдали на рельсахъ нѣчто необычайное. Онъ затѣнилъ рукою глаза и посмотрѣлъ на часы. Отъ остраго взора японскаго полицейскаго ничего не ускользаетъ, какъ и отъ глазъ недвижно висящаго въ воздухѣ коршуна.

Помню разъ, въ далекомъ Оку, мнѣ захотѣлось посмотреть на уличный карнавалъ. Самому мнѣ не хотѣлось показываться: я сдѣлалъ маленьку дырочку въ бумажномъ окнѣ и сталъ выглядывать на улицу. По улицѣ шелъ полицейскій въ бѣлосинѣжномъ плащѣ и мундирѣ; было лѣто. Онъ шелъ, не оглядываясь ни вправо, ни влево; казалось, что онъ вовсе не видѣлъ ни толпы, ни танцующихъ, мимо которыхъ онъ проходилъ. Но вдругъ онъ остановился около моего дома и прямо вперилъ взоръ въ дырочку бумажнаго окна: за этой дырочкой онъ увидѣлъ глазъ, который по формѣ призналъ не японскимъ. Онъ вошелъ въ гостинницу и справился о моемъ паспортѣ, который былъ уже визированъ.

То, что полицейскій деревенской станціи увидѣлъ и о чёмъ онъ потомъ доложилъ, были двѣ человѣческія фигуры, которые около полу-мили къ сѣверу отъ станціи пересѣкли рисовыя поля и подошли къ рельсамъ; очевидно онишли съ сѣверо-запада изъ какой-нибудь деревенской усадьбы. Одна изъ нихъ, женщина,

судя по цвету платья и кушака, была еще очень молода. Ранний поездъ изъ Токіо долженъ былъ прибыть черезъ нѣсколько минутъ, со станціи уже виденъ былъ приближающійся дымокъ. Вдругъ человѣческія фигуры побѣжали по рельсамъ, по которымъ долженъ былъ пронестись поездъ, и скрылись за поворотомъ дороги. То были Таро и О-Юши. Они бѣжали такъ быстро, отчасти чтобы скрыться отъ вниманія полицейскаго, отчасти чтобы встрѣтить поездъ по возможности дальше отъ станціи. Но за поворотомъ они остановились и потомъ медленно продолжали свой путь.

Паръ отъ локомотива уже почти касался ихъ; поездъ былъ совсѣмъ близокъ; они сошли съ рельсъ, чтобы не дать машинисту повода къ тревогѣ. Они стояли и ждали, держа другъ друга за руки...

Въ слѣдующій моментъ ихъ уха коснулся глухой грохотъ, и они почувствовали, что настало роковое мгновеніе. Они ступили на полотно желѣзной дороги и быстро легли между рельсами, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Отъ приближающагося чудовища рельсы дрожали и гудѣли, какъ наковальня подъ ударами молота.

Юноша улыбался; девушки, обнимая его, прошептала:

«На время двухъ и трехъ жизней я твоя супруга,—ты мой супругъ, Таро-сама!» □ □

□ Таро не могъ больше отвѣтить: несмотря на чрезвычайное усиление машиниста, поѣзда не удалось остановить, и колеса пронеслись по О-Иоши и Таро, разрѣзавъ ихъ, какъ громаднымъ ножомъ... □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Деревенскіе жители украшаютъ цвѣтами въ бамбуковыхъ вазахъ надгробный камень, подъ которымъ спятъ, вѣнчанные смертью, любовники. Надъ ихъ могилой зажигаютъ благовонныя травы, творятъ молитвы.

Это не правовѣрно, потому что буддизмъ запрещаетъ самоубийство, а это буддійское кладбище. Но въ этихъ обрядахъ скрыта глубокая религіозность, заслуживающая уваженія.

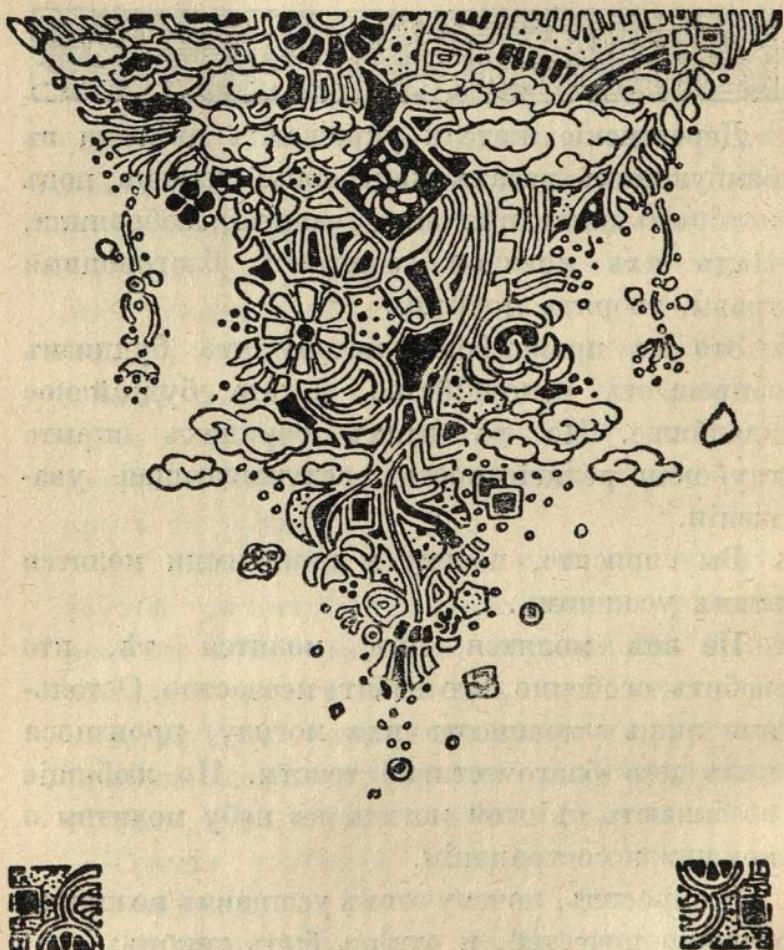
Вы спросите, почему и какъ люди молятся этимъ усопшимъ.

Не всѣ молятся имъ; молятся тѣ, кто любить, особенно, кто любить несчастно. Остальные лишь украшаютъ ихъ могилу, произнося надъ нею благочестивые тексты. Но любящіе возсыпаютъ съ этой могилы къ небу молитвы о помощи и состраданіи.

Я спросилъ, почему этимъ усопшимъ воздаютъ столько почестей, и отвѣтъ былъ таковъ:

□ «Потому что они такъ много страдали». □ □

□ И кажется мнѣ, что вдохновляетъ такія молитвы нѣчто, что древнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ современнѣе религіи Будды,—идея вѣчной религіи страданія. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ ГЕЙША. □

АКЪ тихо начало японского празднества! Иностранецъ, впервые присутствующій на японскомъ банкетѣ, не можетъ представить себѣ, какъ онъ шумно кончается.

Тихо входятъ нарядные гости и молча разсаживаются на подушкахъ. Дѣвушки неслышно, скользя по полу босыми ногами, разставляютъ лакированные приборы на коврикахъ передъ гостями. Сначала въ залѣ только шелестъ и колыханіе, легкое волненіе, улыбки—все еле внятно, какъ въ сновидѣніи. Извѣнь тоже не доносится ни единаго звука, потому что увеселительные дома обыкновенно строятся вдали отъ улицъ, среди большихъ тѣнистыхъ садовъ. Наконецъ церемоніймейстеръ, хозяинъ или устроитель прерываетъ молчаніе обычной фразой:

«О-соматсу де гоцаримасу га! доцо о-хаши!»

Съ безмолвнымъ поклономъ гости берутъ свои хаши—(палочки, служащія для ъды вмѣсто нашихъ ножей и вилокъ)—и принимаются за трапезу. Но и хаши въ ихъ искусственныхъ рукахъ не производятъ ни малѣйшаго шума.

Дѣвушки наполняютъ кубки гостей горячимъ сакѣ; и только послѣ того, какъ опустѣютъ нѣсколько блюдъ и осушатся нѣсколько кубковъ, начинается разговоръ.

Вдругъ появляются съ тихимъ смѣхомъ нѣсколько дѣвушекъ въ залѣ; по установленному

церемоніалу онъ кланяются до земли, легко вьются между рядами гостей и начинаютъ угощать ихъ виномъ съ такой граціей и ловкостью движеній, какъ никогда не сумѣла бы угостить обыкновенная дѣвушка. Онъ очень красивы, одѣты въ богатыя шелковыя одежды, опоясаны какъ королевы, а ихъ нарядныя прически украшены искусственными цвѣтами, роскошными гребнями, шпильками и чудесными золотыми издѣліями. Онъ привѣтствуютъ чужихъ, какъ старыхъ знакомыхъ, шутятъ, смеются, издаютъ забавные, нѣжные возгласы. Это—нанятая для оживленія праздника гейши или танцовщицы (въ Кіото ихъ называютъ майко).

Раздаются звуки самизена, и танцовщицы собираются на свободномъ мѣстѣ въ глубинѣ зала; залъ всегда настолько великъ, что могъ бы вмѣстить больше людей, чѣмъ собираются обыкновенно на празднество. Часть гейшъ подъ управлениемъ женщины среднихъ лѣтъ составляетъ оркестръ—нѣсколько самизеновъ и хорошенькой барабанъ, на которомъ играетъ ребенокъ. Остальная въ одиночку или по парамъ танцуютъ. То онъ быстро и весело пляшутъ, то принимаютъ лишь граціозныя позы. Вотъ двѣ дѣвушки танцуютъ вмѣстѣ—такого соотвѣтствія и такой гармоніи жестовъ и па можно достигнуть лишь долголѣтнимъ упражненіемъ.

Но чаще это скорѣе пластика, чѣмъ то, что на Западѣ принято называть танцами. Пластика, сопровождаемая движенiemъ рукавовъ и вѣровъ, игрой глазъ и мимикой, сладостной, нѣжной, сдержанной, мягкой—совершенно восточной. Гейшамъ знакомы и сладострастные танцы, но въ обыкновенныхъ случаяхъ или передъ избранной публикой онъ воспроизводятъ прелестные древне-японскія преданія, какъ напр. легенду о юномъ рыбакѣ Урашимѣ, возлюбленномъ дочери морского царя; или поютъ древне-китайскія пѣсни, передающія нѣсколькими словами такъ изящно и живо все то, что волнуетъ человѣческія сердца. И все снова наполняютъ онъ кубки виномъ, теплымъ, золотистымъ, отуманивающимъ мысли; быстрѣе и жарче кровь струится по жиламъ; будто дымка сновидѣній отдѣляетъ всѣхъ отъ прочаго міра, и сквозь эту дымку будничная дѣйствительность кажется чудесной, гейши превращаются въ райскихъ дѣвъ, и въ мірѣ разлито блаженство невозможное, несбыточное по естественнымъ законамъ.

Праздникъ, молчаливый вначалѣ, становится понемногу веселымъ и шумнымъ. Ряды гостей размыкаются: образуются группы; гейши, смеясь и болтая, переходятъ отъ одной группы къ другой, все время разливая сакэ, наполняя пустые бокалы; гости съ низкимъ поклономъ

принимаютъ бокалы и мѣняются ими*). Мужчины запѣваютъ старыя самурайскія или древнекитайскія пѣсни, одинъ или двое даже начинаютъ плясать. Самизены заигрываютъ веселый мотивъ: «Компира фунэ фунэ», **) и одна изъ гейшъ поднимаетъ платье выше колѣнъ. Подъ звуки музыки танцовщица быстрымъ бѣгомъ начинаетъ описывать восьмерку; молодой человѣкъ, съ бутылкой сакэ и бокаломъ, дѣлаетъ ту же фигуру. Если они столкнутся на одной линіи, то тотъ, по чьей винѣ произошло столкновеніе, долженъ выпить бокаль сакэ. Музыка играетъ все скорѣе, шаги танцующихъ становятся все быстрѣе, потому что они не должны отставать отъ темпа музыки; и гейша почти всегда выигрываетъ.

Въ другомъ концѣ залы гейши играютъ съ гостями въ «кенъ»; играя, онѣ поютъ и заглядываютъ другъ другу въ глаза, бьютъ въ ладоши и съ тихимъ смѣхомъ поднимаютъ пальчики въ воздухъ.

А звуки самизена льются:

«Хотто,—донъ - донъ!
О—тагай до нэ;

---

*) Иногда принято, чтобы гости мѣнялись бокалами, вѣжливо выполоскавъ ихъ предварительно. Попросить бокаль у сосѣда всегда считается любезностью.

**) Японскій припѣвъ. □ □ □ □ □ □ □ □

Хотто,—донъ - донъ!
Ойдемашита нэ;
Хотто,—донъ - донъ!
Шимаймашита нэ.» *)

Чтобы играть съ гейшой въ кенъ, надо быть хладнокровнымъ, внимательнымъ и ловкимъ. Пріученная съ дѣтства ко всѣмъ разновидностямъ этой игры—а ихъ много,—она проигрываетъ только изъ вѣжливости, и то рѣдко.

Знаки обыкновенного кена—лисица, человѣкъ и ружье. Если гейша дѣлаетъ знакъ ружья, то тотчасъ же въ тактъ музыки долженъ слѣдовать знакъ лисицы, которая не умѣеть обращаться съ ружьемъ. Если же вы сдѣлаете знакъ человѣка, то она отвѣтить знакомъ лисицы, которая хитрѣе человѣка,—и вы проиграли. Если же она начнетъ съ лисицы, то вы должны отвѣтить ружьемъ, которымъ можно застрѣлить лисицу. Во время игры смотришь на ея блестящіе глазки и изящныя ручки—они очень красивы,—но если хотя на полсекунды залюбуешься ими—все пропало: вы зачарованы и побѣждены.

Но, несмотря на непринужденное отношение, на японскомъ праздникѣ всегда сохраняется

---

*) Японскій припѣвъ, который поютъ подъ звуки барабана во время шинтоистского праздника. □ □ □

известный строгий церемониалъ между гейшами и гостями. Какъ бы гость ни былъ отуманенъ виномъ, онъ никогда не осмѣлитсѧ приласкать дѣвушку; онъ никогда не забудеть, что на банкетѣ она только цвѣточекъ, которымъ можно любоваться, но котораго трогать нельзя. Фамильярность, которую пріѣзжіе часто позволяютъ себѣ съ японскими гейшами и прислужницами, туземцы хотя и терпятъ съ покорной улыбкой, но въ дѣйствительности глубоко презираютъ и считаютъ крайне вульгарной. □ □

Одно время веселье все возрастаетъ, но послѣ полуночи одинъ гость за другимъ незамѣтно исчезаетъ. Понемногу шумъ затихаетъ, музыка умолкаетъ, гейши со смѣхомъ и возгласомъ «сайнара!» провожаютъ послѣднихъ гостей; и только тогда имъ, наконецъ, позволено вмѣстѣ присѣсть и въ опустѣвшихъ залахъ нарушить свой долгій постъ.

Такова роль гейши. Но что происходитъ въ тайникѣ ея души? Каковы ея мысли и чувства, ея святая-святыхъ? Чѣмъ она въ сущности живеть вдали отъ праздничного блеска ночныхъ огней, вдали отъ иллюзій, которыми ее окружаютъ вино и веселье? Всегда ли она такъ легкомысленна, какъ кажется въ то время, какъ

ея голосокъ съ лукавой нѣжностью поеть старую пѣснь о томъ, что «возвлюбленная дороже пяти тысячъ коко?»*) Или можно ли повѣрить ея страстному обѣщанію, такъ очаровательно провозглашенному ею, будто она не отдастъ возлюбленнаго могилѣ, а, собравъ его пепель, выпьетъ его въ кубкѣ вина?

Одинъ изъ моихъ друзей рассказалъ мнѣ, что О-Кама изъ Осака въ прошломъ году осуществила эту пѣсенку: она собрала пепель сожженаго трупа своего возлюбленнаго, смѣшила его въ кубкѣ сакэ и выпила на банкетѣ въ присутствіи многихъ гостей. Въ присутствіи многихъ гостей! О романтизмъ!

Въ домѣ, гдѣ живутъ гейши, вы всегда увидите въ нишѣ своеобразную фигурку, иногда изъ глины, рѣже изъ золота, чаще всего изъ фарфора. Ей молятся, ей приносятъ дары: рисъ, хлѣбъ и вино; передъ ней тлѣтъ благовонное куреніе и теплится лампада. Это—изо-

---

*) Когда-то, давно жилъ хатамото, по имени Фуджи—Эда—Геки, вассаль сюгуна. У него было годового дохода 5000 коко рису, что въ тѣ времена считалось очень большимъ доходомъ. Но онъ влюбился въ жительницу Іошивара, по имени Айягину, и хотѣлъ жениться на ней. Тогда его господинъ приказалъ ему выбирать между карьерой и любовью. Любящіе тайкомъ убѣжали въ домъ крестьянина и покончили самоубійствомъ. Приведенная пѣснь посвящена имъ, и ее поютъ по сей день. □ □ □ □ □ □ □ □

бражение кошечки, стоящей на заднихъ лапкахъ и протягивающей переднюю; поэтому ее называютъ „манеки неко“—манящая кошечка, Это—genius loci, онъ приносить счастіе: покровительство богатыхъ, благосклонность хозяевъ. А тотъ, кто знакомъ съ психикой гейши, утверждаетъ, что эта фигурка—символъ ея. Игравая, прелестная, нѣжная, юная, гибкая, ласкающая, стройная,—но хищная и жестокая, какъ палящее пламя.

О ней носятся и другіе, болѣе страшные слухи: говорять, что за тѣнью ея слѣдуетъ духъ нищеты, что лисицы—сестры ея; говорять, что она губить юность, разоряетъ благосостояніе, разрушаетъ семейный очагъ; что любовь для нея—лишь источникъ безумія, которымъ она пользуется для своихъ цѣлей; что она обогащается на счетъ мужчинъ, которыхъ толкаетъ на гибель; говорятъ, что она отъявлениѣйшая изъ всѣхъ хорошенъкихъ лицемѣрокъ, ненасытнѣйшее изъ всѣхъ продажныхъ созданій, опаснѣйшая изъ всѣхъ авантюристокъ, безжалостнѣйшая изъ всѣхъ любовницъ.

Не можетъ быть, чтобы все это было правдой, но одно несомнѣнно: гейша по существу хищница, какъ и кошка. Но на свѣтѣ много прелестныхъ кошечекъ и много очаровательныхъ гейшъ!

□ Гейшу—такою, какова она есть—создала без-

умная человѣческая жажда любовной иллюзіи, ищущей наслажденія и красоты, безъ угрызеній совѣсти и безъ отвѣтственности; и поэтому на ряду съ игрой въ кенъ ее научили играть и людскими сердцами. Но отъ вѣка существуетъ въ нашей земной юдоли законъ, позволяющій играть всѣмъ, чѣмъ угодно, за исключеніемъ любви, жизни и смерти. Это право боги оставили за собою, потому что смертные, играя любовью, жизнью и смертью, неминуемо доигрывались до бѣды. Поэтому боги не любятъ, когда съ гейшой затѣваютъ болѣе серьезную игру, чѣмъ въ «кенъ» или «го».□ □ □ □ □ □ □

Дѣвушка съ самаго начала своего жизненнаго пути уже рабыня; хорошенъкимъ ребенкомъ бѣдныхъ родителей ее продаютъ по контракту, по которому ея покупатель можетъ пользоваться ею 18, 20, даже 25 лѣтъ. Въ домѣ, гдѣ живутъ только гейши, ее кормятъ, одѣваютъ, воспитываютъ и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Ее учать хорошему обращенію, граціи, вѣжливымъ разговорамъ; у нея ежедневно уроки танцевъ и ее заставляютъ заучивать наизусть множество пѣсень. Ее учать разныемъ играмъ, прислуживанію на банкетахъ и свадьбахъ; она должна обладать искусствомъ наряжаться и

быть красивой. Всякую физическую способность въ ней тщательно развиваются. Затѣмъ слѣдуютъ уроки на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ: сначала на маленькомъ барабанѣ, «тзузуми», требующемъ большой ловкости. Потомъ она учится немного играть на самизенѣ плектрономъ изъ слоновой кости или черепахи. Восьми-девятыи лѣтъ она участвуетъ на празднествахъ, главнымъ образомъ, играя на барабанѣ. Въ это время она—прелестнѣйшее созданіе и уже умѣеть между двумя барабанными трелями наполнить вашъ кубокъ виномъ—однимъ наклономъ бутылки, не проливъ ни одной капли.

Дальше ея ученіе дѣлается болѣе жестокимъ. Голосъ ея можетъ быть гибкимъ, но недостаточно сильнымъ. Поэтому ее заставляютъ въ морозныя ночи взбираться на крышу, чтобы тамъ пѣть и играть, пока ея руки окоченѣютъ и голосъ замретъ.

Результатомъ является злѣйшая простуда. Но спустя нѣкоторое время хрипота исчезаетъ, голосъ крѣпнетъ и приобрѣтаетъ другой тембръ. Только тогда она созрѣла для роли публичной пѣвицы.

Въ качествѣ пѣвицы она обыкновенно выступаетъ впервые двѣнадцати или тринадцати лѣтъ. Если она ловка и красива, ея услугу требуютъ часто и оплачиваютъ хорошо—отъ 20-ти

до 25-ти сенъ въ часъ. Только тогда ея хозяинъ начинаетъ возмѣщать свои издержки за ея обученіе. И такой хозяинъ рѣдко бываетъ великодушенъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ береть себѣ все, что она зарабатываетъ; ей же ничего не достается—унея нѣть даже собственнаго платья.

Семнадцати или восемнадцати лѣтъ утверждается ея артистическая слава. Она къ этому времени уже успѣла принять участіе въ нѣсколькихъ стахъ празднествахъ, познакомиться со всѣми знаменитостями города, узнатъ характеръ и жизнь большинства. Ея жизнь почти исключительно ночная, и съ тѣхъ поръ, какъ она стала танцовщицей, ей рѣдко приходится видѣть восходъ солнца. Она научилась пить вино, не пьянѣя, даже тогда, когда при этомъ приходится поститься семь-восемь часовъ. Она успѣла смѣнить многихъ любовниковъ: вѣдь до извѣстной степени она свободна дарить улыбку каждому, кто ей приглянется; но главнымъ образомъ она научилась ловко пользоваться своей чарующей силой. Она постоянно надѣется найти того, кто захотѣлъ и могъ бы купить ей свободу, но ея избавителю придется открыть много новыхъ мудрѣйшихъ истинъ въ буддійскихъ текстахъ о безумствѣ любви и о непостоянствѣ людскихъ отношеній.

Въ этотъ моментъ жизни лучше покинуть гейшу, потому что въ дальнѣйшемъ ея судьба

можетъ сложиться трагично, развѣ что она умретъ молодой. Въ такомъ случаѣ останется совершить надъ ея трупомъ посмертныя церемоніи, присущія ея положенію, и въ память ея исполнить рядъ своеобразныхъ ритуаловъ.□ □

Если вы бродите ночью по японскимъ улицамъ, вашего слуха иногда вдругъ коснутся странные звуки: изъ широкихъ вратъ буддійского храма доносится тренканіе самизена и высокіе дѣвичьи голоса. Это васъ поражаетъ. Глубокій дворъ наполненъ внимательно слушающей толпой. Пробравшись сквозь густую толпу, стоящую на ступеняхъ, вы увидите внутри храма двухъ гейшъ, сидящихъ на цыновкахъ, и третью, танцующую передъ столикомъ. На столѣ—«ихаи», дощечка въ память умершаго; передъ дощечкой—зажженная лампочка и благовонное куреніе въ маленькой бронзовoy вазѣ. Тутъ же маленькая трапеза изъ плодовъ и сластей, какую обыкновенно приносятъ умершимъ. Вамъ говорятъ, что «кайміо» (посмертное имя) на дощечкѣ принадлежитъ гейшѣ и что товарки усопшой по извѣстнымъ днямъ собираются въ храмѣ, чтобы веселить ея душу пѣніемъ и пляской. Въ этой церемоніи можетъ принять участіе всякий, кто пожелаетъ. □ □

Но танцовщицы прежнихъ временъ не были похожи на современныхъ гейшъ. Нѣкоторыхъ называли ширабіоши, и ихъ сердца были не слишкомъ суровы.

Онѣ были прекрасны; ихъ головы украшали своеобразные шитые золотомъ уборы; онѣ наряжались въ роскошныя богатыя платья и плясали съ мечами въ рукахъ въ княжескихъ замкахъ.

Объ одной изъ нихъ дошелъ слухъ и до нась; ся судьба достойна быть разсказанной.

Въ прежнія времена въ Японіи было принято—да и теперь этотъ обычай еще не вывелся,—чтобы молодые художники пѣшкомъ обходили страну, знакомились съ сельскими ландшафтами, дѣлали съ нихъ наброски и изучали художественную сторону буддійскихъ храмовъ, находящихся обыкновенно въ очень красивыхъ мѣстностяхъ.

Во время такихъ пѣшеходныхъ экскурсій возникло большинство великолѣпныхъ альбомовъ съ пейзажами и жанромъ, свидѣтельствующихъ лучше чего либо другого, о томъ, что только японецъ способенъ воспроизвести японскій пейзажъ. Если сродниться съ японской интерпретаціей мѣстной природы, ино-

странныя попытки на томъ же поприщѣ покажутся намъ необыкновенно плоскими и бездушными. Западный художникъ даетъ реальное воспроизведеніе того, что онъ видить, но не больше. Японскій же художникъ передаетъ то, что онъ чувствуетъ: настроеніе времени года, какого-нибудь мгновенія или мѣста. Его произведеніе проникнуто гипнотической силой, которою рѣдко обладаетъ западное искусство. Западный художникъ воспроизведетъ мельчайшія детали, а его восточный собратъ скроетъ или идеализируетъ деталь: его дали тонуть въ туманѣ, виды окутаны облаками, его впечатлѣніе становится воспоминаніемъ, въ которомъ живо только его настроеніе, а изъ видѣннаго лишь своеобразность и красота. Онъ проявляетъ необычайную фантазію, разжигаетъ ее, усиливаетъ ея жажду очарованія, на которое онъ лишь намекаетъ мимолетнымъ, какъ молния, намекомъ. Но такимъ намекомъ онъ способенъ, какъ чародѣй, вызвать въ зрителѣ ощущеніе известного времени, характерную особенность мѣста. Онъ скорѣе художникъ воспоминаній и ощущеній, чѣмъ рѣзко очерченныхъ линій; въ этомъ тайна его изумительной власти, которую только тотъ можетъ вполнѣ оцѣнить, кто самъ созерцалъ природу, вдохновившую художника.

Прежде всего онъ совершенно безличенъ: его человѣческія фигуры лишены всякой индивидуальности.

видуальности, но онъ неоцѣнимы какъ типы, олицетворяющіе характерную особенность извѣстнаго класса людей: вотъ наивное любопытство крестьянина, дѣвичья застѣнчивость, геройство воина, самоувѣренность самурая, забавная, прелестная неловкость дѣтства, покорная кротость старости.

Путешествія и наблюденія породили это искусство, оно никогда не было тепличнымъ растеніемъ. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Много лѣтъ назадъ одинъ юный художникъ совершилъ пѣшкомъ горное путешествіе изъ Кіото въ Геддо.

Въ тѣ времена было еще мало дорогъ, да и тѣ были такъ плохи и путешествіе было такъ затруднительно, что существовала пословица: «Коваі ко ни ва таби во сасэ іо»—«избалованнаго ребенка надо отправить путешествовать».

Но страна была такая же, какъ теперь. Тѣ же кедровые и сосновые лѣса, тѣ же бамбуковые рощи, тѣ же деревни съ высокими, крытыми рогожей, кровлями, тѣ же рисовые поля, террасами поднимающіяся вверхъ, съ мелькающими кое-гдѣ большими желтыми соломенными шляпами крестьянъ, наклоненными до земли. И на перекресткахъ тѣ же статуи бога Джиzo

улыбались странникамъ, идущимъ на богомолье. И въ тѣ времена, какъ теперь, голыя загорѣлые дѣти возились въ мелкой рѣкѣ, и всѣ рѣки радостно улыбались высокому солнцу.

Молодой художникъ не былъ «Каваи-ко». Онъ уже много путешествовалъ, былъ закаленъ трудностями и суровыми почлегами и не терялся ни въ какомъ положеніи. Но на сей разъ онъ какъ-то вечеромъ, послѣ заката, очутился въ странѣ, которая казалась такой дикой и далекой отъ всякой культуры, что онъ уже потерялъ надежду найти ночлегъ. Желая сократить дорогу черезъ горный перевалъ, онъ заблудился.

Была безлунная ночь, и тѣни сосенъ еще больше затемняли все вокругъ. Мѣстность, куда онъ забрелъ, казалась совершенно безлюдной. Не было слышно ни звука, только вѣтеръ шумѣлъ иглами сосенъ, да раздавался непрестанный трезвонъ кузнечиковъ. Спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ шелъ дальше, въ надеждѣ достигнуть берега рѣки и вдоль ея добраться до какого-нибудь селенія.

Вдругъ широкій потокъ пересѣкъ его путь; бурные воды катились межъ скалъ и падали въ горное ущелье. Невозможно было дальше итти, и юноша рѣшилъ взобраться на ближайшую сосну, чтобы оттуда поискать хоть признака человѣческой жизни. Но и съ высоты онъ

не увидѣлъ ничего, кромѣ сплошныхъ горъ и холмовъ.

Приходилось мириться съ мыслью провести ночь подъ открытымъ небомъ. Но вдругъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, у подножія холма, показался одиноко мерцающій желтый огонекъ, вѣроятно свѣтящійся изъ какого-нибудь жилья. Онъ побрель по направленію огонька и скоро достигъ маленькаго домика, очевидно крестьянской усадьбы. Огонекъ проникалъ сквозь щель закрытой ставни. Художникъ ускорилъ шаги и постучалъ у воротъ.□ □ □ □ □ □ □ □ □

Онъ нѣсколько разъ тщетно стучался и звалъ; наконецъ въ домѣ что-то зашевелилось, и женскій голосъ спросилъ, что ему нужно. Голосъ былъ необыкновенно мелодиченъ, и рѣчъ невидимой женщины поразила его: она говорила на утонченномъ языкѣ столицы. Сказавъ, что онъ, странствующій художникъ, заблудился въ горахъ, онъ попросилъ, если возможно, ночлега и немного Ѣды; въ крайнемъ случаѣ онъ былъ бы благодаренъ и за указаніе, какъ достичнуть ближайшей деревни; онъ присовокупилъ, что за проводы могъ бы вознаградить. Женщина со своей стороны предложила ему нѣсколько вопросовъ и выразила удивленіе,

что домъ можно было видѣть съ указанной стороны. Но очевидно его отвѣты разсѣяли въ ней всякое подозрѣніе, потому что она рѣшительно произнесла: «Сейчасъ я приду; вамъ было бы трудно сегодня достигнуть деревни; къ тому же дорога опасна».

Скоро ставни дверей раскрылись и на порогѣ появилась женщина съ бумажнымъ фонаремъ, который она такъ приподняла, что свѣтъ его падалъ на гостя, оставляя въ тѣни ея собственное лицо. Молча и внимательно осмотрѣвъ его, она коротко сказала:

«Подождите, я принесу воды».

Она принесла тазъ съ водою, поставила на порогѣ и дала гостю полотенце. Онъ снялъ сандаліи и смылъ съ ногъ дорожную пыль; послѣ этого хозяйка ввела его въ хорошенъкую комнату, которая, казалось, занимала весь домикъ, за исключеніемъ маленькой кухни. Она постелила передъ нимъ бумажный коверъ и поставила жаровню.

Только теперь онъ могъ разсмотрѣть свою хозяйку и ея красота поразила его. Она была старше его года на три-четыре, но ея юность и красота были еще въ полномъ расцвѣтѣ; очевидно, она была не крестьянкой. Тѣмъ же нѣжнымъ, мелодичнымъ голосомъ она сказала ему:

«Я теперь одна и никогда здѣсь не принимаю

гостей. Но вамъ было бы опасно ночью продолжать путь. Хотя по соседству и есть нѣсколько хижинъ, но вамъ не найти ихъ одному въ темнотѣ. Лучше всего, если вы до утра останетесь здѣсь. Вамъ конечно будетъ не очень удобно, но постель я все-таки могу предложить вамъ. Вы конечно проголодались; но къ сожалѣнію у меня лишь нѣсколько шоджинъ-ріори, и то не изъ лучшихъ; ужъ не взыщите!»

Усталому и голодному страннику это предложение пришлось весьма по душѣ. Молодая женщина зажгла огонь, молча приготовила нѣсколько блюдъ — растительныхъ, мястнаго приготовленія — и поставила все это передъ нимъ съ извиненіемъ за бѣдность трапезы. Но пока онъ ужиналъ, она почти ни слова не говорила, и ея сдержанность смущала его. На вопросы, которые онъ рѣшался предлагать ей, она отвѣчала односложно или только нѣмымъ наклоненіемъ головы; тогда и онъ скоро умолкъ.

Онъ замѣтилъ, что маленький домикъ блестѣлъ чистотой какъ зеркало, и посуда была безупречно чиста. Немногіе простые предметы, разставленные въ комнатѣ, были очень изящны. Развинутыя двери гардероба и буфета, хотя изъ простой бѣлой бумаги, были покрыты великолѣпными китайскими рисунками, изображавшими, по законамъ этого декоратив-

наго искусства, любимыя темы поэтовъ и художниковъ: весенниe цвѣты, горы и море, лѣтній дождь, небо и звѣзды, луну, рѣку и осенний вѣтеръ. У одной стѣны стояло нѣчто вродѣ низкаго алтаря, на немъ бутзуданъ; сквозь отворенные крошечныя лакированныя дверца виднѣлась дощечка въ память умершаго; передъ нею, среди полевыхъ цвѣтовъ, горѣла лампадка. Гадъ этимъ алтаремъ висѣло необыкновенно цѣнное изображеніе богини милосердія съ луною вмѣсто ореола.

Когда юный художникъ окончилъ трапезу, хозяйка сказала ему:

«Я не могу предложить вамъ хорошей постели, да и занавѣска отъ москитъ только бумажная. Этой постелью и занавѣской я обыкновенно пользуюсь сама, но нынче ночью у меня много дѣла и мнѣ некогда будетъ спать. Поэтому прошу васъ устроиться по возможности удобно».

Онъ понялъ, что по какой-то таинственной причинѣ она была здѣсь совершенно одна и искала любезнаго предлога, чтобы предоставить ему единственную постель. Онъ всѣми силами старался отклонить ея чрезмѣрное гостепріимство, увѣряя, что онъ прекрасно заснетъ на голомъ полу и что москиты ничуть не помѣшаютъ ему. Но она тономъ старшей сестры настаивала на своемъ, повторяя, что у нея дѣйствительно дѣло, что онъ ее ничуть не

стѣсняеть, но что отъ его рыцарскаго чувства она ждеть, что онъ предоставить ей поступать, какъ ей заблагоразсудится. Послѣ этого отказываться было невозможно. Она разстелила подстилку, принесла деревянную подставку подъ голову, повѣсила бумажную занавѣску отъ москитъ, заставила постель большой ширмой и пожелала ему доброй ночи. По тону онъ ясно понялъ, что ей хочется скорѣе остатся однай. Онъ такъ и поступилъ, но совѣсть продолжала мучить его за весь трудъ и беспокойство, которые онъ причинилъ ей, хотя и противъ собственной воли. □ □ □ □ □ □ □ □ □

Хотя молодому человѣку было очень непріятно, что его хозяйка жертвовала ночнымъ покоемъ ради него, однако онъ испыталъ истинное блаженство, когда ему наконецъ удалось вытянуться и расправить усталые члены. Не успѣлъ онъ положить голову на подушку, какъ сонъ одолѣлъ его и прогналъ всѣ сомнѣнія.

Но скоро его разбудилъ странный шорохъ, похожій на быстрые неровные шаги. У него мелькнула мысль, что разбойники напали на домикъ. За себя ему нечего было бояться, потому что ему нечего было терять. Онъ боялся только за милую женщину, выказавшую ему

столько заботы. Въ бумажной занавѣскѣ отъ москитъ было два маленькихъ четырехугольныхъ кусочки коричневой сѣтки; черезъ одну изъ этихъ дырочекъ онъ старался выглянуть. Но между нимъ и тѣмъ, что происходило въ комнатѣ, стояли высокія ширмы. Онъ хотѣлъ уже крикнуть, но тотчасъ же понялъ, что въ случаѣ дѣйствительной опасности было бы неосторожно выдать свое присутствіе раньше, чѣмъ узнать, въ чемъ дѣло. Всполошившій его шорохъ продолжался и становился все таинственнѣе. Онъ рѣшилъ пойти навстрѣчу опасности и, если нужно, отдать жизнь за свою хозяйку.

Быстро накинувъ платье, онъ проскользнулъ подъ бумажной занавѣской, подползъ къ самому краю ширмъ и выглянулъ изъ-за нихъ.

То, что онъ увидѣлъ, страшно поразило его.

Передъ освѣщеніемъ бутэуданомъ, въ роскошной золототканой одеждѣ, молодая женщина танцевала въ полномъ одиночествѣ. По одеждѣ онъ узналъ въ ней ширабіоши, но нарядъ ея былъ богаче, чѣмъ все то, что онъ когда-либо видѣлъ на профессиональныхъ танцовщицахъ. Роскошь наряда еще увеличивала ея красоту; и въ этотъ таинственный часъ въ этой таинственной обстановкѣ она казалась положительно неземной. Но обворожительнѣе всего ему показалась ея пляска. На одно мгновеніе въ немъ промелькнуло жуткое подозрѣніе: ему вспомни-

лись крестьянскія суевѣрія, сказанія о женщинахъ-лисицахъ; но буддійскій алтарь и священное изображеніе разсѣяли его страхъ и онъ устыдился своего малодушія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понялъ, что подсматриваетъ и видѣть то, что молодая женщина хотѣла скрыть отъ него; онъ понялъ, что долгъ гостя повелѣваетъ ему тотчасъ же снова спрятаться за ширмы. Но зрелице заворожило его. Восторженный и пораженный, онъ говорилъ себѣ, что никогда не видывалъ такой идеальной танцовщицы, и чары ея красоты охватывали его все сильнѣе.

Вдругъ она остановилась, тяжело переводя дыханіе, обернулась, чтобы поправить платье, и содрогнулась въ испугѣ, встрѣтившись съ нимъ глазами. Онъ разсыпался въ извиненіяхъ, сказалъ, что таинственный шорохъ шаговъ разбудилъ и испугалъ его, главнымъ образомъ изъ-за нея, вслѣдствіе уединенности ея жилища и поздняго часа. Потомъ онъ признался, какъ сильно все видѣнное поразило и очаровало его.

«Простите мѣе любопытство, продолжалъ онъ; Но я не могу представить себѣ, кто вы и где научились такъ изумительно танцевать. Я видѣлъ всѣхъ самыхъ знаменитыхъ танцовщицъ Сайкіо, но среди нихъ не было равной вамъ. Съ первого взгляда на васъ я былъ зачарованъ и не могъ оторвать отъ васъ восторженныхъ глазъ».

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Сначала ей видимо было досадно, но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, выраженіе ея лица измѣнялось, она улыбнулась и сѣла съ нимъ рядомъ.

«Нѣтъ, я не сержусь», сказала она; «минѣ только жаль, что вы подсмотрѣли, потому что вы конечно сочли меня безумной, видя, что я пляшу совершенно одна. А теперь я должна объяснить вамъ все это».

И она повѣдала ему печальную повѣсть свою.

Тогда онъ вспомнилъ, что мальчикомъ слышалъ ея имя—ея профессиональное имя,—имя самой извѣстной ширабюши, столичной любимицы, внезапно исчезнувшей въ моментъ апогея славы и красоты своей—неизвѣстно почему и куда...

Она бросила славу и блескъ и бѣжала съ юношой, который ее полюбилъ. Онъ былъ бѣденъ, но ихъ совмѣстныхъ средствъ было довольно для скромнаго счастія въ деревнѣ. Они выстроили домикъ въ горахъ, гдѣ провели нѣсколько лѣтъ, безмятежно счастливые, живя только другъ для друга.

Онъ боготворилъ ее. Его величайшимъ наслажденіемъ было любоваться ея пляской. Каждый вечеръ онъ игралъ какую-нибудь изъ ихъ любимыхъ мелодій, а она танцевала. Но вдругъ, во время суровой зимы онъ захворалъ и умеръ, несмотря на ея нѣжный уходъ. Съ тѣхъ поръ

она жила совершенно одна со своими воспоминаниями, совершая весь ритуалы вѣрности и любви, которыми чутъ умершихъ.

Ежедневно она ставила передъ памятной дощечкой обычные дары, а по вечерамъ она плясала для него какъ при жизни его. Таково было объясненіе тому, что видѣлъ молодой путешественникъ.

«Невѣжливо было съ моей стороны будить утомленного гостя,» продолжала она. «Но я дождалась, пока вы крѣпко заснули и старалась плясать какъ можно тише. Надѣюсь, вы мнѣ простите, что я невольно потревожила васъ».

Окончивъ свое объясненіе, она приготовила чаю, который они выпили вмѣстѣ, послѣ чего она такъ убѣдительно стала упрашивать его снова лечь, сдѣлать это ради нея, что ему пришлось опять отправиться за ширмы подъ бумажную занавѣску; онъ такъ и сдѣлалъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ и благодарности.

Онъ спалъ превосходно. А когда онъ проснулся, солнце уже высоко стояло на небѣ. Вставъ, онъ нашелъ приготовленный маленький простой завтракъ. Несмотря на голодъ, онъ почти ни до чего не дотронулся изъ боязни, что его хозяйка изъ гостепріимства отдала ему свою часть.

Послѣ этого онъ сталъ прощаться. Но о платѣ

за ночлегъ и труды она и слышать ничего не хотѣла.

«То, что я могла предложить, не стоитъ пла-
ты», сказала она; «что я дала, я дала отъ души.
Поэтому прошу простить неудобства и только
помнить мою добрую волю, которая, къ сожа-
лѣнію, ничего лучшаго не могла дать».

Онъ еще попытался уговорить ее взять хотя
бы что-нибудь за труды, но видя, что его на-
стойчивость огорчаетъ ее, расстыдился, ста-
раясь, какъ умѣлъ, выразить ей свою благо-
дарность.

Сердце его нѣжно затосковало, когда при-
шлось разстаться. Красота и душевная пре-
лестъ ея обвороожили его больше, чѣмъ онъ самъ
сознавалъ.

Она указала ему тропинку, по которой онъ
долженъ былъ итти, и провожала его глазами,
пока онъ спускался съ горы и исчезъ за пово-
ротомъ. Часъ спустя онъ уже очутился на зна-
комой горной тропѣ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что
забылъ назвать ей свое имя. Онъ замедлилъ на
мгновеніе шаги, потомъ сказалъ, махнувъ рукою:

«Ахъ, не все ли равно! Вѣдь я навсегда
останусь тѣмъ же безвестнымъ бѣднякомъ!»

И отправился дальше.

□ Много лѣтъ прошло и многое измѣнилось. Художникъ сталъ старикомъ. Но прежде чѣмъ состарѣться, онъ сталъ знаменитъ. Очарованные его чудными произведеніями, владѣтельные князья наперерывъ старались выказать ему свое расположение; онъ сталъ богатъ и знатенъ и жилъ въ собственномъ роскошномъ домѣ въ столицѣ. Молодые художники изъ разныхъ провинцій были его учениками, жили съ нимъ и, пользуясь его уроками, всячески старались ему угодить. Во всей имперіи знали его.

Разъ къ его дому подошла старушка и сказала, что желала бы видѣть его. Слуги, видя ея бѣдную одежду, сочли ее за обыкновенную нищенку и грубо спросили, что ей нужно. Когда она отвѣтила имъ, что можетъ сказать о цѣли своего посѣщенія только самому благородному господину, они подумали, что она полуумная, и спровадили ее, сказавъ, что ихъ хозяинъ уѣхалъ изъ города и неизвѣстно, когда онъ вернется.

Но старушка возвратилась и приходила каждый день въ теченіе цѣлыхъ недѣль; а есъ каждый разъ гнали подъ новымъ предлогомъ: «сегодня онъ боленъ», «сегодня онъ очень занятъ», или «сегодня у него много гостей и не приказано никого принимать».

□ А она все возвращалась, каждый день въ тотъ

же часть, все съ тѣмъ же узломъ въ полинявшемъ платкѣ.

Наконецъ слуги, не зная, что дѣлать, рѣшили все-таки доложить о ней своему господину. Они пришли къ нему и сказали:

«У воротъ нашего благороднаго господина стоитъ древняя старушонка—вѣроятно нищенка; она уже приходила болѣе пятидесяти разъ и просила быть допущеной къ нашему господину; и не хотѣла повѣдать намъ, что ее приводитъ сюда; она говорить, что можетъ сообщить обѣ этомъ только самому господину. Мы гнали ее, потому что она казалась намъ сумасшедшей, но она все возвращалась, и поэтому мы сочли за лучшее доложить обѣ этомъ нашему господину, дабы онъ самъ рѣшилъ, какъ поступить съ нею».

Тогда художникъ сердито крикнулъ:

«Почему мнѣ раньше никто не доложилъ обѣ этомъ?»

Онъ самъ вышелъ къ воротамъ и ласково заговорилъ со старой женщиной; онъ еще не забылъ своей прежней бѣдности и спросилъ ее, не нужно ли ей денегъ.

Но она отвѣтила, что ей не нужно ни денегъ ни пищи,—ей хотѣлось бы только, чтобы онъ написалъ для нея картину. Это желаніе очень удивило его, но онъ все-таки ввелъ ее къ себѣ въ домъ.□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Войдя въ вестибюль, она присѣла на поль и начала развязывать узель. Въ развернутомъ узлѣ художникъ увидѣлъ богатыя золототканыя платья, но изношенныя и полинявшія—остатки роскошной одежды ширабіоши прежнихъ временъ. Пока старушка бережно вынимала платья, одно за другимъ, стараясь разгладить ихъ дрожащими пальцами, въ художникъ возникло неясное воспоминаніе; сначала туманное, оно вдругъ озарилось. Будто молнія прорѣзalo тьму, такъ внезапно отчетливо и ясно воскресло въ его памяти прошлое: однокій домикъ въ горахъ, гдѣ онъ разъ пользовался неоплаченнымъ гостепріимствомъ; изящная комнатка съ бумажной занавѣской отъ москитъ, приготовленный ему очлегъ, теплящаяся лампадка передъ буддійскимъ алтаремъ, чающая прелестъ плящущей женщины въ однокой, безгласной ночной тишинѣ.

И къ неописанному удивленію дряхлой гостьи, онъ—любимецъ сильныхъ мѣра сего—низко ей поклонился и вымолвилъ:

«О простите, что я не тотчасъ узналъ васъ. Но съ тѣхъ поръ, что мы видѣлись, прошло болѣе сорока лѣтъ. Но теперь я вспомнилъ и навѣрное знаю: вы приняли меня разъ въ своеи домѣ, вы предоставили мнѣ свою единственную постель; я видѣлъ, какъ вы танцевали, а вы повѣдали мнѣ свою повѣсть. Вы были

ширабоши — я вашего имени никогда не забуду».

Пока онъ говорилъ, старушка стояла передъ нимъ, смущенная, пораженная, не зная, что отвѣтить. Вѣдь она была такъ стара, такъ много перестрадала, и память начала измѣнять ей. Но онъ говорилъ съ нею все ласковѣе, напомнилъ ей многое изъ того, что она ему рассказала, описалъ ей съ такими подробностями домъ, который она обитала тогда, что наконецъ и въ ней пробудилось воспоминаніе и она воскликнула со слезами радости на рѣсницахъ:

«Навѣрное богиня, склоняющаяся къ землѣ на звуки молитвы, привела меня къ вамъ. Но тогда, когда мое недостойное жилище удостоилось посѣщенія высокочтимаго гостя, я была не такой, какъ теперь! Поэтому мнѣ кажется чудомъ нашего Великаго Учителя Будды, что господинъ узналъ меня!»

И она рассказала ему обыкновенный конецъ своей печальной судьбы.

Съ теченіемъ времени нищета заставила ее разстаться со своимъ маленькимъ домомъ и, уже старушкой, она вернулась въ столицу, гдѣ имя ея уже давно было забыто.

Ей было очень больно потерять домикъ, но еще больнѣе отъ того, что она стала такой старой и слабой и не могла больше танцовать каждый вечеръ передъ алтаремъ, чтобы развлечь

усошую душу своего возлюбленного. И поэтому ей захотелось иметь свой портрет в костюме и в позе пляски, чтобы повесить его перед алтарем.

Она всем сердцем молила об этом богиню Куаннонъ; и ея выбор пал на этого художника, за его талант и известность, потому что для дорогого покойника ей хотлось не обыкновенной картины, а действительного произведения искусства. И вот она принесла съ собою тѣ платья, въ которыхъ она нѣкогда танцевала, въ надеждѣ, что знаменитый художникъ будетъ столь великолушенъ и напишетъ ее въ этомъ нарядѣ.

Художникъ выслушалъ ее, ласково улыбаясь, и отвѣтилъ:

«Для меня будетъ большимъ удовольствиемъ исполнить ваше желаніе и написать эту картину. Сегодня мнѣ необходимо окончить спѣшное дѣло; но если вы завтра вернетесь, я напишу картину въ точности по вашему указанію и такъ хорошо, какъ только сумѣю».

Тогда она сказала:

«Я еще не повѣдала великому художнику, чѣмъ смущаетъ мою душу: вѣдь за такое большое благодѣяніе я ничѣмъ не могу отплатить; у меня ничего нѣтъ кромѣ этого старого платья, но оно ничего не стоитъ, хотя и было когда-то очень цѣннымъ. Но я все-таки сумѣю

надѣяться, что великий художникъ приметъ его—оно теперь стало рѣдкостью: ширабіоши перевелись, а нынѣшнія майко не носятъ такой одежды».

«Объ этомъ не думайте», отказался художникъ. «Я такъ радъ, что теперь представляется случай отплатить вамъ хоть часть моего старого долга. Итакъ, завтра я начну писать вашъ портретъ въ точности по вашему указанію».

Разсыпаясь въ благодарности, она трижды поклонилась ему до земли и сказала:

«Пусть проститъ меня господинъ, если я еще попрошу объ одномъ: мнѣ не хочется быть написанной такою, какова я теперь, а молодой—такою, какою господинъ меня видѣлъ когда-то».

«Я въсъ отлично помню», отвѣтилъ художникъ; «вы были прекрасны».

Отблескъ радости освѣтилъ ся морщиштое лицо. Благодарная, она еще разъ поклонилась ему и воскликнула:

«Итакъ, все исполнится, о чмъ я молилась и на что надѣялась! И если господинъпомнить мою жалкую юность, я заклинаю его не изображать меня старой и дряхлой, а такою, такою я была въ тѣ времена, когда онъ видѣлъ меня и соблазнилъ найти меня недурной. О великий художникъ! Творецъ! Верни мнѣ юность, верни красоту, чтобы я казалась прекрасной той душѣ, ради которой я, недостойная, молю объ этомъ!

Дорогой мой увидить твореніе твое и простить мнѣ, что я состарилась и не могу больше плясать!»

Художникъ еще разъ попросилъ ее не тревожиться ни о чёмъ и сказалъ:

«Завтра непремѣнно приходите, и я напишу вашъ портретъ. Я напишу вѣсну юной, прекрасной, и такъ буду стараться, какъ если бы писалъ портретъ самой богатой женщины всей страны. Будьте увѣрены въ этомъ и приходите въ назначенный часъ».

Старуха пришла въ назначенный часъ, и художникъ написалъ картину на мягкомъ бѣломъ шелку. Не то онъ писалъ, что видѣли его ученики,—нѣтъ, снѣ воспроизвелъ свое воспоминаніе, воспроизвелъ ее ясноокой какъ птичка, гибкой какъ бамбукъ, свѣтозарной какъ теннишъ, въ ея шелковой, златотканной одеждѣ. Его волшебная кисть воскресила увядшую красоту, и она вновь расцвѣла. Когда какемоно было готово и снабжено его печатью, онъ натянулъ его на дорогой шелкъ, укрѣпилъ на кедровыхъ палочкахъ и привѣсилъ къ нему гири изъ слоновой кости и шнурокъ. Потомъ онъ все бережно уложилъ въ ящикъ изъ бѣлаго дерева и передалъ старой ширабіопи. Ему очень хотѣ-

лось дать ей и денегъ; но сколько онъ ни просилъ, она не приняла помоши отъ него.

«Нѣть», говорила она сквозь слезы; «мнѣ ничего не нужно; картина была моимъ единственнымъ послѣднимъ желаніемъ, о ней я молилась; теперь, когда моя молитва услышана, я знаю, что въ этой жизни мнѣ больше нечего желать. И если я умру такъ, безъ желаній, мнѣ будетъ не трудно пойти по пути, намѣченномъ Буддой. Одна только мысль печалить меня: я ничего не могу предложить великому художнику, ничего, кроме этой одежды, въ которой я когда-то плясала. Заклинаю его принять ее, хотя цѣна ей невелика. И ежедневно я буду молиться, да будетъ счастливо его будущее существование за безграничную доброту, которую онъ мнѣ оказалъ».

Художникъ, улыбаясь, старался отклонить ея благодарность:

«Что же я сдѣлалъ особенного», говорилъ онъ; «право же ровно ничего. Что касается одежды, то я съ удовольствиемъ возьму ее, если вы этого желаете; она во мнѣ воскресить пріятныя воспоминанія о той ночи, когда вы ради меня, недостойного, отказались отъ всѣхъ удобствъ и ничего не хотѣли взять за это въ уплату. Я еще въ долгу у васъ. А теперь скажите мнѣ, гдѣ вы живете, чтобы я могъ видѣть картину на мѣстѣ».

□ Онъ въ душѣ рѣшилъ впредь заботиться о ней. Но она извинилась словами, полными смиренія, и отказалась отъ указаній, говоря, что ея жилище слишкомъ убого, чтобы столь благородный гость его посѣтилъ. И снова полились потоки благодарности. Потомъ, прижавъ свое сокровище къ сердцу, она со слезами радости на глазахъ удалилась.

Тогда художникъ позвалъ одного изъ своихъ учениковъ и сказалъ ему:

«Послѣдуй незамѣтно за этой женщиной и скажи мнѣ, гдѣ она живетъ».

И юноша незамѣтно послѣдовалъ за нею. Долго онъ не возвращался, а когда онъ вернулся, то улыбался смущенно, будто ему предстояло сообщить нѣчто непріятное.

«Учитель», сказалъ онъ; «я послѣдовалъ за нею за городъ къ высохшему рѣчному руслу—туда, гдѣ казнить преступниковъ; тамъ я увидѣлъ нищенскую хижинку—такую, въ какихъ живутъ паріи,—и тамъ она обитаетъ! Одинокое, безнадежно грустное мѣсто, учитель!»

Художникъ отвѣтилъ:

«Завтра же ты меня проводишь туда; пока я живъ, я буду заботиться о ея питаніи, одеждѣ, удобствѣ».

А когда онъ увидѣлъ удивленіе своихъ учениковъ, онъ рассказалъ имъ повѣсть о ширабіоши, и они поняли слова его и поступокъ. □

На слѣдующее утро, часъ послѣ восхода солнца художникъ отправился со своимъ ученикомъ къ высохшему рѣчному руслу, далеко за городскою чертой, къ пріюту отверженныхъ.

Входъ въ маленькое жилище былъ запертъ ставнями. Художникъ стучалъ, но никто не откликался. Тогда онъ замѣтилъ, что ставни не были заперты изнутри; онъ потихоньку толкнулъ ихъ и позвалъ. Когда и на зовъ никто не отвѣтилъ, онъ рѣшилъ войти. Въ немъ необыкновенно живо промелькнуло воспоминаніе о той ночи, когда онъ, усталый странникъ, стоялъ у одинокаго домика среди горъ и просилъ пріюта.

Осторожно войдя, онъ увидѣлъ женщину, закутанную въ старый, полинявшій футонъ; она лежала и очевидно дремала.

На простой деревянной полкѣ онъ узналъ бутзуданъ съ памятной дощечкой, видѣнныи имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ; и теперь, какъ тогда, крошечная лампадка горѣла передъ кайміо.

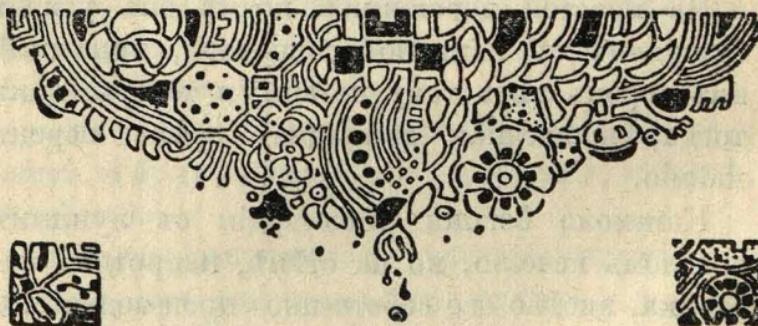
Какемоно богини милосердія съ луннымъ ореоломъ исчезло, но на стѣнѣ, напротивъ алтарика, висѣло его собственное произведеніе, а подъ нимъ офуда—офуда-Хитокото-Куаннонъ,

той Куаннонъ, которую можно молить одинъ только разъ, потому что она исполняетъ одну только просьбу.

Больше ничего не было въ этомъ безнадежно-грустномъ жилищѣ: только одежда странницы, нищенскій посохъ и чашечка для сбора милостыни еще лежали въ углу.

Но художникъ не обратилъ вниманія ни на что. Ему хотѣлось скорѣе разбудить и обрадовать старушку. Онъ весело позвалъ ее по имени—позвалъ разъ, два раза, три...

И вдругъ увидѣлъ, что она мертва... Но когда онъ заглянулъ ей въ лицо, то поразился, потому что лицо не было старымъ... Призракъ юности коснулся его и придалъ ему избѣжную прелесть; горестныя морщины и складки, какъ чудомъ, разгладились рукою всемогущаго художника—Творца...

НА СТАНЦИИ
ЖЕЛЪЗНОЙ
□ ДОРОГИ. □

ГАКАНУНЪ изъ Фукуоки по телеграфу пришла вѣсть о задержаніи тяжкаго преступника. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и его ждали съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ въ Кумамото.

Однажды ночью, четыре года тому назадъ, воръ забрался въ одинъ домъ, связалъ обитателей, похитилъ множество драгоцѣнностей и скрылся. Полиція быстро изловила его. Но по пути въ тюрьму ему удалось разорвать оковы, вырвать у полицейскаго саблю, убить его и скрыться; все это было дѣломъ одного мгновенія. Съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху ни духу.

И вотъ, черезъ четыре года, одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ случайно посѣтилъ тюрьму въ Фукуокѣ; въ каторжномъ отдѣленіи его внезапно поразило одно лицо, лицо, четыре года тому назадъ неизгладимо запечатлѣвшееся въ его памяти.

«Кто этотъ человѣкъ?» спросилъ онъ.

«Воръ», отвѣтили ему; «у насъ онъ записанъ подъ именемъ Кузабэ».

Чиновникъ подошелъ къ заключенному и сказалъ ему:

«Тебя зовутъ не Кузабэ! Номура Тейхи, четыре года тому назадъ въ Кумамото ты совершилъ убийство».

□ Преступникъ сознался во всемъ. □ □ □ □

□ Всльдъ за большой толпой народа и я отправился на вокзалъ, чтобы увидать преступника. Я ждалъ порывовъ гнѣва со стороны толпы; я боялся даже насилия. Убитый пользовался большой любовью; въ толпѣ были конечно и родственники его; а толпа въ Кумамото свирѣпа. Я ждалъ также большого наряда полиціи. Но ничего подобнаго не было.

Когда поѣздъ остановился, моимъ глазамъ представилась обычнаѧ, шумно суетливая картина желѣзодорожной сутолоки: первная бѣготня путешественниковъ, спѣшащихъ, скрещивающихся и незамѣчающихъ другъ друга; крикъ маленькихъ торговцевъ, предлагающихъ газеты и лимонадъ. Намъ пришлось прождать около пяти минутъ за барьеромъ. Но вотъ двое полицейскихъ протолкнули въ дверь преступника, коренастаго малаго; съ опущенной на грудь головой, со связанными на спинѣ руками, онъ остановился въ дверяхъ рядомъ съ караульнымъ.

Тогда, чтобы лучше видѣть, толпа хлынула впередъ, напряженная, безмолвная. Вдругъ громкій, внятный голосъ полицейскаго прервалъ молчаніе:

«Сугихара Санъ! Сугихара О-Киби! Тутъ ли она?»

Стоявшая рядомъ со мною нѣжная маленькая женщина съ ребенкомъ за спиной отвѣтила:

□ «Ха-и!» □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

И двинулись впередъ. Это была вдова убитаго; ребенокъ—ихъ сынъ.

Полицейскій сдѣлалъ знакъ, и толпа разступилась; вокругъ преступника и его конвоя образовалось свободное мѣсто. Тамъ стояла вдова со своимъ мальчикомъ и смотрѣла убийцу прямо въ лицо. Полицейскій обратился не къ женщинѣ, а къ ребенку; и говорилъ онъ тихо, но такъ внятно, что до меня ясно долеталъ каждый звукъ:

«Дѣточка, смотри, вотъ человѣкъ, который убилъ твоего отца. Тебя еще не было на свѣтѣ, ты еще покоился во чревѣ матери. Этотъ человѣкъ виноватъ въ томъ, что ты не зналъ отеческой ласки. Взгляни на него»,—полицейскій грубо схватилъ преступника за подбородокъ и заставилъ его поднять голову,—«взгляни на него, мальчикъ, не бойся,—это долгъ твой,—смотри на него!»

Широко раскрытыми испуганными глазами мальчикъ смотрѣлъ изъ-за плеча матери; рыданіе вырвалось изъ его груди, слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ, но онъ послушно и пристально продолжалъ смотрѣть въ судорожно подергивающееся лицо преступника.

Толпа безмолвствовала, затаивъ дыханіе.

Лицо преступника исказилось. И вдругъ, несмотря на оковы, онъ бросился на колѣни,

ударился лицомъ о землю, и въ голосѣ его прозвучало такое страстное, такое жгучее отчаяніе, что всѣ сердца дрогнули и сжались:

«Прости меня, малютка, прости! Не по злобѣ я убилъ отца твоего,—страхъ, желаніе спастись заставили меня пойти на это преступленіе. Страшный, страшный грѣхъ я совершилъ по отношенію къ тебѣ; но я искупаю свой грѣхъ; я иду на казнь; я хочу умереть, умираю охотно, только будь милосердъ, малютка, прости меня!»

Ребенокъ все еще плакаль.

Тюремщикъ поднялъ съ земли рыдающаго преступника, толпа разступилась направо и налево, чтобы дать имъ дорогу. А когда загорѣлый конвойный проходилъ мимо меня, я увидѣлъ то, чего еще никогда не видѣлъ и вѣроятно не увижу больше никогда: я увидѣлъ слезы на глазахъ японскаго полицейскаго.

Толпа разсѣялась, а я остался одинъ въ глубокомъ размышеніи о внутреннемъ смыслѣ только-что разыгравшейся сцены.

Справедливость довела до сознанія виновнаго весь ужасъ преступленія, явивъ ему потрясающее зрѣлище послѣдствій его. И вызвала въ преступникѣ отчаянное раскаяніе, жаждущее смерти и прощенія.

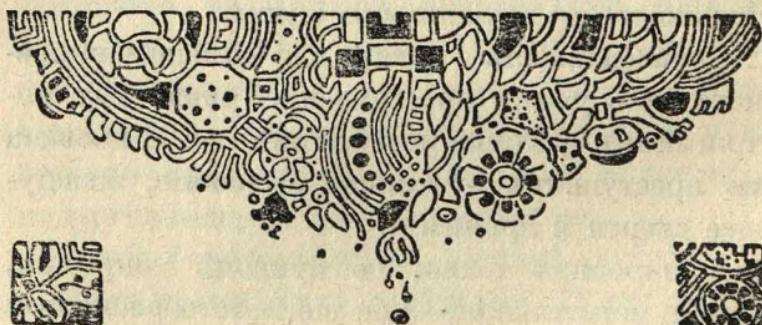
А народная толпа, по природѣ свирѣпая, дикая, мстительная,—при видѣ этого раскаянія смягчилась и все поняла; видѣ сокрушенного

преступника преисполнилъ ее великой печалью, и она интуитивно почувствовала, какъ жизнь непосильна тяжела и какъ слабъ человѣкъ.

Но для Востока характернѣе всего то, что въ преступникѣ было затронуто отеческое чувство, эта потенциальная любовь къ ребенку, такъ глубоко заложенная въ душѣ каждого японца...

Рассказываютъ, будто известный преступникъ, Исхикава Гоэмонъ, во время ночного нападенія такъ былъ очарованъ улыбкой ребенка, протягивающаго къ нему ручонки, что совершенно забылъ о своемъ преступномъ намѣреніи и, заигравшись съ малюткой, пропустилъ удобный моментъ для выполненія своего плана.

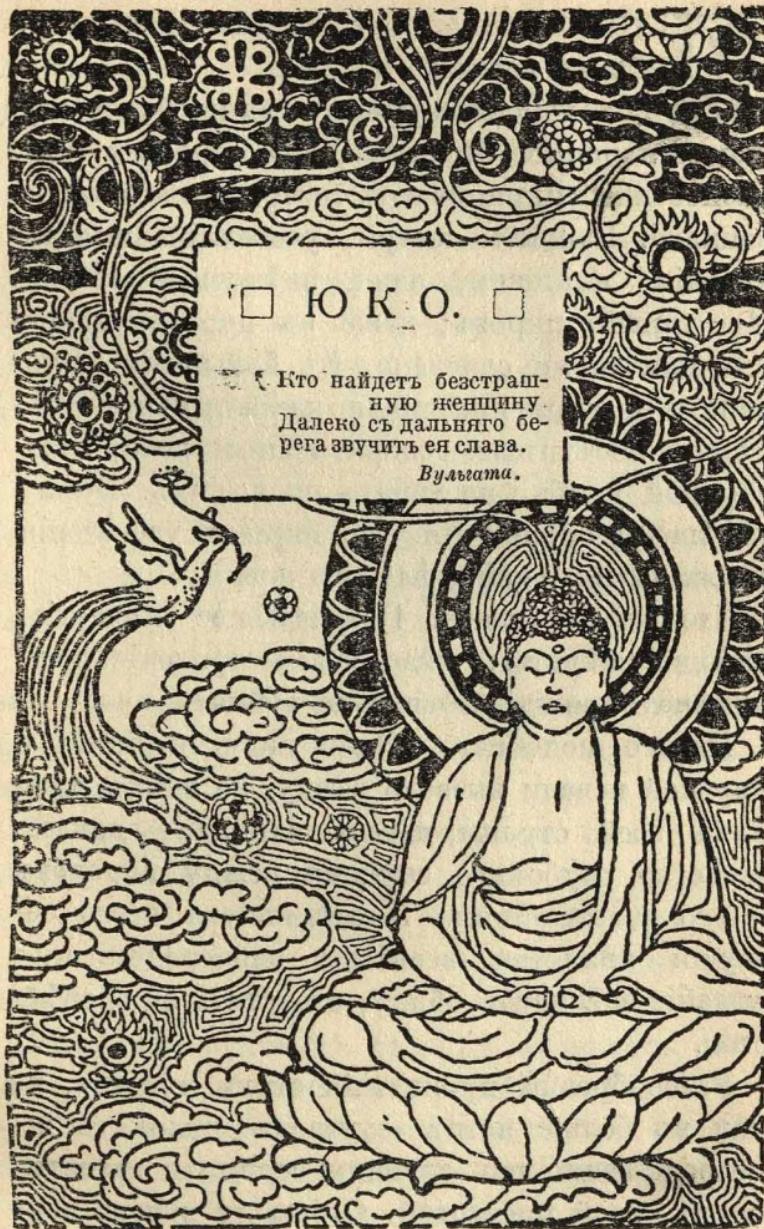
Этотъ разсказъ очень правдоподобенъ. Полицейскіе анналы ежегодно приводятъ факты состраданія, жалости и трогательной заботливости профессиональныхъ преступниковъ по отношенію къ дѣтямъ. □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Ю К О. □

Кто найдет безстрашную женщину.
Далеко съ дальняго берега звучить ея слава.

Вулгата.

ГЕНШИ-САМА го - шимпай!» Сынъ неба
объять великой печалью!

Въ городѣ жуткая тишина, будто случилось народное бѣдствіе. Даже странствующіе разносчики выкрикиваютъ товаръ тише обыкновенного. Закрыты театры, увеселительныя заведенія, выставки, даже цвѣточные кiosки. Не слышно пировъ; даже въ царствѣ гейшъ умолкли звуки самизена. Въ большихъ ресторанахъ не видно празднично накрытыхъ столовъ, рѣдкіе посѣтители говорятъ вполголоса, нѣть обычной улыбки на лицахъ прохожихъ. Всюду вывѣшены объявленія, что пиры и увеселенія отложены на неопределѣленное время.

Что же случилось? Потрясающее несчастіе, народное бѣдствіе, ужасное землетрясеніе? Разрушена столица? Объявлена война?

Ничего подобнаго. Одно лишь извѣстіе о царской печали вызвало всюду, во всѣхъ городахъ всей страны, печаль народа, — доказательство глубокаго созвучія между народомъ и его властелиномъ. И следствіемъ этого созвучія является всеобщее непосредственное желаніе загладить обиду, отомстить за злодѣйство.

Разнообразны проявленія этихъ чувствъ, но они въ большинствѣ случаевъ исходить непосредственно изъ глубины сердца и захватываютъ своей простотой. Отовсюду шлютъ цар-

скому гостю письма, сочувственные телеграммы, своеобразные подарки. Богатые и бѣдняки отдают раненому цесаревичу самое драгоценное, что есть въ домѣ, что хранится по наследству.

Царю готовятъ несчетныя посланія, — и все это отъ частныхъ лицъ, добровольно.

Вотъ добрый старый купецъ приходитъ ко мнѣ съ просьбой сочинить на французскомъ языке телеграмму, выражающую глубокую скорбь всѣхъ гражданъ по поводу покушенія на жизнь цесаревича, — телеграмму императору всея Руси. Я стараюсь сдѣлать все, что могу, но увѣряю его, что совершенно не знаю, какъ составляютъ телеграммы на Высочайшее имя.

«Это ничего не значить», говоритъ онъ; «мы пошлемъ телеграмму японскому посланнику въ С.-Петербургъ, — онъ исправить ошибки».

Я спрашиваю его, отдаетъ ли онъ себѣ отчетъ, сколько стоитъ такое посланіе. Оказывается, — да: немного болѣе ста іенъ, — сумма значительная для маленькаго купца въ Матсузѣ.

Нѣсколько суровыхъ старыхъ самураевъ отнеслись къ случившемуся менѣе любовно и кротко. Сановнику, приставленному къ особѣ цесаревича, они съ нарочнымъ посылаютъ драгоценную саблю и категорическое требованіе

доказать свое мужество и горе, какъ подобаетъ самураю, совершивъ тотчасъ же надъ собой хаакири.

Вѣдь у этого народа, какъ и у его шинтоистскихъ боговъ, двойственная душа. У него Ниги-ми-тама и Ара-ми-тама, — духъ нѣжный и духъ суровый. Нѣжный духъ хочетъ лишь искупленія, суровый духъ требуетъ мести. И всюду теперь въ темномъ сознаніи народа чувствуется таинственная вибрація этихъ двухъ противоположныхъ импульсовъ, какъ двухъ электрическихъ токовъ. □ □ □ □ □ □ □

Далеко, въ Канагавѣ, въ домѣ зажиточной семьи, жила молодая дѣвушка, служанка, по имени Юко; Юко — самурайское имя прежнихъ временъ и означаетъ оно безстрашіе.

Сорокъ миллионовъ печалятся, но она болѣе всѣхъ. Какъ и почему — этого никогда вполнѣ не понять западному уму. Мы можемъ имѣть лишь слабое представление о чувствахъ и побужденіяхъ, руководящихъ ею; душа хорошей японской дѣвушки намъ лишь отчасти понятна. Въ ней скрытая любовь, глубокая, молчаливая; нетронутая невинность, чистая какъ лотосъ, ея буддійскій символъ; чувствительность въ ней нѣжная, какъ бѣлосѣжный

налетъ сливового цвѣта; презрѣніе къ смерти — наслѣдіе самураевъ,—облеченнное въ кротость, чарующую какъ мелодія; глубокая, простая, сердечная вѣра, дѣлающая боговъ и Будду друзьями, къ которымъ безъ страха можно обращаться за всѣмъ, о чемъ просить позволяетъ японская вѣжливость. Но все это подъ властью одного чувства, которому ни на одномъ западномъ языке нѣтъ названія.

Слово «вѣрность» слишкомъ блѣдно; это скончѣ мистическая экзальтациѣ, преданность, поклоненіе безъ границъ и безъ мѣры, желаніе отдаваться всецѣло, пожертвовать собою для Тенши-Сама.

Это чувство сверхъиндивидуально. Въ немъ нетлѣнная сила и вѣчная воля сонма духовъ, касающихся ея жизни и длинной вереницей уходящихъ въ глубокую тьму забытыхъ временъ. А Юко — лишь греза духовъ, отраженіе прежнихъ временъ, непохожихъ на наши; въ тѣ времена, въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ, всѣ жили, чувствовали и мыслили какъ одинъ, иначе, отлично отъ насъ.

«Тенши-Сама го-шимпай».

И дѣвушку охватило жгучее желаніе, что-нибудь дать; желаніе непреодолимое, но безнадежное: вѣдь у нея ничего не было, кроме крошечныхъ сбереженій отъ ея заработка.

□ Но жажда растетъ и не даетъ ей покоя.

Ночью она думаетъ, мечтастъ, спрашиваетъ, а умершіе отвѣчаютъ за нее.

«Что я могу дать, чтобы усыпить печаль Великаго?»

«Себя», отвѣчаютъ безмолвные голоса.

«Но какъ?», съ удивлениемъ вопрошаеть она.

«Родителей у тебя нѣтъ, на твоей обязанности не лежитъ приносить жертвы умершимъ. Такъ будь же ты нашей жертвой! Отдать жизнь для Великаго — высшая радость, святѣйший долгъ».

«Гдѣ?», вопрошаеть она.

«Въ Сайкіо», отвѣчаютъ безмолвные голоса; «подъ вратами тѣхъ, кои по старому обычаю обрекали себя на смерть!..» □□□□□□

Утренняя заря занялась, и Юко поднялась, привѣтствуя солнце. Исполнивъ свои утреннія обязанности, она попросила и получила позволеніе уйти изъ дома. Она надѣла лучшее платье, бѣлыя таби, опоясалась самымъ блестящимъ кушакомъ, — надо и внѣшностью быть достойной отдать жизнь за Тенши-Сама.

Она поѣхала въ Кіото. Въ окнѣ желѣзно-дорожнаго вагона мелькали прекрасные виды. Ясенъ былъ солнечный день, прекрасны синія

дали, прекрасенъ весенній ароматъ, опьяняющій, какъ мечта. Она любовалась красотою природы, какъ любовались предки ея,—западному глазу недоступна эта природа, развѣ въ волшебномъ, чарующемъ воспроизведеніи старыхъ японскихъ рисунковъ. Она ощущала радость бытія, но ея собственная жизнь въ будущемъ не имѣла цѣны для нея. Ее не печалила мысль, что когда она скажетъ жизни «прости», міръ останется столь же прекраснымъ. Буддійская меланхолія не омрачала ее, она безраздѣльно довѣрялась древнимъ богамъ...

Они улыбались ей изъ сумерекъ священныхъ дубравъ, изъ древнихъ святыхъ храмовъ на далекихъ холмахъ. Она думала, что, быть-можеть, одинъ изъ нихъ теперь съ нею, тотъ, кто для безстрашныхъ дѣлаетъ могилу прекраснѣе дворца, тотъ, кого народъ называетъ Шиниками, властителемъ радостной смерти...

Будущаго она не боялась. Вѣдь она всегда будетъ созерцать восходъ священного солнца надъ горной вершиной, улыбку богини-луны, отраженную въ волнахъ морскихъ, нетлѣнныя чары смѣняющихся временъ года. Въ вереницѣ несчетныхъ годовъ она пронесется по полямъ красоты, надъ туманнымъ царствомъ тѣней дремлющихъ кедровъ. Ждетъ ее одухотворенная, безтѣлесная жизнь въ дуновеніи легкаго вѣтерка, нѣжно касающагося блѣснѣнаго

цвѣта вишневыхъ деревьевъ, въ улыбкѣ играющихъ водъ, въ счастливомъ шопотѣ зеленаго молчанія...

Но сначала она увидитъ близкихъ своихъ, ждущихъ ее въ прохладной тѣни высокихъ хоромъ. Привѣтствуя ее, они скажутъ:

«Ты хорошо поступила, какъ истая дочь самурая. Войди, дитя! Въ честь тебя мы сегодня раздѣлимъ трапезу съ богами!» □ □ □ □ □

Уже свѣтало, когда дѣвушка пріѣхала въ Кіото. Разыскавъ гостинницу, она пошла въ цырюльню.

«Пожалуйста, наточите какъ можно острѣе», сказала она хозяйкѣ, передавая ей очень узкую бритву, необходимую принадлежность дамскаго туалета въ Японіи. «Я подожду, пока будетъ готово».

Развернувъ, только-что купленную газету, она ищетъ послѣднихъ новостей изъ столицы. Служащи съ любопытствомъ смотрятъ на нее, удивленно любуясь ея юной прелестью и сдержанностью, не допускающей близости. Лицо ея дѣтски спокойно; но при чтеніи о неутѣшномъ горѣ императора въ ея сердцѣ вновь воскресаютъ старые призраки...

□ «И я хотѣла бы, чтобы мой часъ скорѣе

насталъ», гласитъ ея, исходящій изъ глубины сердца, отвѣтъ; «но надо еще ждать».

Наконецъ она получаетъ изящную, безупречно отточенную бритву, платить ничтожную цѣну и возвращается въ гостинницу.

Тамъ она пишетъ два письма: одно — послѣднее прости брату; другое — безупречное прошеніе на имя высокихъ сановниковъ въ столицу, съ просьбой, чтобы Тенши-Сама считалъ свою скорбь утоленной, такъ какъ молода, хотя недостойная жизнь добровольно отдана въ искупленіе.

Когда она снова выходитъ изъ дома, царить глубокая тьма, какъ всегда предъ разсвѣтомъ. Тихо кругомъ, какъ въ могилѣ. Только кое-гдѣ мерцаетъ тусклый свѣтъ одинокаго фонаря; странно и жутко стучать ея маленькия деревянныя туфли. Только звѣзды смотрятъ на нее съ высоты.

Скоро она очутилась подъ глубокими воротами зданія присутственныхъ мѣстъ. Она скрывается въ широкой тѣни, шепчетъ молитву, склоняетъ колѣни. Потомъ, слѣдуя древнему обычай, длиннымъ шелковымъ кушакомъ крѣпко стягиваетъ юбки и завязываетъ узелъ надъ колѣньями: что бы ни случилось въ моментъ безсознательной агоніи — дочь самурая и послѣ смерти должна быть пристойной. Потомъ она спокойно и увѣренно перерѣзываетъ себѣ горло;

кровь ручьемъ течеть изъ него. Въ такихъ случаяхъ дочь самурая не ошибается: она знаетъ положеніе артерій и венъ. □□□□

Въ сумеркахъ утренней зари полиція находитъ ее, холодную, окоченѣвшую; рядомъ съ нею два письма и жалкій маленький кошелекъ съ пятью іенами и нѣсколькими сенами — достаточно для бѣднаго погребенія. Дѣвушку уносятъ вмѣстѣ съ ея убогимъ достояніемъ.

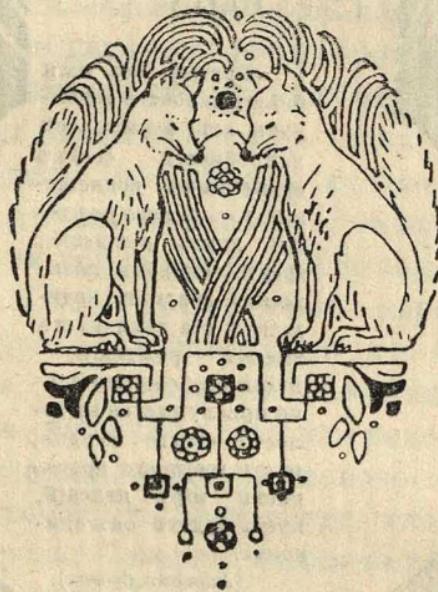
Вѣсть распространяется съ быстротою молніи по всѣмъ городамъ. Она достигаетъ столичныхъ газетъ, и циничные журналисты дѣлаютъ разныя предположенія, ищутъ пошлыхъ мотивовъ для ея жертвы: тайного позора, семейного горя, несчастной любви.

Но вѣдь вся ея жизнь была такъ проста и прозрачна, ничего въ ней не было ни скрытаго, ни малодушнаго, ни безчестнаго — нераспустившійся цвѣтокъ лотоса не можетъ быть дѣвственнѣй и невиннѣй. Такъ что даже циники стали писать о ней только достойное и благородное, какъ подобаетъ писать о дочери самурая.

Сынъ неба, услышавъ объ этомъ, понялъ, какъ сильно его любить народъ, и соблаговолилъ оставить печаль. □□□□□□□

□ А министры въ тьни трона прошептали
другъ другу:

«Пусть все измѣнчиво, лишь бы сердце націи
оставалось неизмѣнно». □ □ □ □ □ □ □ □

□ □ ИДЕЯ □ □
ПРЕДСУЩЕСТВО-
□ □ ВАНІЯ. □ □

«Братья мои, если
бикшу захочет вспом-
нить всѣ формы, всѣ
подробности своихъ
временныхъ воплоще-
ний, т.-е. одного рожде-
ния, двухъ рождений,
трехъ, четырехъ, пяти,
десяти, двадцати, пяти-
десяти, ста, тысячи, ста
тысячъ рождений, —
пусть онъ созерцатель-
но прислушается къ го-
лосу своего сердца,
пусть взоръ его прони-
каетъ міръ явленій,
пусть будетъ онъ оди-
ночъ».

(Аканквайл Сутта).

ЕСЛИ спросить наблюдательного уроженца Запада, прожившаго нѣсколько лѣтъ въ живой атмосферѣ буддизма, какова основная идея, отличающая восточный образъ мышленія отъ нашего, онъ несомнѣнно отвѣтить: «Идея предсуществованія».

Этой идеей, болѣе чѣмъ всякой другой, проникнута вся духовная жизнь далекаго Востока. Она вездѣсуща какъ воздухъ, ею окрашены всѣ движения души, прямо или косвенно она вліяетъ почти на каждый поступокъ. Ея символы возстаютъ предъ нами на каждомъ шагу, даже въ деталяхъ художественно-декоративнаго искусства; и постоянно, ночью и днемъ, ея отголоски случайно касаются нашего слуха. Она одухотворяетъ народную рѣчь, поговорки, сохранившіяся по традиціи въ семьяхъ, пословицы, благочестивые и свѣтскіе возгласы, выраженія горя или радости, надежды или отчаянія. Она одинаково окрашиваетъ слова любви или ненависти, слова утѣшенія или упрека. Каждому невольно напрашивается на уста слово «*Ingwa*» или «*Innen*», т.-е. карма, неизбѣжное воздаяніе.

Крестьянинъ, взбираясь съ ручной повозкой на крутую гору и ощущая во всѣхъ мышцахъ непосильное напряженіе, покорно бормочетъ:

«Надо терпѣть, — это *Ingwa*».

Слуги, бранясь, спрашиваютъ другъ друга:

□ «За какое Ingwa я осужденъ жить съ такимъ человѣкомъ, какъ ты?»

Людская глупость и порочность, страданіе мудреца или праведника, — все объясняется тѣмъ же буддійскимъ выраженіемъ.

Преступникъ, сознаваясь въ своемъ преступлениі, говоритъ:

«Я зналъ, что поступаю дурно, но Ingwa было сильнѣе моего сердца».

Несчастные любовники кончаютъ самоубійствомъ, непоколебимо увѣренны, что ихъ соединенію препятствуютъ грѣхи, совершенные въ предыдущихъ существованіяхъ. Жертва несправедливости старается заглушить свое естественное возмущеніе, увѣряя себя, что страданіе есть слѣдствіе далекаго забытаго проступка, за которое вѣчные законы требуютъ искупленія.

Вѣра въ возобновленіе и продолженіе духовной жизни обусловливаетъ и всеобщую вѣру въ прошлую жизнь духа. Мать предостерегаетъ играющихъ дѣтей, что ихъ дурные поступки могутъ имѣть роковое значеніе, когда они снова родятся дѣтьми другихъ родителей. Странникъ, уличный нищій, принимая милостыню, благодарность высказываетъ пожеланіе:

«Да будетъ счастливо твое будущее воплощеніе». □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Дряхлый инкю, слѣпой и глухой, радостно говорить о предстоящемъ возрожденіи, о новомъ молодомъ тѣлѣ. И слово — «Yakusoku» — необходимость, «тае по уо» — послѣднее существованіе, «akirame» — смиреніе, встречаются въ обыденной жизни Японіи, какъ въ обиходной рѣчи Запада слова «добро» и «зло».

Проживъ долгое время въ этой атмосфѣрѣ, замѣчаешь, что она проникаетъ собственное мышленіе, производя въ немъ переворотъ.

Какъ бы близко ни было намъ въ теоріи міросозерцаніе, основанное на идеѣ предсуществованія, оно вначалѣ всегда будетъ казаться непримѣнимымъ къ практической жизни. Но стоитъ освоиться съ нимъ, и оно перестанетъ казаться чуждымъ и фантастическимъ, а становится совершенно естественнымъ, близкимъ, приемлемымъ и примѣнимымъ. Многія явленія начинаютъ казаться намъ рациональными, а нѣкоторыя изъ нихъ и дѣйствительно рациональны съ точки зрењня науки девятнадцатаго столѣтія.

Но чтобы безпристрастно судить о данной идеѣ, надо совершенно забыть западное пониманіе переселенія душъ. Вѣдь между прежнимъ западнымъ представлениемъ о душѣ, заимствованнымъ напр. у Пиѳагора или Платона, и буддійскимъ ея пониманиемъ нѣтъ ничего общаго. И именно поэтому японскія рѣли-

гіозныя формы такъ разумны. Коренное различіе между традиціоннымъ западнымъ и японскимъ пониманіемъ заключается въ томъ, что буддизмъ не признаетъ условной «души», этого трепещущаго, прозрачнаго, безтѣлеснаго внутренняго человѣка или духа. Восточное «Ego» не индивидуально: Но оно и не множественность, выраженная численно, какъ душа гностиковъ. Оно есть агрегатъ или сочетаніе неисчислимаго многообразія, сумма творческаго мышленія предыдущихъ безчисленныхъ жизней. □ □ □

Сила буддизма — въ его ясности и удивительномъ соотвѣтствіи его теорій съ данными современной науки; она сказывается главнымъ образомъ въ той области психологіи, величайшимъ изслѣдователемъ которой былъ Герберть Спенсеръ.

Западная теологія многихъ явлений въ нашей психической жизни объяснить не сумѣла. Непонятны ей напр. побужденія, заставляющія безсловеснаго еще младенца плакать при видѣ однихъ лицъ, улыбаться при видѣ другихъ. Къ этой же категоріи явлений принадлежать и внезапная симпатія или антипатія при первой встречѣ, притяженіе или отталкиваніе, называемое «первымъ впечатлѣніемъ», которое такъ

откровенно выражаютъ развитыя чуткія дѣти, несмотря на педагогическое внушеніе не судить людей съ первого взгляда, — теоріи, которой въ глубинѣ души ни одинъ ребенокъ не вѣрить.

Инстинктомъ или интуїціей въ теологическомъ смыслѣ слова этого явленія не объяснишь; это лишь отклоненіе вопроса и отнесеніе его въ область жизненныхъ тайнъ, наравнѣ съ гипотезой о сотвореніи міра. Традиціонный религіозный догматъ считаетъ все еще чудо-вищной ересью тотъ взглядъ, что импульсъ, внезапное побужденіе и чувство отдѣльного человѣка можетъ быть сверхъиндивидуальнымъ. Онъ допускаетъ въ такихъ случаяхъ развѣ одержимость бѣсовскую.

А между тѣмъ теперь доказано, что движенія нашихъ душевныхъ глубинъ сверхъиндивидуальны,— какъ страстныя, такъ и возвышенныя. Наука совершенно отрицаетъ *индивидуальность* любовной страсти. И то, что можно сказать о «любви съ первого взгляда», относится и къ ненависти: и то и другое сверхъиндивидуально. То же самое можно сказать о неясномъ стремлениі вдалъ, которое приходитъ и уходитъ весною, о туманной осенней тоскѣ. Быть-можетъ эти неясныя ощущенія — пережитокъ далекой эпохи, когда людямъ приходилось кочевать изъ страны въ страну въ зависимости отъ времени года; а можетъ-быть источникъ

ихъ кроется еще дальше, въ глубокой тьмѣ временъ, до появленія на землѣ человѣка.

Сверхъиндивидуальны также ощущенія человѣка, всю жизнь прожившаго въ степяхъ и долинахъ и внезапно увидавшаго горную цѣпь съ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, или того, кто впервые увидѣлъ океанъ и услышалъ его вѣчный рокотъ. Жуткій восторгъ при видѣ грандіозной природы, безмолвное восхищеніе, окутанное неизѣяснимой меланхоліей, вызываемое величиемъ тропического заката,— всего этого нельзя объяснить однимъ только личнымъ опытомъ. Пусть психологійский анализъ доказываетъ, что эти ощущенія удивительно сложны и переплетены съ множествомъ личныхъ воспоминаній: всколыхнувшаяся изъ иѣдръ души волна ощущеній не можетъ быть индивидуальна; она всплываетъ изъ вѣчнаго, изначального моря жизни, изъ котораго мы всеъ происходимъ.

Можетъ-быть къ этой же категоріи психологическихъ явлений относится загадочное ощущеніе, волновавшее человѣческій духъ еще задолго до Цицерона и заставляющее его въ наше время задумываться еще глубже: будто мѣстность, которую мы видимъ впервые, намъ давно уже знакома. Эти непонятно знакомыя слова, которые говорять намъ иногда улицы чужого города или очертанія незнакомаго пей-

зажа, заставляютъ сердце содрогаться мистическимъ трепетомъ, который мы тщетно стараемся объяснить. Правда, иногда въ такихъ случаяхъ въ нашей памяти могли воскреснуть или вновь сочетаться давнія, забытыя впечатлѣнія; но въ большинствѣ случаевъ эти явленія для насъ остаются тайнами, пока мы стараемся ихъ объяснить однимъ только индивидуальнымъ опытомъ.

Даже наши повседневныя ощущенія полны загадокъ; и никогда не разгадать ихъ тому, кто придерживается нелѣпаго догмата, что всѣ ощущенія и всѣ познанія основаны только на личномъ опыте, и что душа новорожденнаго ребенка — *«tabula rasa»*.

Удовольствіе, вызываемое ароматомъ цвѣтка, известными сочетаніями цвѣтовъ или звуковъ; невольное отвращеніе и страхъ при видѣ опасныхъ или ядовитыхъ животныхъ; даже невыразимый ужасъ нѣкоторыхъ сновидѣній,—все это необъяснимо прежней гипотезой о душѣ. Насколько глубоко въ жизни расы слѣдуетъ искать источника ощущеній, подобныхъ удовольствію, вызываемому запахомъ или окраской, въ высшей степени основательно изложилъ Грэнтъ Алленъ въ своей *«Физіологической эстетикѣ»* и въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи значенія красокъ. Но задолго до появленія этой книги учитель Грэнтъ Аллена, величай-

шій психологъ, уже доказалъ, что гипотеза опыта совершенно не объясняетъ многихъ категорій психологическихъ явлений.

«Эта гипотеза», говорить Гербертъ Спенсеръ, «если возможно, еще менѣе говорить чувству, чѣмъ познанію. Ученіе о томъ, что всѣ желанія, всѣ чувства вытекаютъ изъ индивидуального опыта, такъ ярко противорѣчить фактамъ, что я положительно не понимаю, какъ можно это утверждать.»

Кромѣ того, Спенсеръ показалъ намъ, что прежнее толкованіе словъ «инстинктъ», «интуиція» неправильно. Впредь надо придавать имъ совершенно иное значеніе. На языкѣ современной психологіи «инстинктъ» значитъ «память, ставшая органической»; а «память»— «возникающій инстинктъ», т.-е. сумма впечатлѣній, существующая перейти по наслѣдству на слѣдующій индивидуумъ. Наука признаетъ унаслѣдованную память, не какъ метафизическое воспоминаніе подробностей изъ жизни предковъ, а какъ маленький придатокъ къ психикѣ, сопровождаемый чуть замѣтными измѣненіями въ строеніи унаслѣдованной нервной системы.

Безконечное число воспріятій запечатлѣлось въ человѣческомъ мозгу въ извѣстномъ порядкѣ въ теченіе эволюціи жизни или, вѣрнѣе, эволюціи цѣлаго ряда организмовъ, изъ которыхъ

развился человѣческій организмъ. Однородные и частые опыты суммировались, нарастали, какъ проценты на капиталъ, и постепенно передавались по наслѣдству, пока, наконецъ, не доросли до высоты человѣческаго интеллекта, скрыто дремлющаго уже въ мозгу новорожденнаго ребенка. По мѣрѣ роста и развитія младенца, его интеллектъ осуществляется, становится сильнѣе, сложнѣе и съ маленькими придатками передается слѣдующему поколѣнію. Такимъ образомъ у насъ образуется прочная психологическая основа для идеи предсуществованія и идеи множественнаго «Ego». Несомнѣнно, что въ мозгу каждого индивидуума запечатлѣлись воспоминанія, наслѣдіе неисчислимыхъ опытовъ, воспринятыхъ мозгомъ прежнихъ поколѣній.

Но научное убѣжденіе, что наша «самость» существовала въ прошломъ, не слѣдуетъ понимать въ материалистическомъ смыслѣ. Наоборотъ, наука разрушаетъ материализмъ: она доказала, что матерія необъяснима, она допускаетъ, что тайны духа неразрѣшимы, хотя все же предполагаетъ этому одинъ общий источникъ ощущеній. Изъ единообразія первобытныхъ ощущеній, которыхъ старше насъ на миллионы лѣтъ, несомнѣнно выросли сложныя чувства и способности всего человѣчества. Тутъ наука согласно съ буддизмомъ признаетъ

«Ego» агрегатомъ прежнихъ существованій и объясняетъ, какъ и буддизмъ, психическая загадка настоящаго психическимъ опытомъ прошлаго. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Многіе думаютъ, что представлениe о душѣ, какъ о бесконечной множественности, исключаетъ религіозную идею въ западномъ смыслѣ слова; есть несомнѣнно и такие, которые, не будучи въ состояніи сбросить устарѣвшіе богословскіе предразсудки, думаютъ, несмотря на свидѣтельство буддійскихъ текстовъ, что и въ буддійскихъ странахъ вѣра широкихъ народныхъ слоевъ основана на идеѣ души, какъ единаго цѣлага.

Но Японія свидѣтельствуетъ о противномъ. Низшіе слои общества, бѣднѣйшая часть населения, никогда не занимавшаяся буддійской метафизикой, все же вѣритъ въ многоликое «я». Но еще убѣдительнѣе то, что мы находимъ похожій догматъ въ первобытной религії, въ шинтоизмѣ; эта же вѣра, въ различныхъ формахъ, окрашиваетъ мышленіе китайцевъ и корейцевъ. Минь кажется, что всѣ народы дальн资料 Востока принимаютъ идею о множественности души, будь то въ буддійскомъ смыслѣ, въ примитивномъ, шинтоистскомъ зна-

ченій—какъ безконечное расчлененіе духа—или въ фантастическомъ, созданномъ китайской астрологіей, образѣ. У меня непоколебимое убѣжденіе, что во всей Японіи распространена эта вѣра. Приводить буддійские тексты нѣтъ смысла: вѣдь не философія религіи, а лишь народная вѣра можетъ служить доказательствомъ, что понятіе о составной душѣ совмѣстима съ религіознымъ чувствомъ. Въ представлениіи японскаго крестьянина психическая самость конечно не столь сложна, какъ въ мышленіи буддійского философа или по даннымъ западной науки. Но и японскій крестьянинъ думаетъ о себѣ, какъ о множественности. Внутреннюю борьбу между хорошими и дурными побужденіями онъ приписываетъ волѣ различныхъ духовъ, составляющихъ его Ego; его высшая надежда, —освободить свою лучшую душу,—или свои лучшія души,—отъ власти злыхъ душъ, ибо Нирвана, высшее блаженство, достигается лишь побѣдой лучшаго, что есть въ человѣкѣ. Итакъ, очевидно, его религія основана на естественномъ познаніи психологической эволюціи, которое отъ научнаго мышленія не дальше, чѣмъ то условное пониманіе души, которое исповѣдуется наше некультурное населеніе. Его представлениe объ этихъ отвлеченныхъ вопросахъ конечно неясно, въ немъ нѣтъ системы, но общій характеръ и направле-

ние его несомнѣнны; и нельзя усомниться въ глубинѣ его вѣры и вліяніи этой вѣры на его этику.

Тамъ, гдѣ въ культурномъ кругу еще сохранилась вѣра, мы находимъ тѣ же идеи, только углубленныя и оформленныя. Какъ примѣръ, приведу двѣ выдержки изъ сочиненій студентовъ въ возрастѣ отъ 23-хъ до 26-ти лѣтъ. Я могъ бы ихъ привести двадцать, но и этихъ довольно, чтобы иллюстрировать мои слова.

«Нѣть ничего безумнѣе того утвержденія, что душа бессмертна. Душа есть сумма, и хотя ея составныя части вѣчны, но мы знаемъ, что онѣ не могутъ сочетаться два раза въ томъ же порядкѣ. Всѣ сочетанія должны измѣняться».

«Человѣческая жизнь сложна. Душа есть извѣстная комбинація энергій. Послѣ смерти душа или остается неизмѣнной, или же измѣняется, смотря по тому, какіе новые элементы войдутъ въ составъ ея. Одни философы утверждаютъ, что душа бессмертна, другіе—что она смертна; правы и тѣ и другіе. Душа будетъ смертна или бессмертна въ зависимости отъ ея сочетаній. Элементарные энергіи души вѣчны и неизмѣнны; но энергіи эти сочетаются разно, что обусловливаетъ характеръ души».

Мысли, высказанныя въ этихъ сочиненіяхъ, на первый взглядъ покажутся западному чита-

тело антирелигиозными; на самомъ же дѣлѣ въ нихъ скрыто глубочайшее, искреннѣйшее религиозное чувство. Недоразумѣніе вызываетъ слово «душа», имѣющее въ буддизмѣ иное значеніе, чѣмъ у насъ. Слово «душа», въ пониманіи этихъ юныхъ студентовъ, есть безконечный рядъ комбинацій дурныхъ и хорошихъ побужденій, множественность, по законамъ необходимости осужденная на распаденіе, не только вслѣдствіе своей сложной природы, но и въ силу вѣчного закона духовнаго прогресса.

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Что идея, бывшая въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій такимъ значительнымъ факторомъ духовной жизни Востока, на Западѣ развилась лишь въ наши дни, объясняется вліяніемъ западнаго богословія. Но богословію не удалось внушить западному духу антипатіи къ идеѣ о предсуществованіи. Христіанское ученіе, провозглашающее каждую душу чѣмъ-то вновь созданнымъ изъ «Ничто» и входящимъ въ каждое новорожденное тѣло, открыто не допускало вѣры въ предсуществованіе, но здравый смыслъ народа понималъ, что этому запрету противорѣчать данныя наслѣдственности. Народъ открывалъ умственные способности и въ живот-

ныхъ, которыхъ богословие считало простыми автоматами, движимыми какимъ-то непонятнымъ механизмомъ,—инстинктомъ. Теоріи инстинкта и интуїції, общепризнанныя еще прошлымъ поколѣніемъ, нынѣ кажутся намъ отжившими. Всѣ признавали непригодность этихъ теорій; но за нихъ твердо держались, какъ за догматъ, тормозящій науку и ограждающій отъ ереси.

«Fidelity» и «Intimations of Immortality» Вордсвортъ, пользовавшіеся непонятнымъ и незаслуженнымъ успѣхомъ, доказываютъ, какъ робко и незрѣло было западное пониманіе этихъ вопросовъ еще въ началѣ прошлаго вѣка. Любовь собаки къ своему хозяину дѣйствительно «превышаетъ человѣческое пониманіе», но по причинамъ, о которыхъ автору и не снилось. И хотя въ непосредственныхъ дѣтскихъ чувствахъ кроются конечно гораздо болѣе чудесныя откровенія, чѣмъ въ Вордсвортовскихъ определеніяхъ идеи бессмертія, но Джонъ Морлей совершенно справедливо назвалъ безмыслицей стансы Вордсвортъ на эту тему.

Чтобы довести до общаго сознанія рациональную идею о психической наслѣдственности, о сущности инстинкта, о единстве жизни, надо было поколебать положеніе богословія.

Но какъ только была принята теорія эволюціи, рухнули ветхія формы мышленія. Всюду

зародились новые идеи, вытесняя старые отжившие догматы. И теперь предъ нашими глазами развертывается общее интеллектуальное движение, до странности сродное восточной философии.

Поразительная быстрота и разносторонность научного прогресса за последние пятьдесят летъ должны были вызвать непредвиденное умственное броженіе даже въ сферахъ научно необразованныхъ. Въ современномъ философскомъ учениі стало уже общимъ мѣстомъ, что высшіе и сложнѣйшіе организмы развились изъ низшихъ, простѣйшихъ; что субстанція всего живого міра имѣетъ одну физическую основу; что нѣть демаркаціонной линіи между міромъ животнымъ и міромъ растительнымъ; что нѣть разницы по существу между живой и мертввой природой, а только разница въ степени; что матерія столь же непостижима, какъ духъ, ибо и то и другое лишь разновидныя измѣнчивыя проявленія одной и той же реальности.

Послѣ учениія о физической эволюції, кото-
раго даже богословіе не могло отрицать, не-
трудно было предсказать, что близко познаніе
психической эволюції; ибо рухнула ветхая
грань, стѣна старыхъ догматовъ, не дававшая
людямъ оглянуться назадъ. Кто занимается
изученіемъ научной психологіи, для того идея
предсуществованія изъ теоріи уже превратилась

въ дѣйствительность; и оказалось, что буддійское объясненіе міровой тайны не менѣе понятно, чѣмъ всякое другое.

Професоръ Гёксли пишеть:

«Только очень опрометчивые мыслители не примутъ этого ученія въ силу его кажущейся безсмысленности. Корни ученія о переселеніи душъ, какъ и ученія объ эволюціи, кроются въ реальномъ мірѣ и основаны на аргументахъ аналогій».

Это очень вѣская основа. Она оставляетъ сущность идеи предсуществованія почти въ той же формѣ, которую нѣкогда возвѣстилъ Будда; но въ ней нѣть и тѣни индивидуальной души; и мы не постигаемъ, какимъ образомъ душа проносится изъ тьмы къ свѣту, отъ смерти къ возрожденію черезъ міриады миллионовъ лѣтъ.

По восточному ученію, психическая личность, какъ и индивидуальное тѣло, нѣчто составное, необходимо подверженное распаденію. Подъ психической личностью я подразумѣваю то, что отличаетъ одно духовное цѣлое отъ другого, одно «я» отъ другого. То, что мы называемъ самостью для буддизма временное сочетаніе иллюзій. Карма обусловливаетъ это сочетаніе; Карма перевоплощается; Карма—сумма поступковъ и мыслей безчисленныхъ предсуществованій. Каждое предсуществованіе, какъ синтезъ, можетъ вліять на всѣ остальные существованія

въ общемъ духовномъ мірѣ путемъ сложенія и
вычитанія.

Карма, какъ магнитная сила, переходитъ изъ
одной формы въ другую, превращается изъ
одного явленія въ другое, обусловливая данной
комбинаціей новую форму, новыя свойства.

Согласно буддизму, послѣдняя тайна концен-
трирующаго и творящаго дѣйствія Кармы не-
постижима; но связь воздѣйствій буддизмъ
приписываетъ «Tanha», стремлению къ жизни,
тому, что Шопенгауеръ называлъ волею въ жизни.

Въ біологии Спенсера мы находимъ удиви-
тельную аналогію этой идеї. Спенсеръ объясня-
етъ передачу свойства и ихъ разновидностей
теоріей полярностей, полярностей фізіологиче-
скаго единства. Между этой теоріей и буддій-
скимъ «Tanha» гораздо болѣе сходства, чѣмъ
разницы. Карма и наследственность, «Tanha» и
полярность необъяснимы въ своихъ конечныхъ
причинахъ. Въ этомъ согласны и буддизмъ,
и наука, признающіе тотъ же феноменъ, только
подъ разными именами. □ □ □ □ □ □ □

Чрезвычайная сложность методовъ, съ по-
мощью которыхъ наука дѣлаетъ свои выводы,
такъ удивительно совпадающіе съ древними
представленіями далекаго Востока, можетъ воз-
147

будить въ насъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Западъ когда-либо вполнѣ освоился съ этими выводами.

Настоящее ученіе Будды воспринимается большинствомъ вѣрующихъ лишь посредствомъ виѣшнихъ формъ; можно думать, что и плоды философскихъ исканій широкими массами воспримутся лишь путемъ внушенія фактовъ или вѣриѣ, путемъ сопоставленія общедоступныхъ фактовъ.

Исторія научнаго прогресса ручается за дѣйствительность такого метода: если методы высшей науки переходятъ границы умственнаго воспріятія необразованныхъ классовъ, то выводы этой науки все же могутъ всюду проникнуть. Величина и вѣсъ планетъ, разстояніе между звѣздами и ихъ составныя части, значеніе тепла, свѣта, цвѣтовъ, звука и многія другія научныя открытия знакомы множеству людей, не имѣющихъ понятія о путяхъ, которыми достигались эти знанія. Съ другой стороны доказано, что каждый подъемъ научной мысли за послѣднее столѣтіе вызываетъ значительныя измѣненія въ народной вѣрѣ. Даже церкви, все еще придерживающіяся идеи созданія каждой индивидуальной души, уже приняли главное ученіе о физической эволюціи; и въ ближайшемъ будущемъ нечего опасаться ни религіозной косности, ни умственнаго движенія всپять. Предстоитъ дальнѣйшія измѣ-

ненія въ религіозныхъ идеяхъ, и можно ждать, что это движение пойдетъ быстро впередъ. Каково будетъ это движение, конечно трудно предвидѣть, но, судя по современнымъ умственнымъ тенденціямъ, мы вправѣ ждать, что учение о психической эволюціи, если и не сразу, все же будетъ принято всѣми и всюду; такимъ образомъ нѣть преградъ онтологическимъ спекуляціямъ, и, быть-можетъ, послѣдовательное проведение идеи предсуществованія вполнѣ преобразуетъ пониманіе Ego.

□ □ □ □ □ □

Можно рискнуть болѣе основательное разсмотрѣніе этихъ возможностей. Ихъ не признаютъ, быть-можетъ, лишь тѣ, которые въ наукѣ видятъ не преобразовательницу, а разрушительницу. Но такие мыслители забываютъ, что религіозное чувство неизмѣримо глубже догмата; оно переживаетъ всѣхъ боговъ и всѣ формы вѣры; интеллектуальный расцвѣтъ дѣлаетъ его еще глубже, проникновеннѣй, прочнѣй. Что религія, какъ доктрина, въ концѣ концовъ исчезнетъ, къ этому заключенію нась приводитъ изученіе эволюціи. Но мы себѣ теперь представить не можемъ, чтобы религія, какъ внутреннее чувство, даже какъ вѣра въ таинственную силу, создающую и мозгъ и со-

звѣздія, могла когда - либо совсѣмъ умереть. Наука борется только противъ ложнаго объясненія явленій, она прославляетъ только космическую тайну и доказываетъ, что все, даже самое малое, безконечно чудесно и непостижимо.

Несомнѣнное стремленіе науки углубить и расширить вѣру и повысить космическое чувство, даетъ намъ право предполагать, что будущія формы западныхъ религіозныхъ идей далеко уйдутъ ото всѣхъ разновидностей прошлаго; западное воспріятіе самости выльется въ нечто сродное восточному воспріятію и исчезнуть всѣ мелкія метафизическія представленія о «личности» и «индивидуальности», какъ самодовлѣющей реальности.

Уже всюду начинаетъ все больше проникать научное пониманіе фактovъ наслѣдственности; это указываетъ путь, по которому совершаются хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ превращеній. Въ будущей борбѣ за разрѣшеніе великихъ вопросовъ эволюціи народный умъ послѣдуетъ за наукой по линіи наименьшаго сопротивленія; этой линіей, несомнѣнно, будетъ изученіе теоріи наслѣдственности, потому что подлежащія изученію явленія, хотя сами по себѣ необъяснимыя, все же эмпириически знакомы всѣмъ и решаютъ хотя бы отчасти безчисленныя старыя загадки. Можно пре-

красно представить себѣ будущую западную религіозную форму, поддерживаемую всей мощью синтетической філософії; эта религіозная форма отличится отъ буддизма главнымъ образомъ лишь большей точностью своихъ концепцій, приметъ душу, какъ иѣкую совокупность и создастъ новый спиритуалистический законъ, сродный ученію о Кармѣ.

У многихъ противъ этой идеи тотчасъ же будетъ готово возраженіе: скажутъ, что такое видоизмѣненіе вѣры ничто иное какъ внезапное подчиненіе и трансформація чувствъ въ идеи.

«Міръ», говорить Гербертъ Спенсеръ, «управляется не идеями, а чувствами, которые лишь руководятся идеями».

Какъ примирить понятіе предполагаемаго измѣненія со всеобщимъ знаніемъ о существованіи религіознаго чувства на Западѣ и съ силою религіознаго эмоціонализма?

Если бы идея предсуществованія и представленія о душѣ какъ о множественности, были бы дѣйствительно противны религіозному чувству Запада, то на этотъ вопросъ нельзя было бы дать удовлетворительного отвѣта. Но развѣ эти два воззрѣнія ужъ такъ противорѣчивы?

Идея предсуществованія навѣрное не противорѣчитъ западному религіозному чувству; западный умъ уже къ ней подготовленъ. Понятіе

о душѣ, какъ о сложности, которой предстоитъ разложеніе на составныя части, можетъ, правда, казаться не многимъ лучше материалистической идеи уничтоженія, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто не въ состояніи отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ мышленія. Но если смотрѣть на этотъ вопросъ безъ предвзятыхъ мыслей, то окажется, что чувство не противится идеѣ распаденія Ego.

Безсознательно и христіане и буддисты молятся именно объ этомъ распаденіи. Кого временами не охватывало желаніе очистить свою природу отъ дурныхъ элементовъ, побороть въ себѣ наклонности къ легкомыслію, къ несправедливости, къ недоброму вообще, вырвать съ корнемъ низменное наслѣдіе, еще присущее высшему человѣку и сковывающее его стремленіе къ идеалу? И это пламенное желаніе отлучить, уничтожить, умертвить, есть такая же часть психического наслѣдія, такая же часть нашего истиннаго «я», какъ и позднѣйшія, болѣе широкія способности, помогающія осуществленію нашихъ высшихъ идеаловъ.

Распаденіе самости не должно страшить, оно должно быть высшей цѣлью нашихъ стремленій. Никакая новая философія не можетъ отнять нашей надежды на то, что лучшіе элементы нашего «я», возносясь, будутъ искать все болѣе возвышенного средства, все высшихъ

и высшихъ сочетаній, до высочайшаго откровенія, когда мы безконечнымъ провидѣніемъ, погашеніемъ своего «я» узримъ абсолютную реальность.

Мы знаемъ, что даже такъ-называемыя первоначальные субстанціи развиваются, и у насъ нѣтъ доказательства, чтобы что-либо могло совершенно исчезнуть. Мы существуемъ; это доказательство того, что мы и были, и будемъ. Мы пережили безчисленныя эволюціи, безчисленные міры. Мы знаемъ, что въ космосѣ все—законъ. Не случайность опредѣляетъ сочетаніе, создающее планетную систему, не случайны переживанія солнца; не случайно то, что скрыто въ гранитѣ и базальтѣ, не случайно размноженіе въ растительномъ и животномъ царствѣ. Насколько разумомъ можно выводить заключенія изъ аналогій, мы видимъ, что космическая исторія каждого окончательнаго психического и физического соединенія опредѣлена, совершенно такъ же точно и вѣрно, какъ въ буддійскомъ ученіи о Кармѣ. □ □ □ □ □

Для пересозданія западныхъ религіозныхъ формъ, наука будетъ не единственнымъ факторомъ; будетъ имъ въ дальнѣйшемъ навѣрное и восточная философія. Изученіе санскрит-

скаго языка, пали и китайскаго языка, равно какъ и неустанныя изысканія филологовъ во всѣхъ областяхъ Востока, быстро знакомятъ Европу и Америку съ грандіозными формами восточной интеллектуальной жизни. Буддизмъ всюду на Западѣ изучается съ интересомъ, и результаты этихъ изученій съ каждымъ годомъ яснѣе выступаютъ въ духовномъ творчествѣ высшей культуры. Философскія школы не менѣе современной литературы подъ вліяніемъ буддизма. Пересмотръ проблемы Ego навязывается западному уму во всѣхъ областяхъ; это мы видимъ не только въ богатыхъ мыслями твореніяхъ современной прозы, но и въ поэзіи. Идеи, невозможныя еще въ прошломъ поколѣній, теперь разрушаютъ ходячія понятія, мѣняютъ старыя направленія и развивають высшія чувства.

Творческое вдохновленное искусство, литература, воспріявшая идею предсуществованія, повѣдало намъ новыя избранныя чувства, досель невѣдомый паѳосъ, изумительное углубленіе эмоциональной силы. Даже беллетристика говоритъ намъ, что мы до сихъ поръ жили какъ бы на одномъ полушаріи, что наши мысли были половинчатыя, что намъ нужна новая вѣра, чтобы связать прошедшее съ будущимъ черезъ великую параллель настоящаго и округлить нашъ эмоциональный міръ въ совершенную сферу. □

□ Увѣренность въ томъ, что самость сложна, ведеть къ другой увѣренности, еще болѣе твердой, что многое—едино, что жизнь—единство, что нѣть конечнаго, а есть лишь безконечное. Это можетъ показаться парадоксальнымъ.

Пока мы, ослѣпленные гордыней, будемъ мнить, что самость единична, пока не разрушимъ вполнѣ чувства самости и индивидуализма, мы не познаемъ Ego, какъ нѣчто безконечное, какъ истинный космосъ. Простое чувство подсказываетъ намъ, что мы въ прошломъ уже существовали; это убѣженіе вкоренится въ насъ гораздо раньше интеллектуального убѣженія, что Ego какъ единство, лишь эгоистической самообмань.

Но составная природа самости, наконецъ, должна признаться, хотя тайна ея останется неразгаданной. Наука гипотетически постулируетъ какъ физиологическое, такъ и психологическое единство; но оба постулируемыхъ единства не поддаются математическому измѣренію и повидимому распадаются въ чистыя схемы.

Химикъ для цѣлей своихъ изысканій долженъ принять атомъ, какъ послѣднее. Но дѣятельность, символомъ которой является принятый атомъ, быть-можетъ, есть только центръ силы, быть можетъ, даже пустота, вихрь, какъ говоритъ буддизмъ.

«Форма есть пустота и пустота есть форма. То, что есть форма, есть пустота; а что пустота,

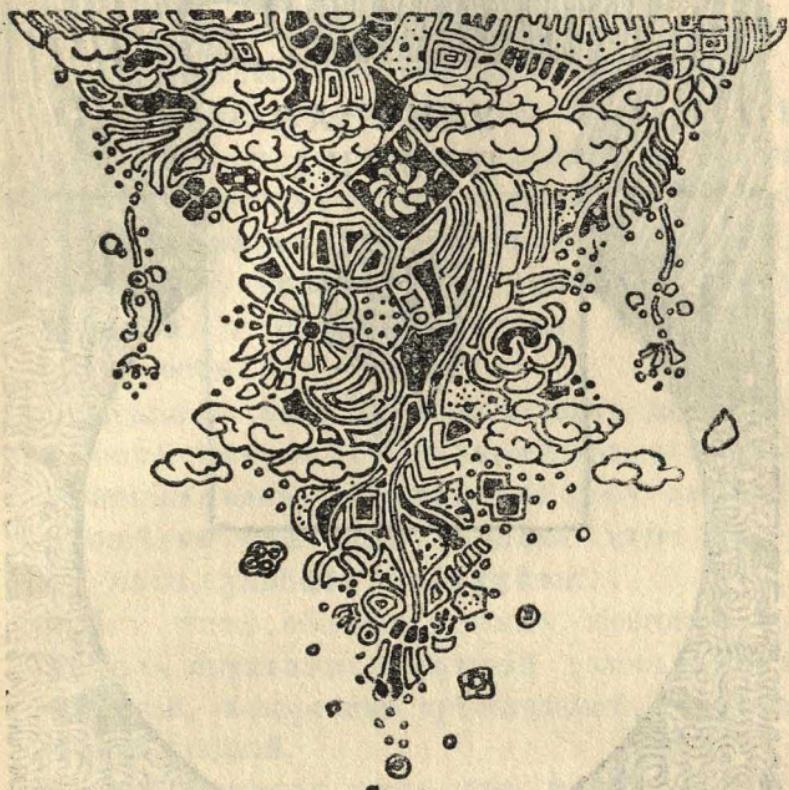
то форма. Перцепціи и концепціи, название и знаніе—все пустота».

Какъ для науки, такъ и для буддизма космосъ разрѣшается въ необъятную фантасмагорію, игру невѣдомыхъ и неизмѣримыхъ силъ. Но буддизмъ отвѣчаетъ на вопросъ «откуда?» и «куда?» по-своему, и предсказываетъ въ каждомъ большомъ періодѣ эволюціи время духовнаго расцвѣта, когда воспоминаніе о прежнихъ жизняхъ возвращается и все будущее какъ-будто разоблачается, открывается ясновидящему оку—до глубины небесъ.

Наука же тутъ безмолвствуетъ, но ея молчаніе—молчаніе гностиковъ: Сигэ—дочь глубины и матерь духа.

Но и наука, и вѣра пророчеть намъ въ будущемъ чудесныя откровенія. Въ самое послѣднее время развились новыя силы и чувства; музыкальное пониманіе, все растущія способности къ математикѣ. И мы въ правѣ ждать, что въ нашихъ потомкахъ разовьются еще высшія, нынѣ невѣдомыя намъ способности. Мы знаемъ, что известныя духовныя силы, несомнѣнно унаследованныя, развиваются только въ позднемъ возрастѣ; а средній человѣческій возрастъ растетъ. Съ возрастающей долговѣчностью, съ развитиемъ мозга несомнѣнно появятся силы, не менѣе чудесныя, чѣмъ способность помнить свои прежнія существованія. □ □ □ □ □ □

□ Грезъ буддизма почти нельзя превзойти, ибо онъ уже касаются безконечнаго; но кто дерзнетъ сказать, что онъ никогда не осуществляется?!

УЛИЧНАЯ
ПѢВИЦА.

KЪ МОЕМУ дому подошла уличная пѣвица съ самизеномъ; ее вель мальчикъ лѣтъ семи. Она была одѣта въ крестьянскую одежду, голова повязана синимъ платкомъ. Она была некрасива отъ природы и, сверхъ того, жестоко обезображенна оспой.

Не успѣла она появиться, какъ ко мнѣ во дворъ стеклось много народа, главнымъ образомъ молодыя матери и няньки съ маленькими дѣтьми на спинѣ, но пришли и старики, и старухи, прибѣжали и рикши со своихъ стоянокъ у ближайшаго угла; весь дворъ былъ полонъ.

Женщина сѣла на порогѣ моего дома, настроила самизенъ, проиграла нѣсколько тактовъ аккомпанемента, и слушателей сразу охватили волшебныя чары: они глядѣли другъ другу въ глаза, улыбаясь, недоумѣвая...

Изъ устъ, обезображеныхъ жестокой болѣзњю, вырывался чарующій голосъ, юный, глубокій, невыразимо трогательный, задушевный и сладкій.

«Это женщина поетъ или нимфа лѣсная?» спросилъ одинъ изъ слушателей.

Только женщина, но одаренная великимъ талантомъ. Она такъ искусно владѣла своимъ инструментомъ, что затемнила бы самую ученую гейшу; но гдѣ же у гейши найти такой голосъ и пѣсни такія? Она пѣла, какъ поетъ въ полѣ

пахарь, пѣлъ въ ритмахъ, подслушанныхъ, быть-можетъ, у цикады или у соловья; пѣла съ интервалами въ полутона и четверть тона, какихъ никогда не даетъ наша западная музыкальная рѣчь.

Она пѣла, а изъ глазъ слушающихъ катились тихія слезы. Слова были мнѣ непонятны, но, слушая этотъ голосъ, я сталъ понимать и грусть, и нѣжность, и долготерпѣніе японской души; голосъ нѣжно проникалъ въ мое сердце, жалуясь на что-то, чего-то ища, чего, можетъ-быть, и не было въ немъ никогда... Будто незримая ласка трепетно носилась вокругъ; безмолвно воскресали давно забытыя времена и мѣста, сплетаясь съ какимъ-то таинственнымъ чувствомъ, оторваннымъ отъ времени и пространства. Потомъ я увидѣлъ, что пѣвица слѣпа. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Когда пѣніе умолкло, мы позвали женщину въ домъ, чтобы разспросить ее, какова ея жизнь.

Она нѣкогда знала лучшіе дни, и молодой дѣвушкой научилась играть на самизенѣ. Маленький мальчикъ — ея сынъ; мужъ разбитъ параличомъ; оспа разрушила ея глаза. Но

она очень сильна и можетъ пройти много миль. Когда мальчикъ устаетъ, она несетъ его на спинѣ. Она въ состояніи содержать и ребенка и мужа, прикованного къ постели. Вѣдь своимъ пѣнiemъ она всюду и всѣхъ трогаетъ до слезъ; ей за это даютъ мѣдныхъ денегъ и Ѣды. Такова была исторія ея жизни.

Мы дали ей немного денегъ, накормили ее, и она ушла, держась за мальчика.

Я купилъ экземпляръ спѣтой ею баллады; въ ней пѣлось о недавно случившемся двойномъ самоубійствѣ:

«Печально-напѣвная повѣсть о Тамайонэ и Такеиро», сочиненіе Таканака Іонэ, четырнадцатый номеръ четвертаго отдѣленія «Ниппонь-бashi» въ южномъ округѣ города Осака.

Это была ксилографія съ двумя маленькими картинками. На одной были изображены мальчикъ и дѣвочка, погруженные въ неутѣшное горе. На другой, заключительной виньеткѣ, былъ нарисованъ письменный столикъ, угадающая лампа, открытое письмо, чаша съ зажженнымъ куренiemъ и ваза съ шикими, священнымъ растенiemъ, употребляемымъ во время буддійскихъ поминальныхъ жертвоприношеній. Изъ текста, писанаго своеобразнымъ курсивомъ, похожимъ на вертикальное стено-графическое письмо, можно перевести лишь слѣдующія строки:

«Въ извѣстномъ всему міру городѣ Осака жили Тамайонэ и Такеиро, оба изъ секты шиншу.

О, какъ печальна судьба ихъ!

«Тамайонэ была молода и прекрасна.

Такеиро, юный рабочій, ее увидалъ, а увидавъ, полюбилъ. Они поклялись любить другъ друга всю жизнь.

О, горе тому, кто гейшу полюбить!

«Въ знакъ любви они на своихъ рукахъ выжгли дракона; и жизнь имъ казалась прекрасной и свѣтлой. Но онъ былъ бѣденъ; у него не было пятидесяти пяти іень, чтобы выкупить гейшу.

О горе, горе въ сердцѣ Такеиро!

«Если судьба разлучаетъ ихъ въ этой жизни, пусть смерть соединитъ ихъ. Они клянутся отправиться вмѣстѣ въ меидо. Она знаетъ, что подруги принесутъ на ихъ могилу цвѣтовъ и куренья.

О горе, онъ исчезнуть какъ утренняя роса!

«Тамайонэ поднимаетъ бокалъ съ чистой водою, имъ обручаются обреченные на смерть.

О какъ печальна судьба ихъ! Какъ горестна гибель двухъ юныхъ жизней!..»

Заурядная повѣсть, рассказанная обыкновенными словами; но голосъ женщины придавалъ пѣснѣ чарующую силу.

Пѣвица ушла. Но казалось, что ея голосъ еще неумолкнулъ; онъ продолжалъ трепетать въ моемъ сердцѣ, наполняя его грустью и нѣжнымъ, сладостнымъ счастьемъ: необычайное чувство, заставившее меня задуматься надъ тайной этихъ магическихъ звуковъ.

Я думалъ:

Пѣніе, мелодіи, музыка вообще, ничто иное, какъ эволюція непосредственного выраженія нашихъ чувствъ, эволюція первобытнаго языка, выражавшаго въ звукахъ горе, радость и страсть. Этотъ языкъ звуковыхъ сочетаній такъ же подверженъ измѣненію, какъ всякий другой. Поэтому мелодіи, глубоко трогающія настѣ, для японскаго слуха не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; они не будятъ душевныхъ струнъ того народа, чья психика отъ нашей такъ далека, какъ голубой цвѣтъ отъ желтаго...

Но отчего же меня, чужестранца, такъ сильно волнуетъ восточная пѣснь, спѣтая слѣпой женщиной изъ народа, — пѣснь, которой я даже научиться не могъ бы?!

Вѣроятно, въ голосѣ пѣвицы звучало нечто, стоящее выше и виѣ опыта отдѣльной націи, причастное къ чему-то безконечному, какъ сама жизнь, и вѣчному, какъ познаніе добра и зла.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, однажды въ лѣтній вечеръ въ лондонскомъ паркѣ я услышалъ дѣвичій голосъ; онъ произнесъ, обращаясь къ кому-то:

«Спокойной ночи!»

Только два маленькихъ слова:

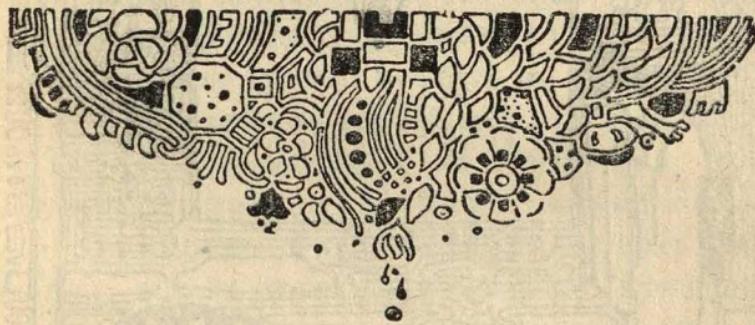
«Спокойной ночи!»

Я не зналъ, кто она; я не видѣлъ лица говорившей и никогда не слышалъ больше этого голоса.

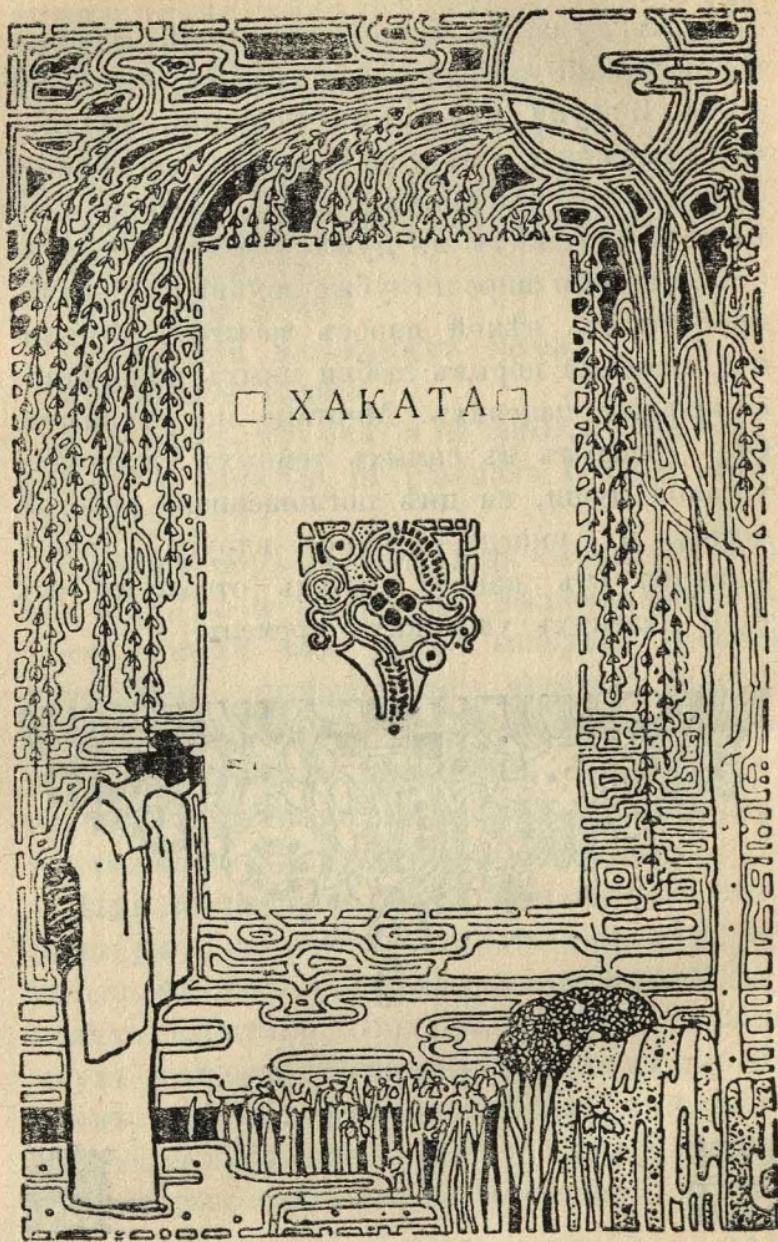
Съ тѣхъ поръ времена года смѣнились уже сто разъ, но и теперь при воспоминаніи объ этомъ голосѣ мою душу волнуетъ трепетъ непонятнаго, двойственнаго чувства: радость и горе, горе и радость — онъ принадлежать не мнѣ, не моей единичной, вспыхнувшей на мгновеніе жизни, онъ причастны предсуществованіямъ и угасшимъ свѣтиламъ...

Вѣдь очарованіе голоса, слышаннаго нами лишь разъ, не можетъ быть отъ міра сего. Это только отголосокъ безчисленныхъ жизней, далекихъ, забытыхъ. Никогда, конечно, не было двухъ голосовъ, совершенно похожихъ. Но языкъ любви всегда одинаковъ, одинакова нѣжность любовнаго слова въ мириадахъ миллионовъ голосовъ всего человѣчества.

Въ силу унаслѣдованной привычки, даже новорожденный ребенокъ понимаетъ ласковый звукъ. И звуки симпатіи, состраданія, печали—мы ихъ знаемъ, мы унаслѣдовали это знаніе. Такъ голосъ слѣпой женщины на далекомъ Востокѣ затрагиваетъ въ душѣ чужестранца чувства, которыя шире и глубже индивидуальныхъ, пробуждаетъ нѣмой паѳосъ забытыхъ страданій, неясный порывъ любви иныхъ поколѣній, безконечно далекихъ. Мертвые не умираютъ. Они дремлютъ въ самыхъ темныхъ глубинахъ усталой души, на днѣ поглощенаго работою мозга, и иногда,—рѣдко,—вдругъ пробуждаются отъ какого нибудь отголоска изъ тьмы далекихъ ушедшихъ временъ.

□ XAKATA □

KОГДА путешествуешь въ курумѣ, можно только созерцать и мечтать. Читать трудно вслѣдствіе тряски, а грохотъ колесъ и шумъ вѣтра дѣлаютъ разговоръ невозможнымъ, даже если-бы дорога была достаточно широка для двухъ экипажей.

Разъ вы ознакомились съ характерными особенностями японскихъ пейзажей, они перестаютъ производить на васъ впечатлѣніе. Безконечно однообразно вѣется дорога мимо рисовыхъ полей, огородовъ, маленькихъ деревушекъ съ крытыми рогожей домиками, вдоль нескончаемой цѣпи зеленыхъ и синихъ холмовъ. Иногда внезапно васъ поразить красочное пятно равнины, покрытой цвѣтущей, будто горящей желтымъ пламенемъ, рѣвой, или долина съ ярко лиловыми цвѣтами. Но это лишь мимолетный даръ скоротечного времени года. А обыкновенно наше чувство молчать въ отвѣтъ на безконечное зеленое однообразіе. Обвѣянный вѣтромъ, погружаешься въ дремотныя грезы, пока не разбудить особенно сильный толчокъ.

Въ такомъ созерцательно-дремотномъ состояніи я и въ этомъ году совершаю путешествіе въ Хаката. Въ воздухѣ мелькаютъ стрекозы; взоры мои скользятъ по множеству сплетенныхъ сѣтью дорогъ, пестрящихъ рисовая поля; они тянутся безъ конца вправо и влѣво и теряются вдали за чертой горизонта; я ищу линіи знаком-

мыхъ горныхъ вершинъ, еле обрисовывающіяся на сверкающемъ фонѣ, и слѣжу за вѣчно измѣнчивыми бѣлыми формами, парящими въ небесной синевѣ. Я спрашиваю, часто ли мнѣ еще суждено видѣть эти виды Кью-Шу, а душа моя просить и жаждетъ чудесъ.

Но внезапно, какъ ласка, охватываетъ меня мысль, что нѣтъ ничего чудеснѣе этого зеленаго міра, полнаго нескончаемыхъ жизненныхъ проявленій. Отовсюду, незримо зарождаясь, пробивается зеленая жизнь—изъ мягкой земли, изъ утесовъ и скаль; какъ разнообразны эти нѣмыя, безмолвныя породы, появившіяся задолго, задолго до человѣка! Ихъ внѣшняя жизнь намъ отчасти знакома; мы классифицировали ихъ и дали имъ имена; мы изучили строеніе ихъ листьевъ, составъ ихъ плодовъ, окраску цвѣтовъ; вѣдь мы постигли вѣчные законы, по которымъ создается внѣшній образъ вещей. Но мы не знаемъ, почему они существуютъ? чья мистическая воля выражалась въ этомъ универсальномъ зеленомъ мірѣ? въ чемъ состоитъ великое таинство того, что вѣчно размножается и произошло изъ вѣчно-единаго? Или быть можетъ то, что кажется мертвымъ, тоже живеть, только еще болѣе безмолвной и замкнутой жизнью?

Но есть жизнь полнѣе, таинственнѣе этой—она носится въ вѣтре и въ волнахъ, она обладаетъ духовной силой, отрѣшающей ее отъ земли;

но земля вѣчно вновь призываетъ ее и обрекаетъ питать то, что однажды вскормило ее. Эта жизнь чувствуетъ, знаетъ, она ползаетъ, плаваетъ, бѣгаетъ, летаетъ и мыслить. Многообразіе ея неисчислимо. Зеленая лѣнивая жизнь стремится только къ бытію. Другая же жизнь отъ вѣка борется противъ небытія. Мы знаемъ механизмъ ея движеній, законы ея роста; тончайшія извилины ея строенія предъ нами обнажены, всѣ области ея ощущеній зарегистрированы и названы нами. Но кто разгадаетъ смыслъ этой жизни? Изъ какого первоисточника возникла она? Или говоря проще, *что она есть?* Для чего ей нужно страданіе? Почему въ страданіи зрееть она?

Эта жизнь страданія—наша жизнь. Лишь относительно видитъ и знаетъ она. Абсолютно же она слѣпа и бродитъ въ потемкахъ, какъ косная, холодная, зеленая жизнь, которая питаетъ ее. Но питаетъ ли она въ свою очередь высшее бытіе, какую-нибудь незримую, дѣйственную, болѣе сложную жизнь? Не включаетъ ли одинъ призрачный міръ другой въ себѣ, не несетъ ли одна жизнь другую—и такъ до безконечности? Существуютъ ли міры, проникающіе собою другіе міры?

Но въ наше время границы человѣческаго знанія непоколебимо опредѣлены, и разгадка этихъ вопросовъ лежитъ далеко за предѣлами

нашихъ возможностей. Но что же составляетъ границы этихъ возможностей? Ничто иное, какъ наша человѣческая природа. Но будетъ ли эта природа столь же ограниченной для тѣхъ, кто придетъ послѣ нась? Не разовьются ли въ нихъ высшія чувства, не будутъ ли ихъ способности болѣе всеобъемлющи, ихъ воспріятія болѣе чутки? Что говорить обѣ этомъ наука?

Можетъ быть мы отчасти найдемъ отвѣтъ на это въ глубокомысленномъ изрѣченіи Клиффорда: «Мы никогда не были созданы, а создали сами себя».

Это поистинѣ глубочайшее поученіе науки. А для чего человѣкъ создалъ себя? Чтобы избѣжать страданія и смерти. Только подъ высокимъ давленіемъ страданія создалась наша сущность; и пока живо страданіе, должна продолжаться неустанная работа нашего духовнаго роста.

Нѣкогда, въ далекомъ прошломъ, жизненные потребности были лишь физическими; теперь же, кромѣ того, онѣ стали нравственны и духовны. И въ будущемъ вѣроятно самой безпощадной и могущественною необходимостью будетъ потребность разгадки міровой тайны.

Величайшій мыслитель, сказавшій намъ, почему нельзя разгадать этой тайны, повѣдалъ намъ также, что жаждя ея разрѣшенія должна продолжаться и расти съ ростомъ человѣческаго духа. И въ этой необходимости уже кроется

зародыши надежды. И не можетъ ли человѣкъ жаждой знанія, высшей формой будущаго страданія, развить въ себѣ иныхъ способности и силы и достигнуть того, что теперь кажется недостижимымъ, провидѣть невидимое теперь? Насъ, современныхъ людей, сдѣлала тѣмъ, чѣмъ мы есть, наша тоска, наше стремленіе. И отчего бы нашимъ потомкамъ не достигнуть того, къ чему мы теперь тщетно стремимся?...

Я въ Хаката, городѣ ткачей кушаковъ; это, большой городѣ съ причудливыми узкими улицами, поражающими своими свѣтомыами эффектами.

Я останавливаюсь на улицѣ «Молитвы къ Богамъ», гдѣ гигантская бронзовая голова—голова Будды—улыбается мнѣ изъ открытыхъ воротъ. Эти ворота ведутъ во дворъ храма секты Іодо; голова очень красива, но туловища нѣтъ. Пьедесталь, на которомъ поконится голова, покрытъ тысячью металлическихъ зеркалъ, нагроможденныхъ до подбородка большого, мечтательного лица. Надпись на воротахъ объясняетъ эту загадку.

Зеркала—жертвоприношени¤ женщинъ колоссальной статуѣ сидящаго Будды. Предполагаемая вышина статуи вмѣстѣ съ гигантскимъ

лотосомъ, на которомъ она будетъ покойиться—35 футовъ; и все будетъ вылито изъ посвященныхъ ему бронзовыхъ зеркалъ. Для головы уже расплавили сотни зеркалъ, для окончанія начатаго дѣла потребуются мириады.

Можно ли въ виду такого зрелища утверждать, что буддизмъ угасаетъ?!

Но это не радуетъ меня: слишкомъ большого разрушенія требуетъ созиданіе этой статуи. Вѣдь японскія металлическія зеркала удивительно красивы и художественны; теперь ихъ къ сожалѣнію замѣняютъ отвратительнымъ дешевымъ западнымъ производствомъ. Только тотъ, кто знаетъ прелестъ ихъ формы, можетъ вполнѣ оцѣнить очаровательное восточное сравненіе луны съ зеркаломъ. Только одна сторона зеркала полирована, другая разукрашена рельефами—деревьями и цветами, птицами и насекомыми, пейзажами, легендами, символами счастья, изображеніями разныхъ божествъ.

Таковы самыя обыкновенные зеркала, но есть масса вариаций и многія изъ нихъ прямо чудесны.

Мы называемъ ихъ «волшебными зеркалами»: если обернуть полированную сторону къ бумажной перегородкѣ или къ стѣнѣ, то въ свѣтломъ кругу обрисовываются изображенія другой стороны.

Есть ли въ этой грудѣ бронзовыхъ жертвъ и

«волшебные зеркала»—я не знаю, но несомнѣнно тамъ много прекраснаго. Много паѳоса въ радостномъ приношеніи этихъ прекрасныхъ, художественныхъ произведеній, обреченныхъ на близкую гибель. Вѣдь, можетъ-быть, въ слѣдующемъ десятилѣтіи прикончится производство такихъ бронзовыхъ зеркалъ; и любители ихъ услышатъ съ грустью и сожалѣніемъ о судьбѣ этихъ жертвъ.

Но въ этихъ неисчислимыхъ жертвахъ, безжалостно отданныхъ на произволъ солнцу, дождю и уличной пыли, кроется еще болѣе глубокій трагизмъ.

Сколько зеркалъ отражали улыбку ребенка, невѣсты, матери! Почти всѣ отражали картины уютной семейной жизни. Но японское зеркало имѣеть значеніе еще болѣе духовное, чѣмъ одни воспоминанія.

«Зеркало», гласить старая пословица, «душа женщины». И не только, какъ можно было бы предположить, въ символическомъ смыслѣ. По бесчисленнымъ легендамъ зеркало чувствуетъ всѣ радости и огорченія своей хозяйки: поверхность его, то затуманится, то блестить, мистически сливаясь съ каждымъ ея ощущеніемъ.

Вѣроятно по этому употребляли и, какъ кажется, употребляютъ и нынѣ зеркала во время магическихъ ритуаловъ, вліяющихъ, какъ говорятъ, на жизнь и на смерть; кромѣ того зер-

кала погребаютъ вмѣстѣ съ тѣми, кому они принадлежали. Эти груды покрытой пылью и плѣсенемъ бронзы вызываютъ въ душѣ странныя сновидѣнія о разбитыхъ душахъ—или по крайней мѣрѣ обѣ одушевленныхъ вещахъ.

Не хочется вѣрить, чтобы всѣ психическія движения, всѣ лица, отраженные нѣкогда этими зеркалами, совсѣмъ и навсегда отрѣшились отъ нихъ; прошлое должно гдѣ-нибудь продолжаться; и думается, что стоитъ осторожно подойти къ зеркаламъ и внезапно заглянуть въ нихъ, чтобы уловить прошлое въ тотъ моментъ, когда оно, содрагаясь, убѣгаеть отъ свѣта.

Впрочемъ я долженъ сознаться, что во мнѣ паѳосъ этого зрѣлища особенно усиливается однимъ воспоминаніемъ, которое японское зеркало всегда вызываетъ во мнѣ: я вспоминаю старый японскій разсказъ о Матсуяма-но-Кагами. Несмотря на крайнюю простоту и сжатость, его можно было бы поставить на одну ступень съ дивными сказками Гёте, которая дѣлаются тѣмъ глубже и шире, чѣмъ глубже и шире опытъ и способности читателя. Мистрисъ Джемсъ въ одномъ направленіи, можетъ-быть, исчерпала всѣ психологическія возможности. И тотъ, чья душа не всколыхнется при чтеніи маленькой книжки, недостоинъ имени человѣка. Для того, чтобы охватить хотя бы приблизительно основную идею разсказа, нужно сумѣть

почувствовать затаенную прелесть приложенныхъ къ тексту картинокъ, интерпретаціи послѣдняго великаго художника школы Кано. Иностранцы, не посвященные въ семейную жизнь Японіи, не могутъ вполнѣ оцѣнить всей прелести набросковъ, сдѣланныхъ специально для этихъ сказокъ. Но красильщики шелка въ Кіото и Осака дорожатъ ими чрезвычайно и воспроизводятъ ихъ постоянно на драгоценнѣйшихъ тканяхъ. Существуетъ много версій, но по прилагаемой схемѣ современный читатель можетъ разработать разсказъ, какъ захочетъ.

Однажды, очень давно, въ Матсуяма, въ провинціи Эшиго, жила молодая самурайская чета; имена ея совершенно забыты, и забыты давно. У нихъ была маленькая дочь. Однажды мужъ отправился въ Іеддо—вероятно вассаломъ въ свитѣ феодала Эшиго. Вернувшись домой, онъ привезъ изъ столицы подарки—счасти и куклу для маленькой дочки—(по крайней мѣрѣ такъ изображаетъ художникъ)—а женѣ зеркало изъ посеребренной бронзы. Зеркало показалось молодой женщинѣ страннымъ и непонятнымъ предметомъ—это было первое зеркало, появившееся въ Матсуяма. Она не понимала его назначенія и невинно спросила, чье хорошенькое улыбающееся

личико на нее смотрить оттуда? Мужъ разсмѣялся и сказалъ:

«Да вѣдь это твое собственное лицо. Какая же ты глупенькая!»

Она постыдилась разспрашивать дальше и поспѣшила спрятать непонятный подарокъ.

Много лѣтъ оно пролежало у нея спрятаннымъ—почему? обѣ этомъ исторія умалчиваетъ. Можетъ быть просто потому, что любовь всегда и вездѣ освящаетъ малѣйшій подарокъ и скрываетъ его отъ чужихъ взоровъ.

Но на смертномъ одрѣ она отдала зеркало дочери и сказала:

«Когда я умру, гляди ежедневно, утромъ и вечеромъ, въ это зеркало; въ немъ ты увидишь меня; поэтому, не грусти».

Сказавъ эти слова, она умерла. А дѣвушка ежедневно, утромъ и вечеромъ, смотрѣла въ зеркало; она не знала, что отраженіе въ немъ было ея собственнымъ обликомъ, она думала, что видитъ мать, на которую она была очень похожа. И ежедневно она бесѣдовала съ этой тѣнью, потому что чувство ей говорило—или какъ японскій текстъ любовно гласитъ: «сердце ей говорило», что предъ ней ея мать; и зеркало стало ей дороже всего на свѣтѣ. Наконецъ это замѣтилъ отецъ и очень удивился ея поведенію. Онъ разспросилъ ее, и она ему все рассказала.

«Тогда», повѣстуетъ древне-японскій раз-

сказчикъ, «на него нашла жалость и скорбь и слезы затуманили очи его...»

Вотъ старый разсказъ... Но было ли въ невинной ошибкѣ дѣйствительно столько трагизма, какъ думалъ отецъ, или его слезы были безсмысленны, какъ мое сожалѣніе о судьбѣ всѣхъ этихъ зеркалъ и о связанныхъ съ ними воспоминаніяхъ?

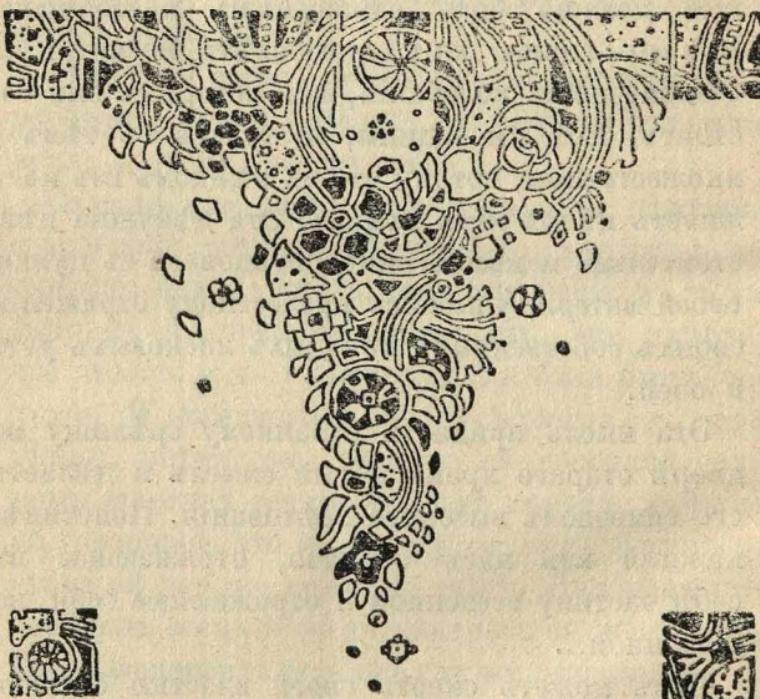
По-моему, невинность дѣвушки была мудрѣе чувства отца. Вѣдь по космической закономѣрности настоящее—тѣнь прошедшаго, а будущее должно быть отраженіемъ настоящаго. Всѣ мы—едины, какъ единъ свѣтъ, несмотря на бесконечность колебаній, изъ которыхъ онъ состоитъ. Всѣ мы—едины, и вмѣстѣ съ тѣмъ—множественны, потому что въ каждомъ изъ насъ живетъ цѣлый міръ духовъ. Эта дѣвушка дѣйствительно и несомнѣнно бесѣдовала съ душой своей матери, улыбаясь прелестному отраженію своихъ собственныхъ молодыхъ ласковыхъ устъ и очей.

Эта мысль придаетъ странному зрелищу во дворѣ старого храма новый смыслъ и дѣлаетъ его символомъ высокаго обѣтованія. Поистинѣ, каждый изъ насъ—зеркало, отражающее въ себѣ частицу вселенной и отражающее себя во вселенной...

Быть можетъ смерть своей властью сольеть всѣхъ насть въ одно великое, сладостное, без-

страстное единство. Каково будетъ это слияніе—
постигнуть, быть-можеть, грядущія поколѣнія.
У насъ, современныхъ представителей западной
культуры, нѣть знанія, намъ даны лишь грэзы и
эновидѣнія. Но древній Востокъ вѣрить; вотъ
простой, картиенный языкъ его вѣры:

«Всѣ формы бытія въ концѣ-концовъ исчез-
нуть, чтобы слиться съ тѣмъ существомъ, чья
улыбка—непоколебимый покой, чье знаніе—не-
объятное прозрѣніе».

ПУТЕВЫЯ
ЗАМЪТКИ.

ЕСЛИ японку въ пути одолѣть сонъ, а прилечь некуда, то она, засыная, поднимаетъ лѣвую руку и прячетъ лицо за широкій рукавъ.

Со мною въ вагонѣ второго класса сидятъ рядомъ три женщины. Онѣ дремлютъ, закрывъ лицо рукавомъ; поѣздъ мчится, укачивая ихъ, и онѣ колышатся, какъ цвѣты лотоса отъ легкаго вѣтерка.

Сознательно или безсознательно онѣ пользуются лѣвымъ рукавомъ, я не знаю; думаю, что это движеніе инстинктивно, потому что правой рукой удобнѣе удержаться въ случай внезапнаго толчка.

Это зрѣлище забавно и мило; оно служить примѣромъ изящной прелести, свойственной всѣмъ движеніямъ знатной японки,—граціознымъ и скромнымъ. Но иногда эта поза становится патетична: лицо скрываютъ также въ минуты горя или усталой молитвы. Пусть міръ видитъ только счастливыя лица,—этого требуетъ вкоренившееся, выработанное чувство долга.

Мнѣ вспоминается одинъ случай:

У меня много лѣтъ былъ слуга, котораго я всегда считалъ счастливѣйшимъ изъ людей. Когда съ нимъ заговаривали, онъ смѣялся, работалъ онъ всегда съ веселымъ лицомъ; казалось, онъ не зналъ житейскихъ заботъ. Но

разъ, случайно, я увидѣлъ его; онъ не считалъ нужнымъ владѣть собою, и его лицо испугало меня; я не узналъ знакомыхъ мнѣ чертъ; горе и злоба избороздили лицо рѣзкими морщинами и состарили его на четыре десятка лѣтъ. Я кашлянулъ, онъ замѣтилъ меня, и въ одинъ мигъ его морщины разгладились, лицо смягчилось, просвѣтлѣло, какимъ-то чудомъ сразу помолодѣло. Поистинѣ чудесно такое непрестанное самообладаніе, самоотреченіе, самозабвеніе.

Деревянныя ставни моей маленькой комнаты въ гостиницѣ широко раскрыты. Сквозь злато-мерцающую сѣтку вѣтвей солнце набрасываетъ рѣзкую тѣнь отъ сливового дерева на бумажныя окна.

Такого силуэта не нарисуетъ ни одинъ смертный художникъ, даже японецъ. Темно-синій на ослѣпительно яркомъ фонѣ, колеблющейся, отбѣняющейся отъ невидимыхъ вѣтокъ. Волшебная картина! И я подумалъ, что употребленіе бумаги для освѣщенія несомнѣнно имѣло вліяніе на японское искусство.

Ночью японскій домъ, въ которомъ закрыты только бумажныя окна, похожъ на огромный бумажный волшебный фонарь, бросающій подвижная скользящія тѣни внутрь, вместо того,

чтобы бросать ихъ наружу. Днемъ силуэты на окнахъ рисуются только отъ наружныхъ предметовъ; на зарѣ утромъ, они, вѣроятно, волшебно красивы, если солнечные лучи заливаютъ, какъ въ это мгновеніе, прелестный уголокъ сада.

Древнегреческая легенда гласить, что искусство родилось отъ первой робкой попытки набросать на стѣнѣ силуэтъ любимаго человѣка; это очень правдоподобно. Вѣроятно также и то, что первоисточникъ художественнаго творчества,—какъ и всего сверхчувственнаго,—надо искать въ изученіи тѣней. Но тѣни на бумажныхъ окошкахъ такъ дивно красивы, что могутъ служить объясненiemъ нѣкоторыхъ особенностей японскаго рисовальнааго искусства, притомъ не первобытнаго, а доведеннаго до совершенства. Конечно, надо взять во вниманіе и особенность японской бумаги,—на которой тѣнь лучше вырисовывается, чѣмъ на стеклѣ, и своеобразность японскихъ тѣней. Никогда западная растительность не дала бы тѣхъ прелестныхъ силуэтовъ, какія даютъ японскія садовыя деревья, доведенные до совершенства формъ вѣковой заботливой культурой. Я жалѣю, что бумага моихъ оконныхъ ширмъ не обладаетъ чувствительностью фотографической пластиинки и не можетъ удержать великолѣпнаго свѣтового эффеクта, произведенаго магическимъ

дѣйствiемъ солнечныхъ лучей. Увы, разрушение уже началось, силуэтъ началъ уже удлиняться.

Въ Японіи много своеобразной прелести; но я ничего не знаю очаровательнѣе дорогъ къ высоко лежащимъ мѣстамъ молитвы и успокойнія,—этихъ безконечныхъ дорогъ и ступеней, ведущихъ «никуда» и въ «ничто».

Дѣла человѣческихъ рукъ гармонируютъ тутъ съ тончайшими настроеніями природы, со свѣтомъ и тѣнью, съ формой, окраской; это очарованіе пропадаетъ въ дождливые дни, но если оно и капризно, то отъ этого не менѣе сильно.

Вотъ, напримѣръ, отлогій подъемъ; съ полѣмили тянется мощенная аллея, по бокамъ—деревья-гиганты. Въ правильныхъ промежуткахъ дорогу сторожатъ каменные чудовища. Аллея приводить въась наконецъ къ широкой лѣстницѣ, теряющейся во мракѣ; лѣстница ведетъ на большую террасу, подъ тѣнь величавыхъ старыхъ деревьевъ; а оттуда еще ступени къ другимъ террасамъ, погруженнымъ въ таинственный сумракъ.

Поднимаешься все выше и выше и наконецъ доходишь до сѣраго тори, а за нимъ входъ въ маленькое пустое безцвѣтное зданіе, похожее

на деревянный шкафчикъ; это мія, храмъ шинтоистскаго культа. Пустота, нѣмое молчаніе и сумракъ послѣ роскошной дороги, ведущей наверхъ; дѣлается жутко, будто васъ окружили призраки и тѣни умершихъ.

И много такихъ откровеній буддизма найдеть тотъ, кто захочетъ искать ихъ. Я укажу, напримѣръ, на Хигаши Отани въ Кіото. Широкій въездъ ведетъ во дворъ храма; со двора вы поднимаетесь вдоль роскошныхъ перилъ по массивнымъ, обросшимъ мхомъ лѣстницамъ на каменную террасу. Обстановка напоминаетъ итальянскій загородный садъ изъ временъ Декамерона. Но, взойдя на террасу, вы видите только ворота, а за ними—кладбище!

Хотѣлъ ли строитель этимъ сказать, что все на свѣтѣ, вся пышность, вся роскошь, вся красота кончается вѣчнымъ молчаніемъ?..

Я посѣтилъ рыболовную выставку и акваріумъ въ Хіого, въ саду на морскомъ берегу. Названіе ея—Вараку-енъ, т.-е. «садъ мирныхъ радостей». Она устроена по образцу старинныхъ парковъ и заслуживаетъ свое имя. Вдали виднѣется широкій заливъ; рыбаки въ лодкахъ; далеко скользящіе, ослѣпительно блѣдные паруса; а на горизонтѣ—цѣпи высокихъ горъ, покрытыя

нѣжно фіолетовой дымкой. Я видѣлъ тамъ причудливыя формы прудовъ съ прозрачною водой; въ нихъ плавали многоцвѣтныя рыбы. Я подошелъ къ акваріуму, гдѣ за стекломъ рѣзвились необыкновенные рыбы, похожія на маленькихъ игрушечныхъ драконовъ и на ножны сабли; были тамъ и забавные маленькие кувыркающіяся рыбки; были рыбы блестящія, какъ крылья бабочекъ; были рыбы, махающія своими плавниками, какъ танцовщицы широкими рукавами. Я видѣлъ модели разныхъ лодокъ, сѣти и удочки, верши и фонарики для ночной ловли. Я видѣлъ изображеніе всевозможныхъ способовъ рыболовства, модели и картинки китовой ловли. Одна картинка была очень страшна; это была агонія кита, бьющагося въ огромныхъ сѣтяхъ; рядомъ — лодка въ вихрѣ красной пѣны; на исполнинской спинѣ чудовища стояла голая мужская фигура,—одна на фонѣ неба,—въ рукахъ занесенное надъ животнымъ смертоносное оружіе. Я даже видѣлъ красную кровянную струю... Рядомъ со мною стояла японская семья,—отецъ, мать и сынъ; родители объясняли мальчику значение картины.

«Когда китъ чувствуетъ близость смерти», говорила мать, «онъ въ предсмертной тоскѣ начинаетъ говорить по-человѣчески, онъ молить о помощи Будду: „Наму Аміда Будзу!“»

Я отправился дальше, въ другую часть сада,

гдѣ были ручные олени, «золотой медвѣдь», павлинъ въ клѣткѣ, обезьяна. Посѣтители сада кормили пирожками оленя и медвѣдя, заставляли павлина распускать хвостъ колесомъ, мучили и дразнили обезьяну. Я сѣль отдохнуть на одну изъ террасъ близъ павлина. Японская семья, разсматривавшая смерть кита, тоже подошла, и я услышалъ, какъ мальчикъ сказалъ.

«Тамъ въ лодкѣ сидитъ рыбакъ, старый, престарый стариkъ; почему онъ не идетъ во дворецъ, къ морскому царю, какъ рыбакъ Урашима?»

«Урашима поймалъ черепаху», отвѣтилъ отецъ; «но она не была черепахой, а зачарованной дочерью морского царя. Такъ Урашиму наградили за его доброту къ черепахѣ. А этотъ рыбакъ не поймалъ черепахи; а если бы и поймалъ, то ему все-таки нечего итти во дворецъ, потому что онъ старъ и не можетъ жениться на царевнѣ».

Мальчикъ посмотрѣлъ на цвѣты, на море, залитое солнцемъ, на бѣлые скользящіе паруса, на далекія горы, сверкающія фioletовыми цвѣтомъ, и воскликнулъ:

«Отецъ, развѣ можетъ быть гдѣ-нибудь на всемъ свѣтѣ лучше, чѣмъ здѣсь?»

Лицо отца озарилось свѣтлой улыбкой; онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но вдругъ ребенокъ вскочилъ отъ радости и восторженно захлопалъ

въ ладоши: павлинъ наконецъ развернулъ многоцвѣтную красоту своихъ перьевъ. Всѣ поспѣшили къ клѣткѣ, а я такъ и не услыхалъ отвѣта на милый дѣтскій вопросъ.

Но я думаю, что отецъ могъ бы отвѣтить такими словами:

«Дитя, конечно, садъ этотъ прекрасенъ, но міръ такъ богатъ красотой, что навѣрное есть сады еще прекраснѣе этого.

«Но прекраснѣйшій садъ не отъ міра сего,— это садъ Амиды въ царствѣ блаженства, тамъ, гдѣ вечеромъ гаснетъ заря.

«Кто всю жизнь зла не творилъ, тотъ послѣ смерти увидитъ его.

«Тамъ Күяку, райская птица, поетъ о «семи шагахъ» и «пяти силахъ», расправляя лучезарные крылья.

«Тамъ алмазно-переливчатыя воды струятся; въ нихъ лотосъ цвѣтеть, неизъяснимо прекрасный; онъ цвѣтеть и сіяетъ радужнымъ свѣтомъ, а изъ его глубины возносятся вверхъ свѣтозарные духи нарождающихся Буддъ.

«А между цвѣтами струится вода, струится и шепчетъ, вѣщаю ихъ душамъ о безпредѣльномъ воспоминаніи, о безпредѣльныхъ видѣніяхъ и о «четырехъ безпредѣльныхъ чувствахъ».

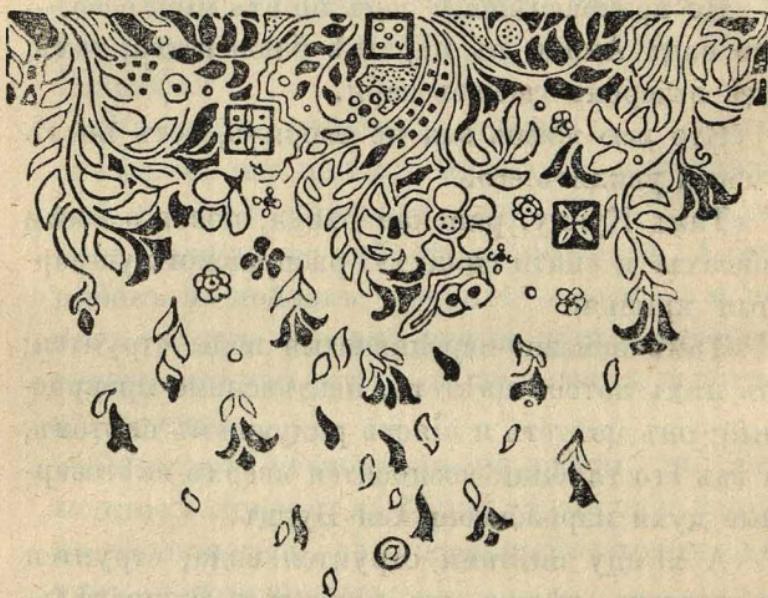
«И нѣть тамъ различія между людьми и богами, потому что передъ величиемъ Амиды преклоняются даже бессмертные боги. И всѣ поютъ

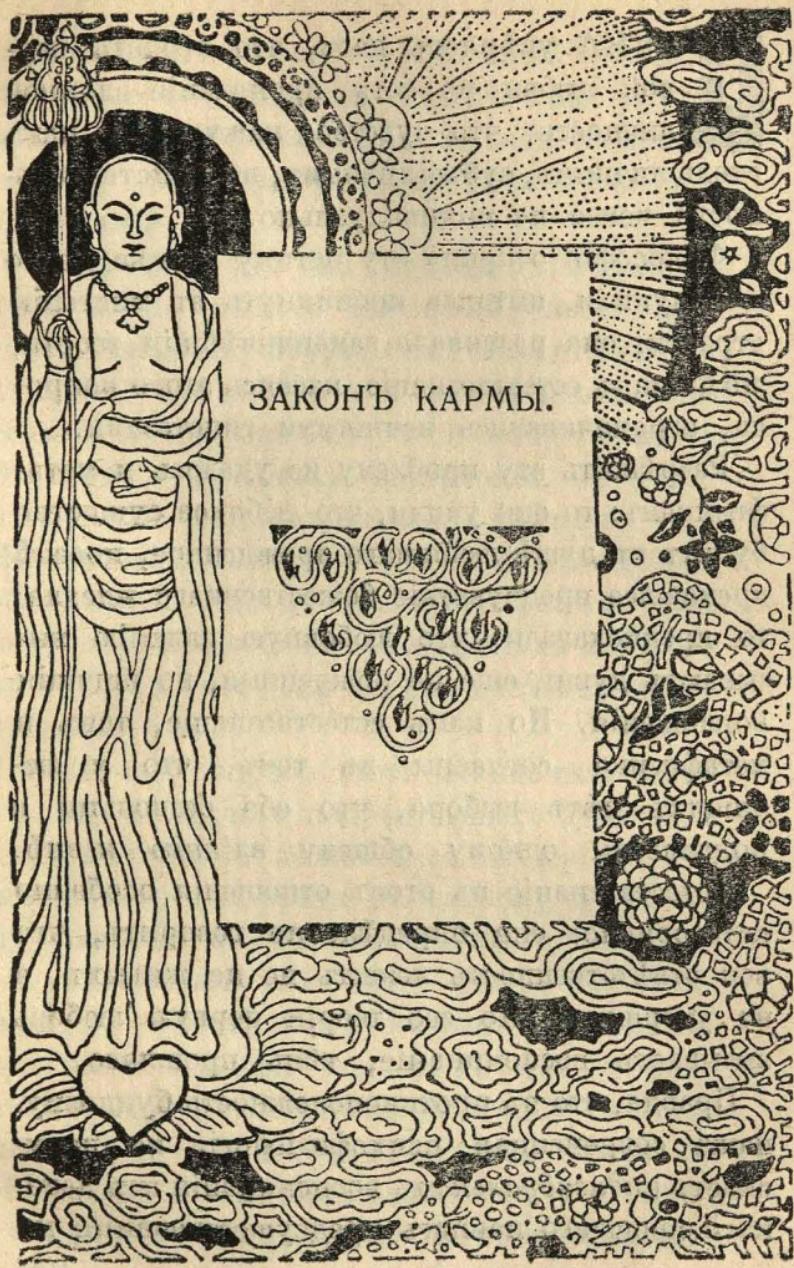
ему хвалебную пѣснь, начинающуюся такими словами:

— «О, ты, Свѣтъ безпредѣльный, неизмѣримый!»

«Но отъ вѣка слышится голосъ; то небесный потокъ звучить, подобно многоголосому хору!

«Онъ гласить: И это *еще* не величіе, и это *еще* не реальность, и это *еще* не покой!»

ЗАКОНЪ КАРМЫ.

ГАУКА увѣряетъ насъ, что страсть первой любви не есть проявленіе данной личности; что чувство, кажущееся намъ столь личнымъ, субъективнымъ, въ дѣйствительности вовсе не индивидуально.

Философія открыла эту истину еще за долго до науки и, пытаясь проникнуть въ мистерію страсти, она развивала заманчивѣйшія теоріи, тогда какъ естествознаніе, касаясь этого вопроса, ограничивалось немногими гипотезами.

Разрѣшить эту проблему не удалось и метафизикамъ: то они учили, что любимое существо будить въ душѣ любящаго врожденное, доселѣ дремавшее предчувствіе божественнаго идеала; то предполагали, что любовную иллюзію вызываютъ души, еще не рожденныя, но ищущія воплощенія. Но какъ естествознаніе, такъ и метафизика согласны въ томъ, что у любящихъ нѣтъ выбора, что оба безвольны и подвластны одному общему вліянію извнѣ.

Естествознаніе въ этомъ отношеніи особенно категорично: она опредѣленно говоритъ, что вся отвѣтственность лежитъ не на живыхъ, а на умершихъ. По его теоріи первую любовь вызываетъ воспоминаніе, тѣнь прошлаго.

Правда, что въ противоположность буддизму, наша современная психофизіология не допускаетъ индивидуальныхъ воспоминаній изъ далѣкаго прошлаго нашихъ предсуществованій; но

она признаетъ наслѣдіе гораздо болѣе властное, хотя и не поддающееся опредѣленію: сумму безчисленныхъ воспоминаній изъ жизни нашихъ предковъ, совокупность несчетнаго числа ихъ переживаній.

Такимъ образомъ она объясняетъ и полную загадочность нашихъ ощущеній, противорѣчивость нашихъ побужденій, таинственность интуиціи,—всю кажущуюся несообразность притяженія и отталкиванія, всю безпричинность свѣтлыхъ и мрачныхъ настроеній, все, что необъяснимо индивидуальнымъ опытомъ.

Но къ болѣе основательному изученію первой любви наука еще не приступала, хотя связь между первой любовью и невидимымъ міромъ— самое загадочное изъ всѣхъ человѣческихъ ощущеній.

На Западѣ вопросъ этотъ становится такъ: въ развитіи каждого подрастающаго здороваго отрока наступаетъ атавистической періодъ инстинктивнаго презрѣнія къ слабому полу, въ силу сознанія своего физического превосходства. Но именно въ пору, когда общество дѣвочекъ становится ему безразличнымъ, даже непріятнымъ,—юноша теряетъ внутреннее равновѣсіе. На его жизненномъ перепутьѣ появляется дѣвушка, доселѣ не видѣнная и ничѣмъ особеннымъ не отличающаяся отъ другихъ; посторонніе въ ней не находятъ ничего чудеснаго.

го. На него же она производить необычайное действие: при видѣ ея, кровь единой могучей волной приливаетъ къ сердцу и всѣ его чувства зачарованы.

Съ этого момента до истощенія любовнаго экстаза вся его жизнь принадлежитъ «ей»; этому сверхъестественному существу, представшему предъ нимъ какъ откровеніе, о которомъ онъ знаетъ лишь то, что даже солнечный лучъ, падая на «нее», сияетъ ярче. И нѣть земныхъ силъ, способныхъ освободить его отъ этихъ чаръ. Но откуда онъ, эти чары? Въ самомъ ли кумиръ кроется непобѣдимая сила? Нѣть, психологія говоритъ, что «идолопоклонникъ» подвластенъ вліянію умершихъ. Мертвые сорвали разумъ его. Отъ нихъ—внезапный трепетъ въ сердцѣ любящаго, искра, зажигающая все существо при первомъ прикосновеніи дѣвичьей руки.

Почему выборъ умершихъ въ данномъ случаѣ палъ именно на эту дѣвшушку? Въ этомъ вопросѣ кроется глубочайшая тайна.

Взглядъ величайшаго нѣмецкаго пессимиста не совпадаетъ съ научной психологіей. По теоріи эволюціи выборъ этотъ основанъ скорѣе на воспоминаніи, чѣмъ на пройдѣніи...

Допустима еще романтическая разгадка, что въ этой дѣвшушкѣ призрачно сочетались всѣ черты тѣхъ многихъ женщинъ, которыя напимъ предкамъ нѣкогда дарили счастье. Но возможно

и то, что въ ней отблескъ совокупности чаръ, которыми плѣняли ихъ безнадежно любимыя ими женщины.

Если согласиться съ болѣе мрачнымъ решениемъ проблемы, то придется допустить, что страсть, много разъ умерщвленная и погребенная, все же не можетъ ни умереть, ни угаснуть. Души тщетно добивавшіяся любви, только мнимо умираютъ; онѣ продолжаютъ жить цѣлыми поколѣніями въ ожиданіи, что жажда ихъ утолится. Ждутъ онѣ, быть-можетъ, цѣлыми столѣтіями, пока черты любимаго существа не воплотятся снова,—ждутъ, вѣчно вплетая туманные образы своихъ воспоминаній въ грезы юности. Отсюда тяготѣніе къ недосягаемому идеалу, отсюда неутолимая тревога души, вѣчно мечтающей о той женщинѣ, которой иѣть на землѣ...

На далекомъ Востокѣ думаютъ иначе и предстоящей разсказъ пояснить буддійскій взглядъ на эту проблему.□ □ □ □ □ □ □

На-дняхъ умеръ священникъ при очень исключительныхъ условіяхъ.

Онъ былъ жрецомъ въ древне-буддійскомъ храмѣ, въ деревнѣ близъ Осака. Храмъ этотъ виденъ, когда ѿдешь по желѣзной дорогѣ Квань-Зетзу въ Кіото.□ □ □ □ □ □ □

□ Онъ былъ молодъ, вдумчивъ, уменъ и необычайно красивъ. Слишкомъ красивъ для жреца, какъ говорили женщины. Онъ былъ похожъ на одну изъ прекрасныхъ статуй Амиды, на ваяніе великихъ буддійскихъ скульпторовъ древности. У мужчинъ онъ справедливо слылъ за высоконравственного и ученаго человѣка. Женщины же мало думали о его учености и добродѣтели. Онъ обладалъ роковой силой притяженія,—онъ дѣйствовалъ на нихъ помимо своей воли,—дѣйствовалъ, какъ мужчина. Онъ испытывали по отношенію къ нему далеко не святые восторги и своимъ обожаніемъ мѣшали его научнымъ занятіямъ и благочестивымъ размышленіямъ. Подъ разными предлогами онъ во всякое время приходили въ храмъ,—только для того, чтобы увидѣть его на мгновеніе и сказать ему нѣсколько словъ. Долгъ заставлялъ его отвѣтить на ихъ вопросы и принимать ихъ благочестивые приношенія. Иные задавали ему нескромные вопросы, которые смущали его и заливали румянцемъ его щеки.

Слишкомъ мягкий по природѣ, онъ не сумѣлъ защитить себя броней неприступности.

Поэтому дерзкія горожанки говорили ему слова, которыхъ деревенская девушка никогда не рѣшилась бы произнести,—слова, послѣ которыхъ онъ требовалъ удаленія дерзкихъ изъ храма.□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Съ ужасомъ онъ отклонялъ отъ себя и застѣнчиваю восторженность однѣхъ, и смѣлую назойливость другихъ; но искушения росли, росли и стали безпрерывнымъ терзаніемъ и мукой его жизни.

Родителей у него не было; они давно умерли; земные нити не привязывали его къ жизни, и онъ любилъ только свое призваніе и научные занятія, связанныя съ нимъ. Онъ страшился суетныхъ и запретныхъ мыслей. На свою необычайную красоту онъ смотрѣлъ, какъ на несчастіе.

Ему неоднократно предлагали богатства подъ условиемъ, отъ которого содрагалось все его существо. Дѣвушки бросались къ его ногамъ, напрасно моля о любви. Онъ безпрерывно получалъ любовныя письма, на которыхъ никогда не отвѣчалъ.

Иныя были написаны древнимъ, образнымъ слогомъ и говорили о «ложѣ любовной встрѣчи, непоколебимомъ какъ утесъ», и о «волнахъ, оживляющихъ тѣни лица», и о «потокахъ, разверзающихся, чтобы сомнуться вновь»...

Другія были безыискусственны, безконечно нѣжны, полны невиннаго паѳоса первого признания дѣвичьей любви...

Долгое время эти письма оставляли его нетронутымъ и холоднымъ, какъ статуя Будды, воплощеніемъ котораго онъ казался. Но молодой жрецъ былъ не Буддой, а лишь слабымъ человѣкомъ, и положеніе его становилось невыносимымъ...

□ Однажды вечеромъ въ храмъ вошелъ мальчикъ, вручилъ ему письмо, шепотомъ назвалъ имя отправительницы и скрылся въ темнотѣ.

Храмовой служитель, нѣмой свидѣтель этой сцены, рассказывалъ потомъ, что священникъ прочиталъ письмо, вложилъ его обратно въ обложку и положилъ на коврикъ, рядомъ съ подушкой, на которой, колѣнопреклоненный, онъ всегда совершалъ свои молитвы. Долгое время онъ провелъ въ глубокомъ раздумье, потомъ досталъ письменные принадлежности, написалъ письмо, адресовалъ его своему духовному начальнику и оставилъ на столѣ. Потомъ посмотрѣлъ на часы и спрятался съ японскимъ расписаніемъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Было очень поздно; ночь была темная, бурная...

Онъ бросился на колѣни передъ алтаремъ, совершилъ короткую молитву и поспѣшно вышелъ. Дошелъ онъ до вокзала въ тотъ моментъ, когда экспрессъ изъ Кобэ на всѣхъ парахъ подлеталъ къ дебаркадеру. Съ быстротою молнии онъ бросился на рельсы, и пыхтящее чудовище покрыло его...

Крикъ ужаса вырвался бы изъ устъ боготворившихъ священника при видѣ того, что осталось отъ его бѣдного, преходящаго тѣла, когда поѣздъ умчался, оставивъ за собою на рельсахъ какую-то безформенную массу...□ □ □ □ □

Нашли письмо, написанное имъ къ своему начальнику. Онъ кратко извѣщалъ о томъ, что силы его истощились, что сопротивляться онъ больше не въ состояніи, что онъ рѣшилъ умереть, чтобы не подпасть грѣху... Другое письмо еще валялось на полу, тамъ, где онъ оставилъ его; женское письмо, въ которомъ каждое слово—тихая, смиренная ласка... Какъ всѣ подобныя письма (ихъ никогда не посылаютъ по почтѣ),—оно не было помѣчено числомъ, не было въ немъ ни имени, ни инициаловъ, и конвертъ былъ безъ адреса... Въ переводѣ оно гласитъ приблизительно такъ, хотя нашъ жесткій, негибкій языкъ не въ состояніи передать всей его прелести:

«Смѣлость моя безмѣрна, и я не дерзаю на-
дѣяться на снисхожденіе. Но я не въ силахъ
скрыть своихъ чувствъ, я должна сказать вамъ
все, и вотъ я пишу вамъ... Что сказать вамъ обо
мнѣ, о моемъ ничтожномъ, маленькомъ «я»...
Позвольте мнѣ сказать, что лишь въ тотъ день,
когда на праздникъ «дальняго берега» очи мои
увидѣли васъ, впервые мысль моя пробудилась;
и съ тѣхъ поръ я не знаю забвенья... Съ каждымъ
днемъ я погружаюсь все глубже въ думы о васъ;
думы эти во снѣ витаются надо мною; но,

буждаясь, я не вижу васъ; я понимаю, что обманчиво было видѣніе, что дѣйствительность пуста,—и слезамъ моимъ нѣтъ удержу... Прости-те, что обреченная быть въ этомъ мірѣ жалкой женщиной выражаетъ желаніе стать близкой къ столь возвышенному и прекрасному... Грубо, безумно должно казаться вамъ, что я не укра-щаю своего сердца, что я даю ему терзаться и жаждать того, что недосягаемо для меня, какъ небо. Но не можетъ успокоиться это бѣдное сердце, и изъ глубины его всплываютъ несчаст-ныя, немощныя слова; несмѣлой, неумѣлой кистью я записываю ихъ и посылаю вамъ; я прошу васъ, удостойте меня состраданія; я заклинаю васъ, не встрѣчайте меня суро-вой рѣчью... Пожалѣйте меня... поймите... вѣдь это письмо—перелившееся чувство мое... Бла-говолите понять и справедливо оцѣнить мое сердце; оно окутано страданіемъ,—оно взы-ваетъ къ вамъ и теперь, мгновеніе за мгновеніемъ ждетъ отвѣта, ждетъ счастья...

Все доброе и благое призываю на вашу главу,

Сегодняшняго числа,
отъ нѣкой, несмотря на все ея ничтожество,
знакомой вамъ.

Желанному, любимому, почитаемому
я шлю это письмо.»□ □ □ □ □

Я отправился къ одному изъ моихъ японскихъ друзей, буддійскому ученому, чтобы узнать, какъ онъ смотритъ на это событие съ религіозной точки зрењія.

Миъ это самоубійство казалось героизмомъ. Не такъ моему другу. Слова осужденія полились изъ его устъ; онъ говорилъ, что самоубійство не избавляетъ отъ грѣха, что самоубійца въ глазахъ Учителя—духовно потерянный, недостойный общенія со святыми мужами безумецъ. Такимъ безумцемъ былъ и молодой священникъ, если онъ думалъ, что, убивая тѣло, онъ умерщвляетъ и источникъ грѣха въ душѣ...

«Но,—вразилъ я, — вѣдь жизнь этого человѣка была чиста и прозрачна, какъ горный ручей...

Предположите, что онъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ, чтобы невольно не ввести во искушеніе другихъ.»

Мой другъ иронически улыбнулся, потомъ промолвилъ:

«Жила однажды знатная японка, необыкновенно красивая, и захотѣлось ей пойти въ монастырь. Она отправилась въ храмъ и заявила о своемъ желаніи. Но верховный жрецъ сказалъ ей: «Вы очень молоды и жили всегда придвор-

ной жизнью. Въ глазахъ свѣтскихъ мужчинъ вы очень красивы, и красота эта будетъ для васъ вѣчнымъ искушеніемъ, мірскія радости будутъ вѣчно манить васъ. И не горе ли какое, мгновенное, преходящее, заставляетъ васъ бѣжать отъ мірской суеты и искать умиротворенія въ тихой обители? Нѣтъ, я не могу принять васъ въ общину». Но она продолжала упрашивать его, и чтобы покончить разговоръ, жрецъ быстро удалился. Оставшись одна, она вдругъ увидѣла хибаджи. Она быстро схватила щипцы, раскалила ихъ докрасна и безжалостно изуродовала ими лицо; дивная красота ея была разрушена навѣки. Испуганный запахомъ гари, жрецъ поспѣшно вернулся и съ ужасомъ увидѣлъ, что случилось. Но она, будто не чувствуя боли, тотчасъ же возобновила просьбы, и даже голосъ ея не дрожалъ, когда она говорила: «Красота, препятствіе на моемъ пути въ святую обитель, уничтожена; примите же меня теперь!» Тогда жрецъ исполнилъ ея просьбу; она вступила въ общину и стала святой монахиней. Кто по вашему былъ мудрѣ: эта женщина или молодой священникъ, котораго вы такъ превозносите?»

«Но развѣ и священникъ долженъ быть изуродовать свое лицо?» спросилъ я.

«О нѣть! И женщина эта поступила бы неправильно, если бы ею руководила исключительно боязнь мірскихъ искушеній. Законъ

Будды воспрещаетъ какое бы то ни было само-разрушение. Она же, хотя и преступила законъ его, но лишь для того, чтобы сдѣлать возможнымъ свое поступленіе въ священный союзъ. Священникъ же вашъ виноватъ безусловно: онъ лишилъ себя жизни, потому что искушеніе было сильнѣе его; онъ трусливо ушелъ, тогда какъ долженъ былъ бы смѣло обращать на путь истинный соблазнявшихъ его. Но онъ былъ слишкомъ слабъ. Лучше было бы ему вернуться въ свѣтъ и жить жизнью простого смертного, жизнью человѣка, не подвластного священнымъ законамъ ордена.»

«Значитъ, по буддійскимъ понятіямъ, въ его поступкѣ нѣть заслуги?» спросилъ я.

«Не думаю. Заслуга можетъ быть разъ въ глазахъ незнающихъ закона.»

— «А тотъ, кто знаетъ законъ,—что думаетъ онъ о послѣдствіяхъ, о Кармѣ его поступка?»

Мой другъ задумался и послѣ непродолжительного молчанія произнесъ:

«Вся суть этого самоубійства не поддается нашему пониманію,—быть-можетъ, это уже не въ первый разъ...»

«Вы хотите сказать, что когда - нибудь, въ предшествовавшей жизни, онъ уже искалъ въ самоубійствѣ спасенія отъ грѣха?»

«Да, и можетъ быть не разъ, и не въ одной а во многихъ жизняхъ...»□ □ □ □ □ □

□ «А что ожидаетъ его въ будущемъ?»

«Никто, кромъ Будды,³ не въ состояніи отвѣтить на эти вопросы.»

«А ваша религія, что скажетъ она?»

«Что происходило въ душѣ этого человѣка, мы не знаемъ, и потому молчимъ...»

«Онъ въ смерти искалъ спасенія отъ грѣха.»

«Если такъ, то ему суждено возрождаться еще много много разъ; ему предстоять все тѣ же искушенія, тѣ же терзанія и муки, доколѣ онъ не научится побѣждать свои желанія. Самоубійство же не ограждаетъ отъ вѣчной необходимости одолѣвать самого себя...»

Я оставилъ моего друга, но слова его преслѣдовали меня; и они продолжаютъ меня преслѣдовать, расшатывая прежнія убѣжденія и терзая мысль. Я не могъ и до сихъ поръ не могу выяснить себѣ, что вѣрнѣе: эта ли таинственная интерпретація любви, или наше западное толкованіе? Значеніе любовной мистеріи не даетъ мнѣ покоя...

Возрожденіе ли въ ней, которая сильнѣе смерти, погребенныхъ страстей?.. Или больше того: неизбѣжное воздаяніе за давно забытые грѣхи?.. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

РЕВНИТЕЛЬ
СТАРИНЫ.

ОНЬ РОДИЛСЯ въ глубинѣ страны, въ столицѣ дайміо, простиравшейся на сто тысячъ коко. Нога чужестранца еще никогда не касалась этой земли. Яшки его отца, знатнаго самурая, находилась за крѣпостными стѣнами, окружающими княжескій замокъ, большая яшки, среди садовъ и парковъ. Въ одномъ изъ нихъ стояла маленькая кумирня съ изображеніемъ бога войны. Лѣтъ сорокъ тому назадъ существовало еще много такихъ помѣстій. Немногія, оставшіяся до сихъ поръ, кажутся художнику зачарованными дворцами, а сады ихъ—райскими грезами буддизма.

Но сыновей самураевъ въ тѣ времена держали строго, и молодому дворянину, о которомъ я хочу разсказать, некогда было предаваться мечтамъ и грэзамъ. Ему рано приходилось отказываться отъ ласки; на него еще не надѣвали первыхъ «хакама», что въ тѣ времена было важнымъ событиемъ, какъ его уже начали постепенно удалять отъ изнѣживающаго вліянія и подавлять въ немъ естественные порывы дѣтской нѣжности. Когда товарищи его встрѣчали съ матерью, ведущей его за руку, они насмѣшили спрашивали:

«Ты еще сосешь, молочко изъ соски?»

Дома онъ, конечно, могъ изливать на мать всю свою пѣжность, но ему рѣдко позволяли быть съ нею. Воспитаніе не допускало ни празд-

ныхъ развлеченій ни удобствъ,—развѣ во время болѣзни. Съ самаго ранняго дѣтства, когда онъ еле начиналъ говорить, его учили, что долгъ—главный стимулъ жизни, самообладаніе—первое требование хорошаго поведенія, а боль и смерть—ничто, поскольку это касается его самого.

Эта спартанская система воспитанія преслѣдовала еще болѣе жестокую цѣль: въ ребенкѣ вырабатывалась холодность и жестокость, которыя позволяли сбрасывать только въ тѣсномъ домашнемъ кругу. Мальчиковъ приучали къ зрѣлищу крови. Ихъ брали съ собой на казни, требовали не выраживать при этомъ ни малѣйшаго волненія или ужаса; а придя послѣ казни домой, имъ предписывали, преодолѣвъ внутреннее содроганіе, съѣдать обильную порцію рису, приправленнаго соленымъ кроваво-краснымъ сливовымъ сокомъ. И еще большаго требовали отъ мальчика: его ночью посылали на мѣсто казни, чтобы онъ въ знакъ мужества принесъ оттуда отрубленную голову. Бояться какъ труповъ, такъ и живыхъ людей было недостойно самурая. Дитя самурая не смѣло знать страха. При этомъ требовалось полное хладнокровіе: малѣйшее хвастовство, какъ и трусость, подвергалось осужденію.

Подрастая, мальчикъ долженъ быть видѣть главное развлеченіе въ физическихъ упражне-

ніяхъ, постоянно, съ ранняго дѣтства подгото-
вляющихъ самурая къ войнѣ,—въ метаніи дугъ,
фехтованіи, верховой Ѣздѣ и борьбѣ. У него
были товарищи, сыновья вассаловъ, но они
были старше его, и ихъ выбирали, чтобы по-
ощрять въ немъ воинственность и отвагу. Они
же должны были учить его плавать, грести и
всячески развивать юные силы. Время дѣлилось
между физическими упражненіями и изученіемъ
китайскихъ классиковъ. Питаніе его было обиль-
но, но лишено лакомства; одежда—всегда лег-
кая и грубая, болѣе изящная только во время
большихъ церемоній. Зажигать огонь, только
съ цѣлью погрѣться, ему запрещали; если въ
морозные зимніе дни его руки во время ученія
такъ застывали, что не могли больше держать
кисточки и писать, его заставляли окунать ихъ
въ ледянную воду, чтобы возвратить пальцамъ
гибкость; если его ноги коченѣли, ему при-
казывали бѣгать по снѣгу, чтобы согрѣться. Еще
строже были прививавшіеся ему взгляды
военной касты на честь самурая; съ дѣтства
внушили ему, что его маленькая сабля не иг-
рушка и не украшеніе. Его учили, какъ съ нею
обращаться, объясняли, какъ можно покончить
жизнь свою безъ страха и колебанія, если того
потребуетъ кодексъ чести его сословія.

Когда мальчикъ становился юношой, стро-
гость наблюденія ослабѣвала. Ему предosta-

вляли все больше и больше свободы, но онъ никогда не долженъ былъ забывать, что всякая ошибка будетъ замѣчена, серьезный проступокъ никогда не прощенъ, что заслуженного упрека слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ смерти. Съ другой стороны нечего было бояться для юноши-самурая безнравственныхъ вліяній,—ихъ было немного. Профессиональный развратъ строжайше былъ изгнанъ изъ многихъ большихъ городовъ провинцій; а безнравственность жизни, отражающаяся въ народныхъ романахъ и драмахъ, тоже оставалась неизвѣстной молодому самураю. Его научили презирать житейскую литературу, затрагивающую лишь нѣжныя чувства или бурные страсти; посѣщеніе же театровъ было запрещено его сословію. И въ невинной средѣ, въ провинціальной глухи древней Японіи вырастали чистые, нетронутые юноши.

Таковъ былъ юный самурай, о которомъ я хочу рассказать. Безстрашный, вѣжливый, полный самоотречения, презирающій развлечения, готовый въ каждый данный мигъ, не задумываясь, отдать жизнь, если того потребуетъ любовь, преданность государю, честь. Но, воинъ по физическому и духовному развитію, онъ по годамъ былъ еще почти ребенкомъ въ тотъ годъ, когда страну впервые встревожило прибытие «черныхъ кораблей». □ □ □ □ □ □ □ □ □

Политика Іемицу, воспрещавшая японцамъ подъ страхомъ смерти выѣздъ изъ страны, продержала націю въ теченіе двухъ столѣтій въ полномъ невѣдѣніи того, что творилось за предѣлами японскаго государства. Никто ничего не зналъ о мощныхъ грозныхъ силахъ, развивающихся по ту сторону океана. Голландскіе колонисты въ Нагасаки отнюдь не просвѣщали Японію относительно положенія, въ которомъ находилась страна, не предупреждали о томъ, что восточному феодализму грозить западный міръ, въ развитіи ушедшій впередъ на три столѣтія. Чудеса западной цивилизациі показались бы японцамъ дѣтскими сказками или древними легендами о волшебныхъ дворцахъ въ царствѣ хораи. И только тогда, когда къ японскимъ берегамъ причалилъ американскій флотъ, «черные корабли», какъ ихъ назвалъ городъ, правительство поняло свою слабость и опасность, грозящую извнѣ.

Одно извѣстіе о появлениі «черныхъ кораблей» уже взволновало народъ; но когда сіогунатъ признался въ своемъ безсиліи отразить чужеземныхъ враговъ, то народъ положительно растерялся.

□ Грозила опасность, бѣльшая, чѣмъ во время

нашествія татаръ подъ Ходжо-Токимунэ, когда народъ молилъ боговъ о помощи, когда самъ государь въ Исэ заклиналъ духовъ предковъ своихъ. На молитву послѣдовало внезапно затмѣніе солнца. При оглушительныхъ ударахъ грома поднялся бѣшеный ураганъ, живущій до сихъ поръ въ памяти народа подъ именемъ «Ками-Казэ», вихрь боговъ. Буря разбила и потопила корабли Хубилай-Хана.

Почему бы и теперь не обратиться къ небу съ мольбой? И въ безчисленныхъ домахъ, передъ безчисленными алтарями стали молиться. Но всемогущіе боги на сей разъ были нѣмы и глухи и не ниспослали Ками-Казэ. И въ отцовскомъ саду, передъ маленькимъ алтаремъ, мальчикъ самурай задавалъ себѣ мучительные, неразрѣшивимые вопросы: неужели боги утратили силу? Или, быть-можеть, народъ, приплывшій на «черныхъ корабляхъ», охраняемъ болѣе могущественными богами? □ □ □ □ □ □ □ □ □

Скоро, однако, выяснилось, что никто и не думалъ изгонять чужестранцевъ. Они причаливали цѣлыми сотнями съ востока и съ запада, и для ихъ охраны дѣлалось все нужное и возможное. Имъ позволили строить на японской землѣ собственные своеобразные города, и пра-

вительство даже издало приказъ, во всѣхъ японскихъ школахъ изучать западную науку; английскій языкъ сталъ въ школахъ важнымъ предметомъ; общественные училища перекраивались на западный ладъ. По мнѣнію правительства будущность страны зависѣла отъ изученія и владѣнія иностранными языками, отъ знанія чужестранной науки. И до тѣхъ поръ, пока это знаніе не будетъ достигнуто, Японія должна оставаться подъ опекой пришельцевъ. Въ послѣднемъ, конечно, не сознавались открыто, но значеніе правительственной политики было слишкомъ ясно. Японцы были потрясены, когда поняли положеніе дѣла; народъ пришелъ въ отчаяніе, самураи съ трудомъ сдерживали гнѣвъ. Но прошло нѣкоторое время, и всѣхъ охватило живѣйшее любопытство, всѣмъ захотѣлось ближе узнать дерзкихъ и назойливыхъ пришельцевъ, умѣвшихъ достигать всего, чего имъ хотѣлось. Это любопытство отчасти удовлетворялось огромнымъ производствомъ дешевыхъ раскрашенныхъ картинокъ, изображающихъ нравы и обычай «варваровъ» и странныя улицы въ ихъ поселкахъ. Намъ эти картинки показались бы карикатурными; но японскіе художники были далеки отъ насмѣшки,—они старались изобразить чужестранцевъ такими, какими они имъ дѣйствительно казались; а казались они имъ чудовищами съ зелеными гла-

зами, огненными волосами и уродливыми носами, какъ у «шайо» и «тенгу», облеченными въ одежды невозможного покроя и цвѣта, живущими въ зданіяхъ, похожихъ на тюрьмы или на склады товаровъ. Эти картинки распространялись въ странѣ сотнями тысячъ, вызывая по всей вѣроятности въ народѣ странное представлѣніе о новоприбывшихъ; а между тѣмъ это были невинные и честныя попытки изобразить неизвѣстное. Слѣдовало бы въ Европѣ изучить эти картинки, чтобы понять, какими мы въ то время казались японцамъ,—какими некрасивыми, уродливыми, смѣшными.

□ □ □ □ □ □ □ □ □

Молодой самурай вскорѣ очутился лицомъ къ лицу съ живымъ представителемъ запада. То былъ англичанинъ, приглашенный княземъ въ качествѣ учителя. Онъ прибылъ подъ охраной вооруженного конвоя, и было приказано обращаться съ нимъ, какъ съ знатной особой. Онъ не былъ такъ безобразенъ, какъ изображенія на картинкахъ; его волосы были, правда, огненно-красными и глаза странного цвѣта, но въ общемъ его лицо было скорѣе пріятно. Онъ сталъ сразу и надолго предметомъ всеобщаго вниманія. Кто не знаетъ предразсудковъ, съ которыми японцы относились къ иностранцамъ до эпохи Мейд-

жи, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ зорко слѣдили за англичаниномъ-педагогомъ. Жителей запада считали интеллигентными и очень опасными существами,—не совсѣмъ людьми, а стоящими ближе къ звѣриному царству. У нихъ было своеобразное волосатое тѣло, и ихъ зубы не были похожи на людскіе зубы; своеобразны были и ихъ внутренніе органы, а въ нравственномъ отношеніи они были очень близки къ нечистымъ духамъ. Если не среди самураевъ, то, во всякомъ случаѣ, въ народѣ иностранцы вызывали не столько физической, сколько суевѣрный страхъ. Японскій крестьянинъ никогда не былъ трусомъ; но чтобы понять, каково было тогда его отношеніе къ иностранцамъ, надо знать японскія и китайскія повѣрья о легендарныхъ животныхъ, способныхъ принимать человѣческій образъ и обладающихъ сверхъестественной силой; надо знать японскую вѣру въ получеловѣка, въ сверхчеловѣка, во всѣ миѳическія существа, нарисованныя въ старыхъ книжкахъ, вѣру въ бородатыхъ уродовъ съ длинными ушами и ногами (ашинага и тенага), изображенныхъ наивными художниками или же юмористической кистью Хукасаи. Иностранцы будто воплотили въ себѣ басни китайскаго Геродота, а ихъ одежда, очевидно, скрывала то, что было въ нихъ нечеловѣческаго.

□ Такимъ образомъ молодой учитель, самъ того

не подозрѣвая, сталъ, какъ чудовище, предметомъ внимательнаго наблюденія. Но, несмотря на это, ученики обращались съ нимъ чрезвычайно учтиво. Они слѣдовали китайскому предписанію, воспрещающему «наступать даже на тѣнь учителя». Впрочемъ, разъ онъ умѣлъ преподавать, ученикамъ-самураямъ было все равно, человѣкъ ли онъ или нѣтъ. Вѣдь героя Іошистумэ тенгу научилъ владѣть мечомъ; случалось тоже, что существа, лишенныя человѣческаго облика, оказывались учеными и поэтами. Но изъ-за постоянной маски вѣжливости за чужестранцемъ зорко слѣдили, отмѣчали всѣ его привычки; и конечный результатъ этихъ наблюдений и сравненій былъ для него не особенно лестнымъ. Учитель не могъ даже представить себѣ критики своихъ учениковъ; и если бы онъ, поправляя заданные уроки, понималъ то, что о немъ говорили, его настроеніе, конечно, сильно испортилось бы.

«Посмотри-ка на цвѣтъ его кожи», говорили ученики; «сейчасъ видно, какое у него дряблое тѣло. Ничего не стоитъ отрубить ему голову однимъ ударомъ сабли».

Разъ онъ вздумалъ принять участіе въ ихъ борьбѣ, въ шутку, конечно; но мальчики захотѣли серьезно испытать его физическую силу; какъ атлетъ, онъ въ ихъ глазахъ ничего не стоялъ. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ «Руки-то у него сильныя», говорилъ одинъ; «но онъ не умѣеть помочь всѣмъ туловищемъ; а бедра его совсѣмъ слабы, сломать его позвоночникъ очень легко».

«Я думаю, съ иностранцами нетрудно сражаться», замѣтилъ другой.

«На сабляхъ сражаться легко», возразилъ третій; «но въ обращеніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ они гораздо искуснѣе нась».

«Этому и мы можемъ научиться», молвилъ первый; «а научившись западному военному искусству, намъ нечего бояться ихъ солдатъ».

«Они не такъ закалены, какъ мы», замѣтилъ другой; «они легко устаютъ и зябнутъ; въ комнатѣ учителя всю ночь огонь, а у меня разболѣлась бы голова, если бы я пробылъ пять минутъ въ такой жарко натопленной комнатѣ».

Но, несмотря на столь страшныя слова, ученики безпрекословно слушались учителя, и онъ полюбилъ ихъ.□ □ □ □ □ □ □ □ □

Въ странѣ произошли великія перемѣны,— не ждано, не гадано, какъ землетрясеніе: феодальныя владѣнія были превращены въ префектуры, привилегіи военной касты уничтожены, все общественное зданіе перестроено на новыхъ основахъ. Эти события опечалили юношу-са-

мурая; ему, конечно, не трудно было перенести повинности вассала съ феодального князя на государя, и благосостояніе его семьи ничуть не пострадало отъ переворота, но онъ видѣлъ въ немъ опасность для древней національной культуры. Этотъ переворотъ предвѣщалъ неминуемое исчезновеніе прежнихъ высокихъ идеаловъ и многаго близкаго, дорогого ему. Но онъ сознавалъ также, что жалобами не поможешь, что свою зависимость страна можетъ спасти только собственнымъ перерожденіемъ. Любовь къ отчинѣ повелѣвала подчиниться необходимости и готовиться къ участію въ будущей драмѣ.

Въ самурайскихъ школахъ онъ настолько научился английскому языку, что могъ свободно говорить съ иностранцами. Онъ острогъ свои длинные волосы, снялъ сабли и отправился въ Іокогаму, чтобы въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ продолжать изученіе языковъ. Общеніе съ иностранцами уже повліяло на приморское населеніе Японіи; оно стало грубымъ, вульгарнымъ; низшій слой общества въ его родномъ городѣ не посмѣлъ бы говорить и вести себя такъ, какъ вели себя здѣсь. Сами иностранцы произвели на него еще худшее впечатлѣніе. Быть тотъ моментъ, когда они еще могли поддерживать тонъ побѣдителей и когда жизнь въ открытыхъ гаваняхъ была гораздо непристойнѣе,

чъмъ теперь. Новыя кирпичные зданія непріятно напоминали ему японскія раскрашенныя картинки, изображающія иностранные нравы и обычаи, и онъ не могъ такъ скоро избавиться отъ своего дѣтски фантастического представлениія о «чужихъ».

Разумомъ онъ допускалъ, что они были людьми, какъ и онъ, но въ его душѣ что-то протестовало, отказывалось признать ихъ себѣ подобными.

Расовый инстинктъ сильнѣе интеллекта. Онъ не могъ сразу сбросить суевѣрныхъ представлений, внѣдренныхъ въ него. Кроме того, ему приходилось быть свидѣтелемъ такихъ явлений, отъ которыхъ въ немъ загоралась кровь воина, просыпалось наслѣдіе предковъ,—горячій порывъ наказать трусость, искупить несправедливость.

Онъ, однако, сумѣлъ побѣдить отвращеніе, могущее помѣшать его дальнѣйшему развитію. Любовь къ отчизнѣ требовала изучить характеръ враговъ. Понемногу онъ научился объективно наблюдать окружающую жизнь, ея преимущества и недостатки, то, что составляло и силу и слабость ея. Онъ нашелъ доброту, служеніе идеаламъ, идеаламъ, непохожимъ на его идеалы, но все-таки вызывающимъ въ немъ уваженіе, потому что они требовали самоотреченія, какъ и религія его предковъ.

□ Онъ полюбилъ и стать уважать старого мис-

сіонера, совершенно поглощенаго своимъ дѣломъ воспитанія и обращенія. Старикъ задался цѣлью обратить въ христіанскую вѣру юношу, поразившаго его необыкновенными способностями; онъ всячески старался заслужить довѣріе мальчика. Онъ помогалъ ему, обучалъ его французскому, нѣмеckому, греческому и латинскому языкамъ, далъ ему свободный доступъ въ свою большую библіотеку. А имѣть доступъ въ иностранную библіотеку и возможность читать сочиненія по исторіи и философіи, описание путешествій и изящную литературу,—это въ то время было рѣдкой привилегіей для японского студента. Предложеніе было принято съ величайшей благодарностью, и хозяину библіотеки нетрудно было уговорить своего любимаго ученика заняться чтеніемъ части Новаго Завѣта. Юноша удивился, найдя «въ ученніи неправой секты» этическія требованія, сходныя съ предписаніями Конфуція. Онъ сказалъ старому миссіонеру:

«Это ученіе не ново для насъ, но оно безусловно хорошо; я буду изучать эту книгу и размышлять надъ нею». □ □ □ □ □ □ □ □ □

Изученіе и думы завели юношу гораздо дальше, чѣмъ онъ ожидалъ. Когда ему стало 217

ясно, что христіанство—великое учение, оно должно было пойти дальше и допустить еще многое другое: цивилизация христіанских народностей предстала пред ним въ новомъ свѣтѣ. Многимъ мыслящимъ японцамъ, даже смѣлымъ умамъ, управлявшимъ внутренней политикой, казалось въ то время, что Японіи суждено подпасть подъ чужое владычество. Правда, еще можно было надѣяться на лучшій исходъ; а пока существовала хотя тѣнь надежды, всѣ ясно сознавали свой долгъ. Но власть, грозящая Японской имперіи, казалась непоборимой. И, изучая эту громадную силу, юный самурай невольно спрашивалъ себя съ удивленіемъ, почти со страхомъ: изъ какихъ источниковъ чужестранная цивилизация черпаетъ свои силы? Нѣть ли таинственной связи между ней и высшей религіей, какъ утверждаетъ его учитель?! Эту теорію подтверждала древне-китайская мудрость, гласящая, что тотъ народъ счастливъ, который слѣдуетъ божественнымъ законамъ и учению своихъ мудрецовъ. А если превосходство западной цивилизациі было слѣдствіемъ ея высокой этики,—развѣ не прямой долгъ каждого патріота принять эту высшую вѣру, стремиться къ обращенію всей нації? Юноша того времени, воспитанный въ духѣ китайской науки, незнакомый съ исторіей соціальной эволюціи Запада, конечно, не могъ пред-

ставить себѣ, что высшія формы материального прогресса создались безжалостной «конкуренціей», не только противорѣчащей принципамъ христіанского идеализма, но и вообще несовмѣстимой съ какимъ бы то ни было этическимъ принципомъ.

Даже въ наше время миллионы легкомысленныхъ людей на Западѣ вѣрятъ въ какое-то божественное отношение военной власти къ вѣрѣ Христа; въ церквяхъ санкціонируютъ политические разбойничьи набѣги, а изобрѣтеніе взрывчатыхъ снарядовъ называютъ вдохновеніемъ свыше. Никакъ не искоренишь у насъ суевѣрія, будто націи, исповѣдающія христіанскую вѣру, избраны Провидѣніемъ, чтобы грабить и уничтожать иновѣрческія расы. Есть философы, высказавшіе убѣжденіе, что мы все еще поклоняемся Одину и Тору, съ той только разницей, что Одинъ сталъ математикомъ, а молотъ Тора теперь дѣйствуетъ паромъ. Но такихъ людей миссіонеры клеймятъ именемъ атеистовъ.

Но какъ бы то ни было, а день наступилъ, когда молодой самурай рѣшилъ принять христіанство, невзирая на сопротивленіе родныхъ. Это было смѣлымъ шагомъ, но онъ съ дѣтства былъ закаленъ строгимъ воспитаніемъ, и ничто,— даже горе родителей, — не могло поколебать его рѣшенія. Отпаденіе отъ вѣры предковъ влекло за собою важныя послѣдствія: онъ те-

ряль права на наслѣдство, навлекалъ на себя презрѣніе товарищей, лишался состоянія и преимущества своего сословія. Но идеализмъ самурая научилъ его забывать о себѣ. Онъ видѣлъ только одно, думалъ только о томъ, что повелѣваетъ долгъ патріота и искателя истины; и этимъ завѣтамъ онъ слѣдовалъ безъ страха и безъ колебанія.

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Тѣ, которые думаютъ побѣдить западной религіей съ помощью доводовъ современной науки какую-либо древнюю вѣру, упускаютъ изъ вида, что эти доводы съ такой же убѣдительностью можно привести и противъ ихъ собственного вѣроученія. Средній по развитію миссіонеръ, неспособный подняться до высшихъ сферъ мысли, не можетъ предвидѣть дѣйствія его несовершенной проповѣди на человѣка, умственно стоящаго много выше его самого. Поэтому онъ удивленъ, пораженъ, видя, что его самые интеллигентные ученики раньше другихъ вновь отрекаются отъ христіанства. Если умный человѣкъ довольствовался буддійской исторіей сотворенія міра, потому что не зналъ современныхъ наукъ, то такую религіозную вѣру разрушить нетрудно. Но невозможно замѣнить въ такомъ человѣкѣ восточный міръ эмоцій западной

религіей и буддійскую этику протестантскимъ или католическимъ догматомъ. Современные апостолы не понимаютъ, какъ ихъ миссія непреодолимо трудна въ психологическомъ отношеніи. Эта трудность коренится глубоко, въ тѣхъ далекихъ временахъ, когда религія іезуитовъ и монаховъ была такъ же полна суевѣрій, какъ та, противъ которой они боролись. Испанскіе священники, совершившіе чудеса своей несокрушимой вѣрой и пламеннымъ фанатизмомъ, понимали тогда, что имъ не осуществить своей задачи безъ помощи меча. Въ наше же время обращеніе въ вѣру Христа еще гораздо труднѣе, чѣмъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Въ основу воспитанія теперь положена наука, а религія замѣнена соціальной этикой. Количество нашихъ церквей не показатель распространенія вѣры, а лишь подчиненіе обычай и жертва условности. Но никогда западные обычай и условности не завоюютъ Востока, никогда иностранные миссионеры не будутъ въ Японіи стражами нравственности.

Наши либеральныя церкви, тѣ, чья культура глубже и шире другихъ, уже теперь поняли тщетность миссионерства. Для того, чтобы привести буддійскій народъ ближе къ истинѣ, не нужно разрушать старого догматизма: достаточно дать народу разумное воспитаніе. Поэтому Германія, гдѣ воспитаніе стоитъ

на высотъ, больше не посыаетъ миссионеровъ вглубь страны. Истинный успѣхъ миссионерства не въ ежегодныхъ отчетахъ о числѣ новообразованныхъ, а въ преобразованіи мѣстной религіи и въ недавнемъ правительственномъ циркулярѣ, требующемъ повышенія нравственного уровня и образовательного ценза священнослужителей. Но еще задолго до этого циркуляра богатыя секты основали буддійскія школы по западнымъ образцамъ; секта шиншу насчитываетъ уже много представителей своего ученія, воспитанныхъ въ Парижѣ и Оксфордѣ, известныхъ во всѣмъ мірѣ знатоковъ санскрита. Японіи, несомнѣнно, нужны высшія религіозныя формы, чѣмъ тѣ, которыя были въ среднихъ вѣкахъ, но эти новыя формы должны самостоятельно развиться изъ старыхъ. Возрожденіе должно произойти въ самомъ сердцѣ народа, не навязываясь извнѣ. Нравственные потребности будутъ удовлетворяться тѣмъ же буддизмомъ, только просвѣтленнымъ, укрѣпленнымъ западной наукой.

Новый прозелитъ въ Іокогамѣ готовилъ христіанскимъ миссионерамъ одно изъ позорнейшихъ пораженій, когда-либо испытанныхъ ими.

Онъ пожертвовалъ общественнымъ положениемъ и богатствомъ, чтобы стать христіаниномъ, вѣрнѣе, членомъ чужой религіозной секты; но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ открыто отпалъ

отъ той вѣры, которую пріобрѣлъ такой дорогою цѣнной! Онъ изучилъ великихъ современныхъ мыслителей и проникся ихъ идеями глубже своихъ учителей, которымъ онъ задавалъ вопросы, на которые они не могли отвѣтить, — развѣ утвержденіемъ, что книги, отдѣльные части которыхъ они ему совѣтовали изучать, въ цѣломъ составляли опасность для вѣры. Но такъ какъ они не были въ состояніи опровергнуть эти мнимыя лжеученія, то ихъ предостереженія были беспильны. Онъ отрекся отъ Церкви, публично заявивъ, что ея догматы не основаны ни на разумѣ ни на фактахъ, что онъ призванъ принять міровоззрѣніе тѣхъ, кого его учителя осуждаютъ, какъ враговъ христіанства. Его вторичное отпаденіе надѣлало много шума.

Но настоящее, внутреннее отпаденіе было еще впереди. Въ противоположность другимъ, пережившимъ то же самое, онъ зналъ, что религіозные вопросы для него только временно отошли и затихли, что онъ постигъ лишь азбуку того, что еще предстоитъ изучить. Онъ еще вѣрилъ, что религія способна охранить, удержать человѣка отъ зла. Смутно представляя себѣ какую-то связь между цивилизаціей и вѣрованіемъ, онъ нашелъ вѣру Христа и принялъ ее. Китайская философія учila тому же, что современная соціологія признала за законъ:

никогда общество не достигало высшаго развитія безъ духовенства. Буддизмъ допускалъ глубокій смыслъ и значеніе притчъ, дающихъ наивному уму возможность въ простой, удобопонятной формѣ принимать этическія проблемы. Съ этой точки зрењія его интересъ къ христіанству не уменьшился. Его учителя утверждали, что нравственность христіанскихъ націй стоитъ высоко; но этому онъ вѣрить не могъ, и та жизнь, которую онъ видѣлъ въ открытыхъ гаваняхъ, только подтверждала его сомнѣнія. Однако, онъ пожелалъ лично убѣдиться, каково въ западныхъ странахъ вліяніе вѣры на нравы. Для этого онъ рѣшилъ посѣтить европейскія государства, изучить причины ихъ развитія и источники ихъ силы.

Это ему удалось раньше, чѣмъ онъ ожидалъ.

Интеллигентный и развитой, онъ сталъ скептикомъ въ религіозныхъ вопросахъ, а въ политикѣ — вольнодумцемъ. Его взглядышли въ разрѣзъ съ господствующей политикой; онъ открыто ихъ выражалъ и поэтому скоро навлекъ на себя гневъ правительства; пришлося покинуть родину, подобно многимъ другимъ, неосторожнымъ, подпавшимъ вліянію новыхъ идей. Началось для него странствованіе по всему свѣту. Сначала его пріютила Корея, потомъ Китай; тамъ онъ съ трудомъ пробивался,

давая уроки. Но въ одинъ прекрасный день онъ очутился на пароходѣ, плывущемъ въ Марсель. Денегъ у него было немного, но онъ мало думалъ о томъ, какъ придется жить въ Европѣ. Онъ былъ молодъ, силенъ, атлетически сложенъ, умѣренъ, не боялся лишеній; онъ вѣрилъ въ себя, въ свои силы, а кромѣ того у него были письма къ европейцамъ, которые могли ему помочь.

Но возвратиться въ отчизну ему удалось только черезъ долгіе, долгіе годы.□ □ □ □ □

За эти годы онъ узналъ западную цивилизацію, какъ рѣдко японецъ. Онъ странствовалъ по Европѣ и Америкѣ, жилъ во многихъ городахъ, трудился на многихъ поприщахъ, — интеллек-туально, но чаще физически; такимъ образомъ онъ изучилъ высшія и низшія проявленія, лучшія и худшія стороны этой жизни. Но онъ смотрѣлъ на нее глазами сына Востока и судилъ о ней не такъ, какъ судили бы мы. Западъ судить о Востокѣ такъ, какъ Востокъ судить о Западѣ. Чужестранецъ обезцѣниваетъ то, что особенно дорого туземцу; оба и правы и нѣтъ. Никогда не было полнаго взаимнаго пониманія и никогда не будетъ его.

□ Западъ предсталъ предъ нимъ величественнѣе,

чѣмъ онъ ожидалъ: это былъ міръ исполиновъ. У восточнаго эмигранта сердце часто щемило, и душа омрачалась; каждый, даже самый отважный американецъ или европеецъ, очутившись безъ средствъ и безъ друзей въ большомъ чужомъ городѣ, испыталъ бы то же самое. Его охватила неясная тревога, онъ чувствовалъ себя одинокимъ, потеряннымъ, среди миллиона куда-то, зачѣмъ-то спѣшащихъ людей, въ оглушительномъ шумѣ уличной суеты, подавленный чудовищной бездушной архитектурой, среди нагроможденныхъ несмѣтныхъ богатствъ, заставляющихъ мысль и руки работать подобно машинамъ до послѣднихъ предѣловъ, до послѣдней человѣческой возможности. Быть-можеть, въ его глазахъ такие города были тѣмъ же, чѣмъ Лондонъ былъ въ глазахъ Дорэ: огромнымъ храмомъ, посвященнымъ золотому тельцу, съ тяжелыми мрачными сводами въ глухихъ каменныхъ подземельяхъ, тянувшихся несмѣтными рядами; съ возведенными изъ камня горами, у подножья которыхъ работа горѣла, кипѣла, подобно волнамъ огнистаго моря; съ безконечными ущельями, гдѣ выставлялись на показъ результаты вѣковаго труда и усилий. Но среди этихъ нескончаемыхъ каменныхъ грудъ, — гдѣ пѣть ни солнца, ни неба, ни вѣтра, — ничто не затрагивало его эстетического чувства. Все, что насъ притягиваетъ въ большихъ городахъ,

его угнетало и отталкивало; даже блестящій Парижъ ему быстро наскучилъ.

Парижъ былъ первымъ большимъ городомъ, въ которомъ онъ поселился надолго. Французское искусство, — отраженіе утонченѣйшей эстетики, — его поразило, не восхитивъ. Особенно удивлялъ его культь голаго тѣла; въ его глазахъ это было откровеннымъ признакомъ въ слабости, которую онъ, какъ стоикъ, глубоко презиралъ, наравнѣ съ трусостью и отсутствиемъ чувства долга. Удивляла его и современная французская литература; изумительная красота слога была для него недоступна; а если бы онъ и понялъ ее, то все-таки счелъ бы такое исключительное служеніе эстетикѣ признакомъ соціального вырожденія. То, что онъ видѣлъ въ литературѣ и искусствѣ, онъ скоро нашелъ и въ роскошной жизни столицы. Въ оперѣ и въ театрѣ онъ на все смотрѣлъ глазами воина и аскета и удивлялся: то, что на Востокѣ считалось малодушіемъ, безуміемъ, тутъ составляло смыслъ жизни. На свѣтскихъ балахъ онъ видѣлъ обнаженіе женскаго тѣла, освященное законами моды, но возбуждающее чувства, отъ которыхъ японская женщина сгорѣла бы со стыда; и онъ опять удивлялся, что жители Запада находятъ неприличнымъ естественную здоровую наготу восточныхъ крестьянъ, работающихъ подъ палящими лучами лѣтняго

солнца. Онъ видѣлъ множество церквей и соборовъ, а рядомъ замки разврата и магазины, живущіе продажей безстыдныхъ статуй и картинъ. Онъ внималъ проповѣдямъ великихъ священниковъ - ораторовъ и слышалъ кощунственныя рѣчи противъ всякихъ вѣроученій; онъ видѣлъ богачей и нищихъ и видѣлъ бездонную пропасть, готовую поглотить и тѣхъ и другихъ. Но нигдѣ онъ не видѣлъ облагораживающаго вліянія религіи.

Этотъ міръ былъ міромъ безвѣрья, обмана, притворства, эгоизма и погони за наслажденіемъ; этимъ міромъ управляла политика, а не вѣра; быть сыномъ этого міра онъ за счастіе не могъ почитать!

Мрачная, величественная мощная Англія готовила ему иные проблемы. Онъ увидѣлъ ея несмѣтныя богатства на ряду со столь же несмѣтною нищетою и грязью, расплодившейся такъ обильно въ темныхъ закоулкахъ этой страны. Онъ видѣлъ огромныя гавани, загроможденныя достояніемъ многихъ странъ, — большею частью награбленныхъ; и онъ пришелъ къ заключенію, что современные англичане были такими же хищниками и грабителями, какъ ихъ предки. Онъ подумалъ: что, если эти миллионы людей хотя бы на мѣсяцъ лишатся возможности пользоваться трудомъ другихъ народовъ? Что станется съ ними? Въ этомъ

величайшемъ изъ городовъ онъ видѣлъ чудо-вищное распутство и пьянство, отъ которыхъ ночи превращались въ какие-то отвратительные кошмары; и онъ не понималъ ханжества, притворно слѣпого, глухого; не понималъ религії, творящей въ этомъ омутѣ благодарственныя молитвы; не понималъ ослѣпленія, посылающаго миссіонеровъ туда, гдѣ ихъ не было нужно; не понималъ легкомысленной благотворительности, еще способствующей распространению пороковъ и болѣзней. Онъ прочиталъ мнѣніе знаменитаго англичанина *), объѣздившаго много странъ, что десятая часть населенія Англіи — профессиональные преступники и нищіе. И все это, несмотря на міриады церквей и безчисленныя постановленія законовъ! Нѣть, въ Англіи, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, онъ видѣлъ мнимую власть религії, бывшей яко бы источникомъ всякаго прогресса. На улицахъ Лондона онъ видѣлъ обратное. Никогда онъ не встрѣчалъ ничего подобнаго въ буддійскихъ городахъ. Нѣть, эта цивилизациѣ была лишь продуктомъ проклятой борьбыдовѣрчиваго съ хитрымъ, слабаго съ сильнымъ; и сила, вступая въ союзъ съ хитростью, толкала слабаго въ пропасть. Въ Японіи самый дикий лихорадочный бредъ не могъ бы создать такого ужаса. А между

---

*) Альфредъ Рёссель Уолласъ.

тѣмъ онъ не могъ не признать подавляющихъ материальныхъ и интеллектуальныхъ результатовъ этихъ условій. И хотя окружающее его зло превышало всякую мѣру, онъ видѣлъ и много добра въ богатыхъ и бѣдныхъ. Безчисленная противорѣчія, поразительное сочетаніе добра и зла оставались для него неразрѣшимой загадкой.

Англійскую націю онъ любилъ больше другихъ. Представители англійскихъ привилегированныхъ классовъ напоминали ему самураевъ. Наружно сдержаные, холодные, они однако были способны на истинную дружбу и доброту; они чувствовали глубоко, а храбрость ихъ покорила полміра. Онъ собрался поѣхать въ Америку, чтобы тамъ изучить новое поле человѣческой дѣятельности; но отдѣльная національность уже перестали его интересовать; онъ въ его представленіи слились воедино; западная цивилизація стояла предъ нимъ, какъ нѣчто цѣлое, всепоглощающее, неумолимое; въ монархіи и въ республикѣ, при аристократическомъ и демократическомъ строѣ, — всюду она слѣдовала тѣмъ же законамъ желѣзной необходимости, всюду достигала тѣхъ же изумительныхъ результатовъ, всюду опиралась на основы и идеи, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыми жилъ далекій Востокъ. Живя среди этой цивилизаціи, онъ въ ней ничего

не могъ полюбить и ни о чёмъ не могъ пожалѣть, разставаясь съ нею навѣки. Она была для него далекой, чужой, какъ жизнь на другой планетѣ, подъ лучами иного, невѣдомаго солнца. Но, измѣряя ее мѣркою человѣческаго страданія онъ понималъ ея цѣну, понималъ ея грозную силу и предчувствовалъ неизмѣримое значеніе ея интеллектуального превосходства.

И онъ возненавидѣлъ ее! Ненавистенъ былъ ему этотъ огромный, безошибочно дѣйствующій механизмъ и устойчивость, основанная на вычисленіяхъ; ненавистна ея условность, алчность, слѣпая жестокость, ея ханжество, отвратительность нищеты и наглость богатства. Она показала ему бездонный упадокъ, но не показала идеаловъ, равноцѣнныхъ его юношескимъ идеаламъ. Это была огромная дикая война, и ему казалось положительно чудомъ, что на ряду со столь великимъ зломъ сохранилось еще такъ много истинной доброты. Дѣйствительное превосходство Запада было только интеллектуально: знаніе достигало головокружащихъ высотъ, но на этихъ высотахъ былъ вѣчный снѣгъ, и подъ нимъ застыла душа. Нѣть, неизмѣримо выше стояла древнеяпонская культура, культура души, проникнутая радостнымъ мужествомъ, простотой, самоотреченіемъ и умѣренностью; выше были ея запросы счастія и ея этическія стремленія,

святъе ея проникновенная вѣра. На Западѣ царило превосходство не этики, а интеллекта, изощряющагося въ способахъ угнетенія, уничтоженія слабаго сильнымъ.

А между тѣмъ наука доказывала съ неумолимой логикой, что власть западной цивилизациі будеть расти, все расти, и, наконецъ, зальетъ всю землю неизбѣжнымъ, необъятнымъ потокомъ мірового страданія.

Японія должна была подчиниться новымъ жизненнымъ формамъ, принять новые методы мышленія. Другого исхода не было. И его охватило величайшее изъ сомнѣній, передъ нимъ всталъ вопросъ, который преслѣдовалъ во всѣ времена и всѣхъ мудрецовъ: вопросъ о нравственности мірового порядка. На этотъ вопросъ буддизмъ далъ глубочайший отвѣтъ.

Но нравственны ли міровые законы, — съ несовершенной человѣческой точки зрѣнія, — или нѣтъ, — одно было несомнѣнно, непоколебимо никакой логикой: человѣкъ *долженъ* всѣми силами стремиться къ достижению высшихъ этическихъ идеаловъ, стремиться до невѣдомыхъ граней, стремиться, хотя бы свѣтила небесная преградили его путь.

Необходимость заставитъ японцевъ принять чужую науку и многое изъ виѣшнихъ проявленій чужой цивилизациі. Но никогда они не отрекутся отъ своихъ идеаловъ, отъ своихъ понятій

о злѣ и добрѣ, о правдѣ, долгѣ и чести. Медленно въ его душѣ назрѣвало рѣшеніе; назрѣло, воплотилось и сдѣлало его впослѣдствіи учителемъ и вождемъ своего народа. Онъ рѣшилъ всѣ свои силы положить на то, чтобы сохранить все лучшее въ наслѣдіи старины; онъ рѣшилъ храбро бороться противъ всѣхъ нововведеній, которыхъ не требовало самосохраненіе и саморазвитіе націи. Конечно, онъ могъ потерпѣть неудачу, могъ погибнуть, но могъ и спасти изъ обломковъ много цѣннаго. Безумная расточительность на Западѣ произвела на него больше впечатлѣнія, чѣмъ ея жажды наслажденій и способность страдать. Въ чистенькой бѣдности своего народа онъ видѣлъ силу, въ самоотверженной бережливости — единственный способъ борьбы съ Западомъ. Никогда онъ не оцѣнилъ бы такъ глубоко красоты и преимуществъ своей родины, если бы не позналъ чужой культуры. Онъ томился въ ожиданіи дня, когда ему снова будетъ дано вернуться на родину.□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Въ прозрачномъ полумракѣ апрѣльскаго утра, передъ восходомъ солнца, онъ снова увидѣлъ горы отчизны, безоблачное небо надъ темной, темной водой, надъ темно-фиолетовыми

цѣпями горныхъ вершинъ. Пароходъ съ изгнаникомъ подходилъ все ближе къ родной землѣ, а за нимъ горизонтъ понемногу занимался багровой зарей. На палубѣ собирались пассажиры; они ждали, когда покажется Фуджи-Яма; впечатлѣніе, которое производить эта гора, остается навѣки, — его не забудешь ни въ этой жизни ни въ жизни загробной...

Они смотрѣли въ глубокій мракъ ночи, въ которомъ ступенями поднимались зубчатыя вершины горъ-великановъ; звѣзды еще не померкли, по Фуджи-Яма еще не было видно.

Одинъ офицеръ замѣтилъ, смѣясь:

«Такъ вы ее не увидите; смотрите выше, все выше...»

Они подняли глаза, смотрѣли все выше и выше, въ самое сердце небесъ, — и увидали вершину, зардѣвшуюся розовымъ свѣтомъ въ зарѣ нарождающагося дня, какъ призрачный, распускающійся лотосъ. Они безмолвно смотрѣли, зачарованные красотой...

Вѣчный снѣгъ загорѣлся золотымъ блескомъ и потухъ, когда солнце залило его своими лучами. Казалось, будто вершина волшебной горы парила надъ всей горной цѣпью, близкая звѣздамъ. Подножіе еще тонуло во мракѣ. Ночь исчезала; нѣжный блѣдный свѣтъ скользилъ по небосклону; пробуждаясь, вспыхивали звѣста. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Передъ взорами путешественниковъ развернулся заливъ Іокогамы со священной горой; вершина горы казалась призракомъ, окутаннымъ снѣгомъ, въ шири и высоти небесной, надъ невидимой глубиной.

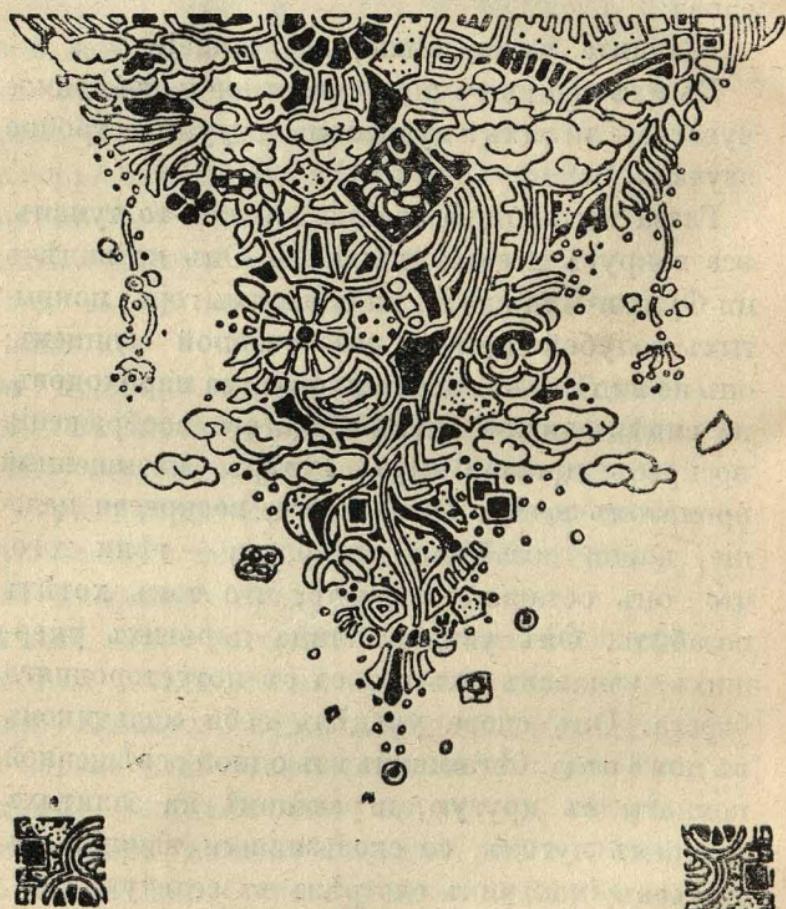
Въ ушахъ путешественниковъ еще звучали слова:

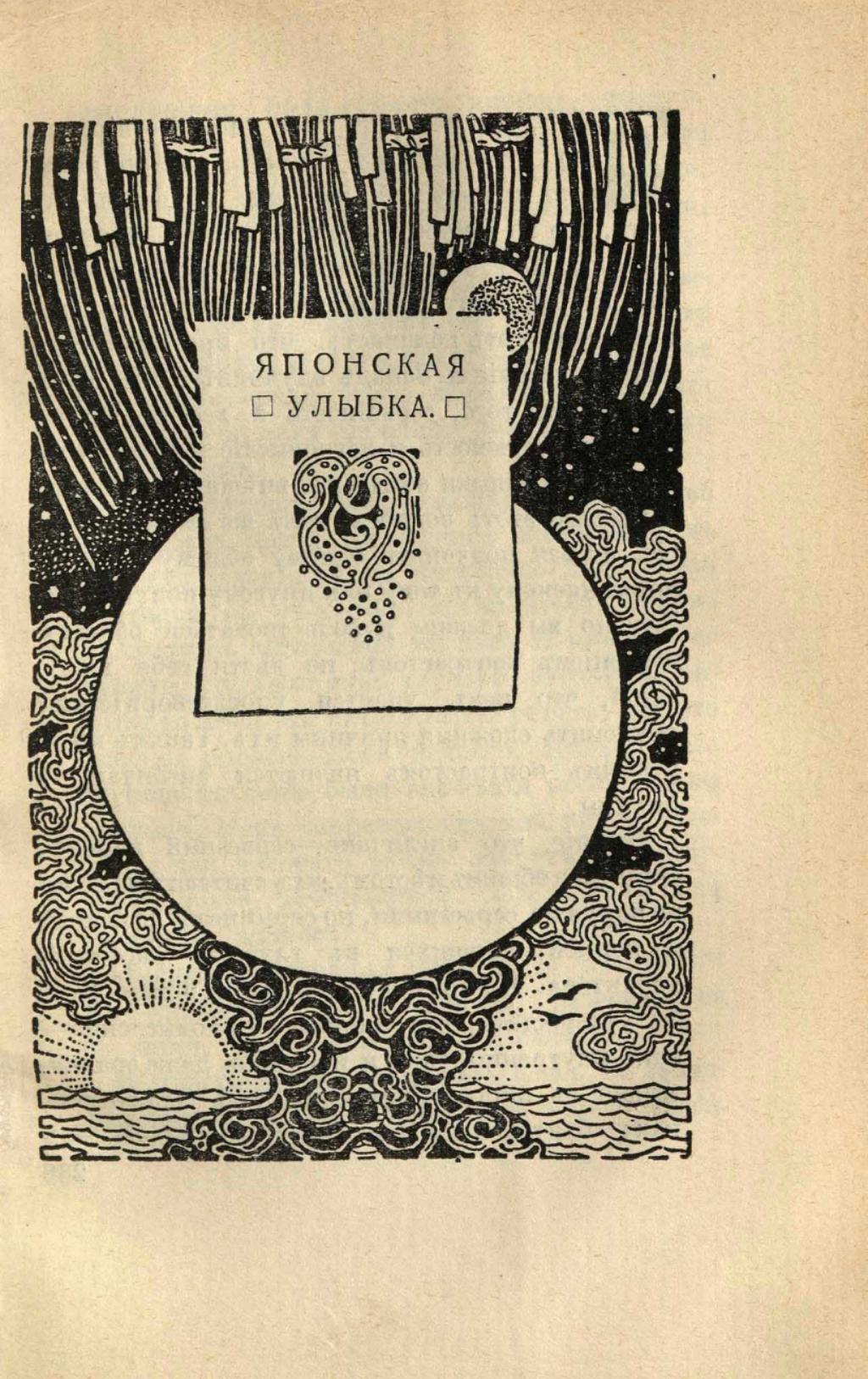
«Глядите выше, выше, все выше!»

Въ ихъ сердцахъ росло властное непоборимое чувство, и ихъ душевныя струны стройно звучали.

Глаза изгнанника застлалъ какой-то туманъ, все вокругъ исчезло для него. Онъ не видѣлъ ни Фуджи-Яма вдали, ни близкихъ горъ, покрытыхъ голубой дымкой, позолоченной солнцемъ; онъ не видѣлъ въ гавани множества пароходовъ, не видѣлъ новой Японіи. Въ его воображеніи воскресъ древній міръ; вѣтеръ, насыщенный ароматомъ весны, касался его, воскресая далекіе, давно позабытые призраки, — тѣни того, что онъ оставилъ когда-то, что такъ хотѣлъ позабыть. Онъ увидѣлъ лица дорогихъ умершихъ, узнавалъ ихъ голоса съ потусторонняго берега. Онъ снова увидѣлъ себя мальчикомъ въ домѣ отца, бѣгающимъ изъ одной освѣщенной комнаты въ другую, играющимъ на залитыхъ солнцемъ лугахъ, со скользящими тѣнями отъ листьевъ; мальчикъ смотрѣлъ въ зеленую даль, где все было такъ нѣжно мечтательно, мирно...

Онъ почувствовалъ будто прикосновеніе материнской руки, ведущей малютку, семенящаго ножонками, на утреннюю молитву къ алтарю, посвященному предкамъ. И губы взрослаго человѣка зашептали, внезапно понявъ тайный ихъ смыслъ, простыя слова дѣтской молитвы...

ЯПОНСКАЯ
□ УЛЫБКА. □

ОТЪ, кто черпаетъ свое знаніе о мірѣ съ его чудесами изъ однихъ только романовъ и повѣстей, все еще склоненъ думать, что на Востокѣ люди серьезнѣе, чѣмъ на Западѣ. Но кто проникаетъ въ жизненные явленія глубже, тотъ приходитъ къ обратному заключенію; тотъ понимаетъ, что при существующихъ условіяхъ Западъ вдумчивѣе Востока и что, кромѣ того, серьезность и веселіе, вдумчивость, угрюмость и легкомысліе могутъ быть лишь усвоенными обычаемъ, внѣшними ликами.

Однако этотъ вопросъ, такъ же какъ и другіе, нельзя подчинить одному общему закону, примѣняемому къ тому или другому полушарію. Научно мы должны довольствоваться общимъ изученіемъ контрастовъ, не льстя себя надеждой, что намъ удастся удовлетворительно объяснить сложные причины ихъ. Такимъ интереснымъ контрастомъ являются англичане и японцы.

Мнѣніе, что англичане—серезный народъ, стало уже общимъ мѣстомъ, ихъ считаютъ не только наружно серьезными, но серіозными до основъ и корней, таящихся въ глубинѣ рassovаго характера. На томъ же основаніи можно было бы утверждать, что японцы легкомысленны—какъ внутренно, такъ и наружно, даже сравнительно съ народностями не столь серьезными, какъ британская. И это качество дѣлаетъ ихъ

счастливыми; быть - можетъ японцы—счастливѣйшій изъ цивилизованныхъ народовъ, чего про нась, угрюмыхъ представителей Запада, нельзя сказать; мы даже не отдаемъ себѣ отчета, насколько мы серьезны, и мы вѣроятно испугались бы, узнавъ, насколько ростъ промышленной жизни способенъ еще увеличить эту черту характера. Быть-можетъ, только долгое пребываніе среди болѣе легкомысленнаго народа дало бы намъ настоящее пониманіе нашего темперамента.

Это убѣжденіе непреодолимо возникло во мнѣ, когда, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ глубинѣ Японіи, я на нѣсколько дней снова очутился въ открытой гавани Кобэ, лицомъ къ лицу съ англійской жизнью. Я никогда не думалъ, что меня такъ глубоко потрясетъ англійская рѣчь въ англійскихъ устахъ; но это волненіе продолжалось недолго. Цѣлью моего пріѣзда въ Кобэ были кое-какія необходимыя покупки. Меня сопровождалъ мой другъ, японецъ, для которого жизнь вокругъ была чуждой, новой, необычайной. Онъ задалъ мнѣ странный вопросъ:

«Почему иностранцы никогда не улыбаются? Вы улыбаетесь и кланяетесь, разговаривая съ ними, а они—никогда. Почему?»

И дѣйствительно, прервавъ связь съ западной жизнью, я усвоилъ японскій обычай. Лишь

послѣ словъ моего друга я понялъ мое, нѣсколько странное, поведеніе; его слова выражали, какъ нельзя лучше, насколько трудно взаимное пониманіе двухъ разныхъ племенъ: каждое судить обычай и побужденія другого по себѣ,—и судить ложно. Японцы удивляются англійской суровости, а англичанъ удивляетъ японское легкомысліе. Японцы говорятъ о чужестранныхъ «злыхъ лицахъ», а жители Запада съ презрѣніемъ относятся къ «японской улыбкѣ», считая ее неискренней. И лишь немногіе, болѣе чуткіе, видятъ въ японской улыбкѣ загадочное явленіе, въ которое стоитъ глубже проникнуть. Одинъ изъ моихъ друзей въ Іокогамѣ, премилый человѣкъ, большую часть своей жизни прожившій въ открытыхъ гаваняхъ на Востокѣ, сказалъ мнѣ передъ моимъ отѣздомъ въ сердце страны:

«Вы теперь собираетесь изучать японскую жизнь; такъ не сумѣете ли вы объяснить мнѣ одно непонятное явленіе: я не могу понять японской улыбки,—я не постигаю ее. Позвольте разсказать вамъ одинъ изъ многихъ случаевъ моей жизни: однажды, спускаясь съ крутого откоса, я встрѣтился на поворотѣ рикшу съ пустой телѣжкой, идущаго съ той же стороны дороги, по которой ходилъ и я. Удержать во время лошадей я не могъ бы даже при желаніи. Но я и не пытался ихъ удержать, такъ какъ не ду-

маль о какой-либо опасности; я только крикнулъ по-японски, чтобы онъ свернуль съ моего пути; но онъ только прислонилъ куруму къ утесу, оглоблями наружу. Я мчался такъ скоро, что не могъ удержать лошадей; не успѣль я опомниться, какъ моя лошадь наѣхала на оглоблю; рикша остался невредимымъ. При видѣ окровавленной лошади, я потерялъ всякое самообладаніе и со всего размаха кнутомъ ударили рикшу по головѣ. Онъ прямо посмотрѣль мнѣ въ глаза, улыбнулся и поклонился. Эта улыбка меня совершенно ошеломила, гнѣвъ мой сразу исчезъ... Замѣтьте, это была вѣжливая улыбка. Но что означала она? Почему онъ, чортъ возьми, улыбался? Никогда я этого не пойму...»

Въ то время не понималъ этого и я. Но со временемъ я научился понимать значеніе еще болѣе загадочныхъ улыбокъ. Японецъ способенъ улыбаться, смотря въ глаза смерти, и онъ обыкновенно умираетъ съ улыбкой... Это не упрямство, не лицемѣріе и еще менѣе улыбка устала го смиренія, которую мы склонны отожествлять со слабостью... Напротивъ, это утонченныйѣйшій этикетъ, утвердившійся въ теченіе долгихъ лѣтъ. Японская улыбка краснорѣчиѳ словъ, но всякая попытка разгадать ее по западнымъ правиламъ физіономистики окажется столь же тщетной, какъ попытка понять китайскіе іероглифы по ихъ дѣйствительному

или кажущемуся сходству со знакомыми намъ изображеніями.

Наши первыя впечатлѣнія преимущественно инстинктивны, и научно за ними признается нѣкоторое значеніе. Такъ и первое впечатлѣніе, вызываемое японской улыбкой, недалеко отъ истины. Счастливое, улыбающееся выраженіе лица японца поражаетъ насть, и это первое впечатлѣніе въ большинствѣ случаевъ очень пріятно. Вначалѣ японская улыбка чаруетъ; лишь послѣ, когда видишь ее при самыхъ несоответствующихъ обстоятельствахъ—въ минуты печали, боли, разочарованія—насть охватываетъ недовѣріе; иногда, при слишкомъ явномъ несоответствіи съ окружающимъ, она можетъ вызвать даже гнѣвъ.

Эта улыбка бываетъ часто причиной недоразумѣнія между хозяевами-иностранцами и туземными служащими. Кто придерживается британской традиціи, по которой хороший слуга долженъ быть важнымъ и сдержаннымъ, тотъ не въ состояніи терпѣливо снести улыбки своего „boy“. И японцы уже начинаютъ считаться съ этой западной причудой: замѣтивъ, что англичанинъ въ большинствѣ случаевъ ненавидитъ улыбку и склоненъ принять ее за обиду, японскіе рабочіе въ открытыхъ гаваняхъ перестали улыбаться и показываютъ угрюмые лица. □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

При этомъ мнѣ вспоминается странный случай, рассказанный одной дамой изъ Іокогамы о ея служанкѣ-японкѣ:

«Нѣсколько дней тому назадъ приходитъ ко мнѣ моя служанка и, улыбаясь, будто случилось нѣчто необыкновенно пріятное, говоритъ мнѣ, что мужъ ея умеръ, а она просить позволенія пойти отдать ему послѣдній долгъ. Я, конечно, разрѣшила. Кажется, его тѣло должны были сжечь. Вечеромъ она возвращается, показываетъ мнѣ урну, а въ ней немногого пепла и уцѣлѣвшій зубъ. «Вотъ это мой мужъ», говоритъ она и, вы не повѣрите, но она засмѣялась при этомъ. Можете ли вы представить себѣ нѣчто болѣе отвратительное?...»

Было бы напрасно убѣждать разсказчицу, что не безсердечіе руководило служанкой; наоборотъ: ея поведеніе было полно героизма и трогательнаго самоотреченія. Но въ такихъ случаяхъ виѣшнее проявленіе способно ввести въ заблужденіе не только ограниченнаго филистера. А къ сожалѣнію среди иностранцевъ, поселившихся въ открытыхъ гаваняхъ Японіи, много филистеровъ; они и не думаютъ заглянуть вглубь окружающей ихъ жизни. Мой другъ

изъ Іокогамы, разсказавшій мнѣ исторію съ курумой, былъ проницательнѣе другихъ и не рѣшался судить по виѣшнему впечатлѣнію. Не-пониманіе японской улыбки часто вело къ роковымъ послѣдствіямъ; такъ, напримѣръ, въ давнемъ случаѣ нѣкоего N, старого іокогам-скаго купца. N пригласилъ къ себѣ въ домъ, —кажется, въ качествѣ учителя—симпатич-наго старого самурая, съ косой и двумя са-блями, по обычаю того времени. И въ наше время англичане и японцы не особенно хорошо пони-маютъ другъ друга, а въ тѣ времена они были еще дальше другъ отъ друга.

Въ началѣ туземцы-служащіе вели себя въ домахъ иностранцевъ какъ въ японскомъ знат-номъ домѣ. Эта невинная ошибка часто вызы-вала иностранцевъ на самоуправство и жесто-кость. Но скоро пришлось убѣдиться, что опасно обращаться съ японцами, какъ съ не-грами Вестъ-Индіи. Многихъ иностранцевъ уби-ли, и это имѣло хорошія нравственные послѣд-ствія...

Но я отклоняюсь...

Итакъ N былъ очень доволенъ своимъ ста-ричкомъ-самураемъ, хотя совершенно не пони-маль и не оцѣнивалъ его восточной учтивости: его земныхъ поклоновъ, маленькихъ случайныхъ подарковъ и тому подобныхъ привычекъ.

□ Однажды старикъ явился съ просьбой объ

услугъ. Кажется, это былъ канунъ японскаго Новаго Года, когда всѣмъ нужны деньги, по причинамъ, объяснять которыхъ было бы слишкомъ долго. Старикъ просилъ Н. ссудить ему подъ залогъ одной изъ сабель—кажется, длинной — небольшую сумму. Оружіе было роскошное, и купецъ, оцѣнивъ его, безъ размышенія далъ старику взаймы требуемую сумму. Чрезъ нѣсколько недѣль старики уже былъ въ состояніи выкупить свою саблю. Что было причиной послѣдующаго рокового исхода, никто не могъ бы сказать,—быть-можетъ первы Н. были разстроены... Какъ бы то ни было, но въ одинъ прекрасный день онъ очень разсердился на старика, который на гнѣвныя слова отвѣчалъ лишь улыбкой и киваніемъ головы. Это еще болѣе разожгло гнѣвъ купца, и онъ разразился потокомъ обидныхъ для старика словъ. Но старики только улыбался и кланялся. Н. въ бѣшенствѣ выгналъ его изъ комнаты; но старики продолжалъ улыбаться и кланяться. Тогда Н., потерявъ всякое самообладаніе, въ порывѣ слѣпого раздраженія ударилъ старика... Но вдругъ Н. похолодѣлъ отъ ужаса: большая сабля мгновенно обнажилась и блеснула передъ его глазами, а старики внезапно помолодѣлъ... Лезвие же японской сабли очень остро, и значеніе его роковое: одно мановеніе умѣлой руки—и голова противника летитъ съ плечъ.

Но каково было изумление N., когда старики съ ловкостью искусного воина быстро снова вложилъ саблю въ ножны, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Пораженный N. задумался глубоко... ему вспомнились различные милые и трогательные особенности старика: его скромная простая, сердечная доброта, услуги, которыхъ никто не требовалъ и не цѣнилъ, его безусловная честность... N. почувствовалъ что-то въ родѣ стыда, но постарался утѣшить себя тѣмъ, что то была вина самого старика: «Какое онъ имѣть право смыться мнѣ въ лицо, когда я сержусь?...»

Онъ даже рѣшилъ извиниться при случае...

Но этотъ случай никогда не представился больше, потому что въ тотъ же вечеръ старики по обычай самураевъ, совершилъ надъ собою «харакири».

Въ безукоризненно написанномъ письмѣ онъ изложилъ причины, побудившія его покончить разсчеты съ жизнью: получить незаслуженный ударъ, не отомстивъ за позоръ,—это оскорблѣніе, котораго самурай пережить не можетъ. Онъ получилъ такой ударъ, и при другихъ условіяхъ, конечно, отомстилъ бы за позоръ,—но тутъ обстоятельства были особыя:—самурайскій кодексъ чести запрещаетъ обнажать саблю противъ человѣка, которому она въ минуту нужды была заложена за деньги. Итакъ, не будучи

въ состояніи воспользоваться саблей, чтобы отомстить за обиду, ему ничего не остается, кроме благородного самоубийства...

Чтобы смягчить тяжелое впечатлѣніе вызванное этимъ разсказомъ, я предоставляю читателю вообразить, что Н. действительно былъ глубоко огорченъ и великодушно позаботился о судьбѣ родственниковъ покойнаго. Но пусть читатель не думаетъ, что бы Н. когда-либо могъ понять улыбку старика,—улыбку, вызвавшую обиду и роковой исходъ.

□ □ □ □ □ □ □

Чтобы понять японскую улыбку, необходимо проникнуть въ древнюю, самобытную жизнь японского народа. Въ зараженныхъ современной культурой привилегированныхъ классахъ ничему не научишься. Глубокое значеніе рассованого различія съ каждымъ днемъ возрастаетъ подъ вліяніемъ цивилизациі.

Вмѣсто того, чтобы увеличить обоюдное пониманіе, она увеличиваетъ пропасть между Западомъ и Востокомъ. Иностранцы, наблюдавшіе японцевъ со стороны, придерживаются того мнѣнія, что причина этого отчужденія—чрезмѣрное развитіе нѣкоторыхъ качествъ, напримѣръ, врожденного материализма, еле замѣтнаго въ низшихъ классахъ. Это объясненіе

меня не совсѣмъ удовлетворяетъ, но одно несомнѣнно: чѣмъ образованнѣе по нашимъ понятіямъ японецъ, тѣмъ дальше онъ отъ насъ душою. Подъ вліяніемъ новой культуры характеръ его кристаллизовался во что-то своеобразно-непроницаемое и жесткое по западнымъ понятіямъ. Повидимому душою японскій ребенокъ намъ гораздо ближе японца-ученаго, крестьянинъ—ближе государственного дѣятеля. Между культурнымъ, высокообразованнымъ современнымъ японцемъ и западнымъ мыслителемъ нѣтъ созвучія интеллектовъ. Вместо симпатіи мы въ японцѣ находимъ по отношенію къ намъ лишь холодную корректную вѣжливость. И кажется, что то, что въ другихъ странахъ способствуетъ развитію души, здѣсь,—какъ это ни странно,—подавляетъ его. Мы, на Западѣ, привыкли думать, что чутко и высоко настроенная душа—следствіе развитаго интеллекта. Но было бы грубой ошибкой примѣнять этотъ взглядъ и къ Японіи. Даже въ школѣ учитель-иностраницъ чувствуетъ, какъ съ каждымъ годомъ, переходя въ высшій классъ, ученики удаляются отъ него; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ пропасть разрастается еще быстрѣе, и къ поступленію въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе между студентомъ и профессоромъ устанавливаются только офиціальные отношения. Эта загадка можетъ быть до

нѣкоторой степени физиологическая, требующая научного объясненія. Но разгадку ея прежде всего слѣдуетъ искать въ жизненныхъ привычкахъ, унаследованныхъ отъ предковъ и въ фантазіи, насыщенной представлениями изъ тьмы глубокихъ временъ. До дна исчерпать этотъ вопросъ удастся лишь, ознакомившись съ его естественными причинами, а это не такъ-то просто.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, современное воспитаніе въ Японіи не могло еще поднять душевной жизни до тѣхъ высотъ, на которыхъ вибрируетъ наша западная душа. Они говорятъ, что это воспитаніе было не всеобъемлюще и не мудро, дѣйствовало односторонне и въ ущербъ характеру. Но исходная точка этой теоріи требуетъ еще доказательства: можно ли вообще создать воспитаніемъ характеръ? Эта теорія не считается съ фактами, что лучшіе результаты достигаются лишь созданиемъ простора для самоутвержденія врожденныхъ наклонностей, а ни системой обученія, какова бы она не была.

Надо искать причину занимающаго нась явленія въ рассовыхъ особенностяхъ. Какъ ни велико будетъ вліяніе высшей культуры въ будущемъ, однако отъ нея нельзя ожидать, чтобы она пересоздала человѣческую природу. И не заглушаетъ ли она теперь нѣкоторыхъ,

неуловимыхъ движенийъ души? Я думаю, что это такъ, потому что при существующихъ условіяхъ требование культуры поглощаютъ всѣ духовныя и нравственныя силы. Весь чудесный древній национальный духъ, исполненный терпѣнія, чувства долга, самоотреченія, стремился въ прежнія времена къ соціальнымъ, нравственнымъ или религіознымъ идеаламъ; теперь же, подъ давленіемъ дисциплины современного воспитанія, духъ сконцентрировался на достиженіи единой цѣли, не только требующей, но совершенно поглощающей всѣ его силы.

Достиженіе этой цѣли сопряжено съ такими трудностями, которыя западному студенту едва ли знакомы и, быть-можетъ, просто непонятны. Качества, столь удивляющія насъ въ древне-японскомъ национальномъ характерѣ, проявляются навѣрное и въ современномъ японскомъ студентѣ съ его неутомимостью, воспріимчивостью и честолюбіемъ, равныхъ которымъ нѣть на всемъ свѣтѣ. Но эти же качества толкаютъ его слишкомъ далеко, и онъ напрягаетъ свои природныя способности часто до полнаго умственного и нравственного истощенія. Вся нація переживаетъ періодъ интеллектуального переутомленія. Сознательно ли, безсознательно ли, но Японія, повинуясь внезапной необходимости, предприняла ни болѣе ни менѣе какъ огромную задачу: насиЛЬственно довести

умственный расцвѣтъ до высшей точки. Такое интеллектуальное развитіе въ теченіе лишь нѣсколькихъ поколѣній ведетъ за собою физиологическая измѣненія, которыя никогда не обходятся безъ ужасающихъ жертвъ. Другими словами, Японія поставила себѣ слишкомъ большую задачу; впрочемъ, при существующихъ условіяхъ ей врядъ ли можно было поступить иначе. Къ счастью правительственная система воспитанія поддерживается даже бѣднѣйшими классами съ изумительнымъ рвеніемъ. Вся нація набросилась на ученіе съ такимъ воодушевленіемъ, о которомъ въ узкихъ рамкахъ этой статьи нельзя дать даже приблизительного понятія.

Но мнѣ хочется привести по крайней мѣрѣ одинъ трогательный примѣръ. Непосредственно послѣ ужаснаго землетрясенія въ 1891 году можно было видѣть въ разрушенныхъ городахъ Гифи и Айки голодныхъ, иззябшихъ, безпріютныхъ дѣтей. Окруженныя неописуемымъ ужасомъ и нищетой, они сидѣли въ пыли и пеплѣ разрушенаго дома и учились, какъ въ обыкновенное время, не обращая вниманія на то, что происходило вокругъ. Кусочекъ черепицы съ крыши родного разрушенаго дома служилъ аспидной доской, горсточка известіи замѣняла мѣль, — а земля подъ ними еще колебалась!

□ Сколько чудесъ можно еще ожидать отъ

такої ошеломляючої енергії въ стремлениі къ просвѣщенію?!

Но надо сознаться, что результаты современаго высшаго образованія не всегда были удачны. Среди японцевъ старого закала мы встрѣчаемъ вѣжливость, самоотреченіе, чисто-сердечную доброту, достойную похвалы и восхищенія. Въ новомъ же поколѣніи, на которое современный духъ наложилъ свой отпечатокъ, все это исчезло почти безслѣдно. Появился модный типъ молодого человѣка, съ насыщкой относящагося къ обычаямъ старины, а между тѣмъ неспособнаго пойти дальше вульгарного подражанія и пошлыхъ скептическихъ обобщеній. Гдѣ обаятельный, благородныя качества, которыя они должны были бы унаследовать отъ отцовъ?! Быть-можетъ прекрасное наслѣдіе въ нихъ превратилось въ простое честолюбіе, неизмѣримо большое, исчерпавшее весь характеръ, лишивъ его силы и равновѣсія.□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Чтобы понять значеніе наиболѣе рѣзкихъ различій между національнымъ чувствомъ и душевными проявленіями на Западѣ и на Дальнемъ Востокѣ, надо проникнуть въ жизнь низшихъ народныхъ слоевъ, гдѣ все еще живо

и самобытно. Въ общеніи съ этими кроткими маленькими людьми, преисполненными сердечной доброты, одинаково улыбающимися и жизни и смерти, мы еще встрѣтимъ духовное родство, когда дѣло касается простыхъ, естественныхъ вещей; и если мы дружески, съ симпатіей, прислушаемся къ нимъ, мы понемногу поймемъ ихъ улыбку.

Японскій ребенокъ родится съ этой счастливой способностью, и ее тщательно ростятъ во все время домашняго воспитанія. Ее лепятъ и развиваютъ въ немъ такъ же заботливо, какъ ростъ садового растенія. Улыбкъ учать, какъ учать поклону, паденію ницъ, звучному втягиванію воздуха ртомъ, — знаку радости при встрѣчѣ съ лицомъ выше стоящимъ, — какъ учать вообще всему, чего требуетъ изысканный этикетъ старомодной вѣжливости. Улыбку должна вызывать не только радость, не только разговоръ съ лицомъ выше стоящимъ или равнымъ, нѣть, она должна озарять лицо и во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ жизни — этого требуетъ хорошее воспитаніе. Улыбающееся лицо пріятно для глазъ; а показывать родителямъ, родственникамъ, учителямъ, друзьямъ и покровителямъ пріятное лицо — одно изъ жизненныхъ правилъ. То же правило требуетъ казаться всегда счастливымъ, производить на другихъ насколько возможно пріятное впечатлѣніе. Пусть сердце

разрывается отъ горя,—свѣтскій домъ требуетъ улыбки. Серьезный, а еще болѣе несчастный видъ считается невѣжливымъ: вѣдь тѣмъ, кто насъ любить, мы причиняемъ этимъ заботу и горе; а въ тѣхъ, кто насъ не любить, вызываемъ лишь праздное любопытство, а это неразумно. И улыбка, привычная съ дѣтства, становится уже инстинктивной. Въ сознаніи бѣднѣйшаго крестьянина живетъ убѣжденіе, что выражать на лицѣ своею личную скорбь или злобу безполезно и притомъ всегда тяжело для другихъ. И хотя горе въ Японіи, какъ и вездѣ, естественно выражается въ слезахъ, несдержанное рыданіе въ присутствіи гостей или лицъ выше стоящихъ считается невѣжливымъ; и если даже у простой необразованной крестьянки нервы не выдержатъ и она разразится слезами, она тотчасъ же скажетъ:

«Простите, что я отдалась своему чувству; я была очень невѣжлива по отношенію къ вамъ!..»

Необходимо замѣтить, что улыбки требуетъ не только этика, но до нѣкоторой степени и эстетика. Отчасти въ основѣ ея лежитъ та же идея, которая въ греческомъ искусствѣ управляла выраженіемъ страданія. Но все-таки улыбка въ гораздо большей степени этична, чѣмъ эстетична,—это мы увидимъ сейчасъ.

Изъ первоначального главнаго этикета улыбки развился второстепенный, часто вызывающій

въ иностранцахъ самое ложное толкованіе японской души. Национальный обычай требуетъ съ улыбкой сообщать о печальномъ, даже потрясающемъ событии. Чѣмъ горестнѣе обстоятельства, тѣмъ выразительнѣе улыбка; а если случай особенно трагиченъ для передающаго, то нерѣдко улыбка переходитъ въ тихій нѣжный смѣхъ. Мать, потерявшая первенца, горько рыдаетъ во время погребальныхъ церемоній; но если она у васъ служить, то вѣроятно сообщитъ вамъ о своей потерѣ съ улыбкой. Она раздѣляетъ мнѣніе буддійскихъ жрецовъ, что есть время для смѣха, какъ есть время для слезъ.

Долго я самъ не понималъ, какъ люди, только что потерявшие любимаго, близкаго человѣка, могутъ сообщать о его смерти со смѣхомъ. Но смѣхъ этотъ—вѣжливость, доведенная до высшей грани самозабвенія; смѣхъ этотъ говорить:

«Вы по своей добротѣ сочтете это печальнымъ событиемъ, но не сокрушайте своего сердца такимъ пустякомъ; простите, что необходимость заставляетъ меня нарушить законъ вѣжливости и заговорить объ этомъ».

Ключъ, раскрывающій тайну непонятнѣйшей изъ улыбокъ,—это японская вѣжливость. Слуга, которому за проступокъ грозить увольненіе со службы, падетъ ницъ и съ улыбкой просить прощенія. Улыбка эта не дерзка, не безчувственна, наоборотъ, она говоритъ:□□□

□ «Будьте увѣрены, что я проникнутъ спра-
ведливостю вашего просвѣщенного приговора,
что я сознаю всю тяжесть моего проступка;
но мое горе и мое бѣдственное положеніе да-
ютъ мнѣ надежду, что моя недостойная мольба о
прощеніи будетъ услышана вами».

Мальчикъ или дѣвочка, уже стыдящіеся дѣт-
скихъ слезъ, принимаютъ наказаніе съ улыбкой
и словами:

«Въ моемъ сердцѣ нѣть недоброго чувства;
я заслуживаю гораздо худшаго».

И курумайя, ударенный моимъ другомъ,
улыбался по той же причинѣ; и мой другъ без-
сознательно понялъ это, потому что улыбка
курумайя его тотчасъ же обезоружила.

«Я очень виноватъ передъ вами, вашъ гнѣвъ
справедливъ, я заслужилъ ударъ, и поэтому
во мнѣ нѣть злобы на васъ», говорила эта улыбка.

Но несправедливости не перенесетъ спокойно
даже самый бѣдный, самый кроткій японецъ;
это необходимо понять. Его внѣшняя покор-
ность главнымъ образомъ основана на нрав-
ственномъ чувствѣ. Иностранецъ, которому
вздумается ударить японца въ порывѣ заносчи-
вости, безъ повода, скоро убѣдится въ своей
роковой ошибкѣ. Японцы не шутятъ, и за такие
грубые поступки многие уже поплатились жизнью.

Однако, несмотря на всѣ вышеизложенные
объясненія, случай съ японской служанкой

долженъ все-таки казаться непонятнымъ. Впрочемъ, лишь потому, что рассказчица не замѣтила или упустила изъ вида нѣкоторые факты. Въ первой половинѣ разсказа все, кажется, ясно: сообщая о смерти мужа, молодая служанка улыбалась, согласно упомянутому выше этикету. Но совершенно невѣроятно, чтобы она по собственному побужденію обратила вниманіе хозяйки на содержаніе урны. Очевидно, она достаточно знала японскій этикетъ вѣжливости, потому что улыбнулась, сообщая о смерти мужа; и этотъ же этикетъ долженъ былъ ее удержать отъ неприличія второго поступка. Показать урну она могла лишь по требованію хозяйки, — дѣйствительному или предполагаемому. И при этомъ, конечно, послышался нѣжный смѣхъ, всегда сопровождающій неизбѣжное исполненіе печального долга или вынужденное мучительное объясненіе. Я думаю, ей пришлось удовлетворить праздное любопытство хозяйки. Ея улыбка или смѣхъ говорили, быть-можеть:

«Да не взволнуются ваши драгоценныя чувства моимъ недостойнымъ сообщеніемъ; съ моей стороны, право, очень нескромно даже по вашему милостивому повелѣнію упоминать о такомъ презрѣнномъ обстоятельствѣ, какъ мое горе».

□ Но нельзя считать японскую улыбку чѣмъ-то

въ родѣ «sourire figé», чѣмъ-то въ родѣ постоянной маски, скрывающей душу. Наравнѣсь другими вопросами этикета, и здѣсь дѣйствуетъ извѣстный законъ, различный для различныхъ слоевъ общества. Старые самураи въ общемъ не были склонны улыбаться при каждомъ удобномъ случаѣ: они приберегали свою любезность для лицъ высокопоставленныхъ или проявляли ее въ тѣсномъ семейномъ кругу; по отношенію къ подчиненнымъ они, очевидно, держали себя величественно и строго. Торжественный обликъ шинтоистского духовенства общеизвѣстенъ; а суровость законовъ Конфуція въ теченіе столѣтій отражалась на внѣшности чиновниковъ и правительственныйхъ лицъ. Издревле дворянство проявляло еще болѣе гордую сдержанность, и торжественность росла съ каждой ступенью ранговъ,—все выше до того страшнаго церемоніала, которымъ былъ окруженъ Тенши-Сама (микадо), лика котораго ни одинъ смертный не долженъ былъ видѣть.

Но въ частной жизни обращеніе даже высокопоставленныхъ лицъ отличается любезной непринужденностью; и если не считать нѣкоторыхъ исключеній, на которыхъ современная мода наложила свой отпечатокъ, мы видимъ и въ наше время, что дворянинъ, судья, верховный жрецъ, министръ, офицеръ, въ промежуткахъ между исполненіемъ служебныхъ обязанностей,

дома еще считаются съ требованиями очаровательной древней вѣжливости.

Улыбка, озаряющая разговоръ,—лишь одно изъ проявленій этого этикета вѣжливости; но чувство, символомъ котораго служить улыбка, играетъ огромную роль. Если у васъ случайно есть образованный другъ-японецъ, оставшийся еще вѣрнымъ духу своей націи, нетронутый современнымъ эгоизмомъ и не подпавшій подъ чужое вліяніе, то вы можете на немъ изучить главныя соціальныя черты всего народа. Вы замѣтите, что онъ почти никогда не говоритъ о себѣ; на ваши упорные вопросы о его личныхъ дѣлахъ, онъ съ учтивымъ поклономъ постараѣтъся отвѣтить какъ можно короче и неопредѣленнѣе. Но со своей стороны онъ подробно будетъ разспрашивать о васъ, будто ваши мнѣнія, мысли, даже незначительныя подробности повседневной жизни его глубоко интересуютъ. И никогда онъ ничего не забудеть изъ того, что когда-либо узналъ отъ васъ. Но его любезное, сочувственное любопытство имѣть свои строгія границы,—быть-можеть и его наблюдательность. Онъ никогда не затронеть вашего больного мѣста и останется слѣпымъ и глухимъ ко всѣмъ вашимъ маленькимъ слабостямъ. Онъ никогда не будетъ хвалить васъ въ лицо, но и смеяться не будетъ надъ вами, не будетъ осуждать васъ.
□ Онъ вообще никогда не критикуетъ личности,

а лишь послѣдствія поступковъ. Если вы обратитесь къ нему за совѣтомъ, онъ никогда не будетъ критиковать вашихъ намѣреній,—самое большее, если онъ соблаговолить вамъ указать иную возможность, приблизительно въ слѣдующихъ осторожныхъ выраженіяхъ:

«Быть-можеть для вашей непосредственной выгоды было бы полезнѣе поступить такъ-то или такъ-то».

Если необходимость заставить его говорить о другомъ, онъ никогда не заговорить прямо о данномъ лицѣ; своеобразнымъ окольнымъ путемъ онъ приведетъ и скомбинируетъ все достаточно характерныя черты, чтобы вызвать нужный образъ. Но вызванный имъ образъ пробудить только интересъ и хорошее впечатлѣніе. Этотъ косвенный способъ говорить о комъ-либо совершенно соотвѣтствуетъ школѣ Конфуція.

«Даже, если ты убѣжденъ въ правотѣ своего мнѣнія», говорить Ли-Ки, «никогда не высказывай его».

Возможно, что въ вашемъ другѣ найдется еще много другихъ чертъ, непонятныхъ безъ нѣкотораго знакомства съ китайскими классиками. Но, и не зная ихъ, вы скоро убѣдитесь въ его нѣжной деликатности по отношенію къ другимъ, въ его приобрѣтенномъ воспитаніемъ самоотреченіи. Ни одинъ цивилизованный народъ не постигъ такъ глубоко тайны счастія,

какъ японскій; ни одинъ не проникся такъ глубоко той истиной, что наше счастіе должно быть основано на счастіи окружающаго настъ, егъдовательно, на самоотреченіи и долготерпѣніи.

Поэтому въ японскомъ обществѣ не процвѣтаетъ ни иронія, ни сарказмъ, ни язвительное остроуміе. Я могу даже сказать, что въ культурномъ обществѣ этого не встрѣтишь никогда. Неловкость не осмѣютъ, не осудятъ, экстравагантность не вызоветъ пересудовъ, невольная погрѣшность не подвергнется насмѣшкѣ.

Правда, въ этой закоснѣлой въ оковахъ китайского консерватизма этикѣ индивидуальность подавлена идеями. А между тѣмъ именно этой системой можно было бы достигнуть наилучшихъ результатовъ, если только ее расширить и урегулировать болѣе широкимъ вниманиемъ соціальныхъ потребностей, научнымъ признаніемъ важной для умственной эволюціи свободы. Но такъ, какъ она велась до сихъ поръ, она не способствовала развитію индивидуальности, наоборотъ, пыталась подогнать всѣхъ подъ одинъ уровень, царящій и понынѣ. Поэтому иностранецъ, живущій въ глубинѣ страны, не можетъ не тосковать иногда по яркимъ крайностямъ европейской жизни, по болѣе глубокимъ радостямъ и страданіямъ, по болѣе тонкому и чуткому пониманію. Но эта тоска охва-

тываетъ его лишь иногда: интеллектуальный недочетъ въ избыткѣ вознаграждается невыразимой прелестью общественной жизни. И тотъ, кто хотя отчасти понимаетъ японцевъ, не можетъ не признать, что они все еще тотъ народъ, среди котораго легче жить, чѣмъ гдѣ-либо. □

Я пишу эти строки, а въ моемъ воспоминаніи возстаетъ одинъ вечеръ въ Кіото.

Проходя въ толпѣ по улицѣ, залитой ска-
зочнымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, я немного
отошелъ въ сторону, чтобы ближе разсмотрѣть
статую Джизо передъ входомъ въ маленькой
храмъ. Статуя изображала Козо (Аколита),
прекраснаго мальчика съ улыбкой обожествлен-
наго реализма. Пока я стоялъ, погруженный въ
созерцаніе, ко мнѣ подбѣжалъ маленький маль-
чикъ лѣтъ десяти; онъ сложилъ руки, склонилъ
головку и нѣсколько минутъ молча молился
передъ изображеніемъ божества. Онъ только-
что разстался съ товарищами, и на его разру-
мянившемся лицѣ лежалъ еще отблескъ радост-
наго оживленія, вызваннаго играми. Его без-
сознательная улыбка была такъ похожа на улыб-
ку каменнаго ребенка, что онъ казался близне-
цомъ его. Я подумалъ:

□ «Эта каменная и бронзовая улыбка не простое

подражаніе: буддійскій художникъ создаль символъ,—ключъ къ пониманію національной улыбки».

Это было дано; но мысль, невольно пришедшая мнѣ тогда въ голову, кажется мнѣ вѣрной и теперь. Какъ ни чуждо Японіи происхожденіе буддійского искусства, но улыбка народа отражаетъ то же чувство, какъ и улыбка босатсу: счастіе самообладанія и самоотреченія.

«Если одинъ человѣкъ побѣдить на войнѣ тысячу тысячъ враговъ, а другой побѣдить самого себя, то вторая побѣда доблестнѣе первой. Никто, даже божество, не въ состояніи уничтожить побѣды человѣка надъ самимъ собою».

Подобныя буддійскія изреченія—ихъ много—высказываютъ нравственные тенденціи, составляющія особенную прелестъ японскаго характера. Мнѣ кажется, что весь нравственный идеализмъ народа воплощенъ въ Камакурскомъ Буддѣ; лицо его, спокойное, какъ глубокія тихія воды, говоритъ: «Нѣть счастія выше покоя!» Нѣть созданія рукъ человѣческихъ, которое лучше выражало бы эту вѣчную истину... Къ этому безграничному, просвѣтленному покою всегда стремится Востокъ. И онъ достигъ идеала великой побѣды надъ самимъ собою.—И даже теперь, когда новыя теченія всколыхнули поверхность и рано или поздно грозятъ возмутить

его глубочайшія глубини, японскій духъ, въ сравненіі съ западнымъ, еще полонъ чудесъ созерцательного покоя.

Японецъ не долго останавливается на отвлеченныхъ размышленіяхъ о послѣднихъ вопросахъ, заставляющихъ насъ ломать голову,—а можетъ-быть и просто пройдетъ мимо нихъ; и мы не найдемъ въ немъ желаемаго пониманія нашего интереса къ этимъ вопросамъ.

«Что васъ волнуютъ религіозныя исканія, это понятно», сказаль мнѣ однажды японскій ученый; «но такъ же понятно, что мы не думаемъ объ этомъ. Буддійская философія глубже вашей западной теологии. Мы ее изучили. Мы погружались въ глубину исканій и каждый разъ находили, что подъ этими глубинами открываются еще другія, неизмѣримыя; мы дошли до послѣднихъ граней мышленія и нашли, что горизонтъ удаляется все дальше и дальше. А вы—вы въ теченіе десятилѣтій, какъ дѣти, безопасно играли у ручья, ничего не зная о морѣ. И только теперь вы другими, не нашими путями дошли до берега, и бесконечность моря вамъ кажется чудомъ. И никуда не приведетъ васъ ваше исканіе, ибо вы познали бесконечность лишь по песчинкамъ жизни...» □ □ □ □ □ □ □ □

□ Возможно ли, чтобы Японія усвоила западную цивилизацію, подобно тому какъ она усвоила китайскую болѣе чѣмъ 1000 лѣтъ тому назадъ, и несмотря на это сохранила бы самобытность мышленія и чувствованія? Знаменательно для будущаго то, что преклоненіе японцевъ передъ материальными превосходствомъ Запада исколько не простирается на западную нравственность. Восточные мыслители не впадаютъ въ роковую ошибку, смѣшивая техническій прогрессъ съ этическимъ, и нравственные недочеты нашей прославленной цивилизаціи не ускользнули отъ ихъ вниманія. Одинъ японскій писатель выразилъ свой взглядъ на положеніе вещей на Западѣ такъ тонко, что стоитъ познакомить съ ними болѣе широкій кругъ читателей, чѣмъ тотъ, для котораго онъ былъ первоначально предназначенъ.

«Порядокъ или смуты въ нації», пишеть онъ, «не падаютъ съ неба и не вырастаютъ изъ земли, а пораждаются народнымъ характеромъ. Тамъ, гдѣ народъ руководствуется соціальнымъ чувствомъ, порядокъ обеспеченъ; гдѣ преобладаютъ личные интересы—распаденіе неизбѣжно. Соціальные пути тѣ, которые ведутъ къ строгому исполненію своего долга; гдѣ они преобладаютъ, тамъ царить миръ и благоденствіе въ семье, обществѣ, во всей нації. Личныя соображенія основаны на эгоистическихъ побужденіяхъ;

тамъ, гдѣ они преобладаютъ, неминуемы смуты и катастрофы. Долгъ члена семьи—заботиться о благоденствіи всей семьи; долгъ члена націи—работать на благо націи. Кто относится къ семейнымъ обязанностямъ со всѣмъ надлежащимъ семьею интересомъ и къ національнымъ обязанностямъ со всѣмъ следуемымъ націи интересомъ, тотъ исполняетъ свой долгъ и руководствуется общими интересами. Если же мы національныя нужды подчиняемъ лишь своимъ тѣснымъ семейнымъ нуждамъ, то мы, подъ вліяніемъ эгоистическихъ побужденій, удаляемся отъ прямого пути долга. Эгоизмъ—общечеловѣческое свойство; но кто отдается ему всецѣло, тотъ уподобляется звѣрю. Поэтому мудрецы, проповѣдующія принципы добродѣтели, благопристойности, справедливости и нравственности, благотворно противодѣйствуютъ эгоизму и поощряютъ общественныя чувства.

«Мы знаемъ о западной цивилизациі, что она сотни лѣтъ боролась среди смуты и беспорядковъ, чтобы въ концѣ- концовъ достигнуть чего-то въ родѣ благоустройства; но и это благоустройство при постоянномъ ростѣ человѣческаго честолюбія будетъ подвержено вѣчному колебанію и смутамъ, потому что оно построено не на прочномъ фундаментѣ, не на естественномъ различіи между монархомъ и подданными, между родителями и дѣтьми, со

всѣми связанными съ этимъ обязанностями и правами.

«Эта система, которая приходится такъ по душѣ честолюбцамъ, конечно, поощряется извѣстнымъ классомъ японскихъ политиковъ. Для поверхностнаго наблюдателя общественный строй Запада, конечно, очень привлекателенъ: онъ издавна является результатомъ свободнаго развитія человѣческихъ желаній, и цѣль его—высшая ступень роскоши и благоденствія. Короче говоря: существующія условія на Западѣ основаны на необузданномъ проявленіи человѣческаго эгоизма и достижими лишь тогда, когда этому эгоизму дана неограниченная свобода. На соціальные перевороты на Западѣ мало обращаютъ вниманіе, но они-то и являются одновременно и причиной и слѣдствіемъ существующихъ неблагопріятныхъ условій... Хотять ли японцы, столь увлеченные Западомъ, чтобы исторія ихъ народа пошла по тому же пути? Неужели они хотять, чтобы ихъ страна стала новымъ полемъ опыта для западной цивилизації?

«На Востокѣ правленіе основано издавна на доброжелательности; оно постоянно имѣть въ виду счастіе и благополучіе народа. Тамъ неизвѣстно политическое воззрѣніе, которое стремилось бы къ развитію интеллектуальныхъ силъ съ цѣлью эксплуатациіи малыхъ и невѣ-

дущихъ. Нашъ народъ живетъ преимущественно работою рукъ своихъ; при всемъ стараніи онъ заработаетъ только самое необходимое для ежедневныхъ потребностей,—въ среднемъ приблизительно 20 сень въ день. Тутъ и рѣчи быть не можетъ о богатой одеждѣ, о роскошномъ жилищѣ, тутъ нѣть надежды на пріобрѣтеніе высокихъ должностей, чиновт., почестей. Чѣмъ же провинились эти бѣдные люди, что имъ обязаны пути къ благамъ западной культуры? Говорятъ, будто у нихъ нѣть «желанія» улучшить свои жизненные условия. Это не вѣрно. «Желанія» у нихъ есть, но природа ограничила ихъ способность удовлетворять эти желанія; ограничиваетъ ихъ и человѣческій долгъ и предѣлъ физической работоспособности.

«Они достигаютъ лишь того, чего позволяетъ имъ ихъ положеніе. Лучшіе плоды ихъ трудовъ принадлежать богачамъ, худшіе остаются въ ихъ распоряженіи. А между тѣмъ въ человѣческомъ обществѣ нѣть ничего, что не родилось бы трудомъ. Для удовлетворенія потребностей одного привыкшаго къ роскоши человѣка, нуженъ трудъ въ поть лица тысячи другихъ. Чудовищно то, что люди, подъ вліяніемъ цивилизациі развиившіе свое стремленіе къ роскоши и удовлетворяющіе ихъ трудомъ другихъ, забываютъ, чѣмъ они обязаны труженику, и не видятъ въ немъ своего ближняго. По западнымъ

понятіямъ, плоды цивилизації зрѣютъ лишь для людей «съ широкими потребностями», цивилизація не служитъ всему народу, она лишь поощряетъ состязаніе честолюбцевъ для достиженія ихъ цѣлей. Что форма западной культуры вредитъ порядку и миру, видять и слышать тѣ, чьи очи и уши открыты. Страшно представить себѣ, какая будущность ожидала бы Японію, при такой системѣ.—Система, основанная на принципѣ, что этика и религія—лишь орудія человѣческаго честолюбія, конечно, удовлетворяетъ эгоистовъ; а современныя формы свободы и равенства разрушаютъ сплоченную связь между членами общества и оскорбляютъ чувство приличія и нравственности...

«Такъ какъ совершенное равенство и свобода недостижимы, то люди хотятъ ограничить ихъ законами о правахъ и обязанностяхъ. Но всѣ хотятъ пользоваться какъ можно большимъ числомъ правъ, обременяя себя возможно меньшимъ числомъ обязанностей, и это влечетъ за собою нескончаемую борьбу. Принципы равенства и свободы могутъ произвести переворотъ въ національной организаціи, если они ниспревергнутъ установленное закономъ различіе классовъ и поставятъ всѣхъ людей на одинъ уровень. Но равнаго распредѣленія имуществъ они никогда не достигнутъ (см. Америку)... Ясно, что если человѣческія права зависятъ отъ сте-

пени материального благосостояния, то для неимущего большинства достижение правъ невозможно. А богатое меньшинство обеспечить за собою права, отбросить съ согласія общества законы гуманности и возложитъ на бѣдняковъ наиболѣе тяжкія обязанности. Введеніе въ Японіи этихъ принциповъ равенства и свободы испортило бы добрые мирные нравы, ожесточило бы характеръ народа и стало бы источникомъ несчастія для массъ...

«Западная цивилизациія, служащая удовлетворенію эгоистическихъ побужденій, на первый взглядъ очень заманчива; но она неминуемо ведетъ къ разочарованію и развращенію; вѣдь она основана на предположеніи, что «желанія» людскія вытекаютъ изъ естественныхъ законовъ. Западные народы достигли своего настоящаго положенія лишь путемъ трагической борьбы и смуты; имъ суждено безконечно продолжать эту борьбу. Въ настоящій моментъ западный строй находится въ относительномъ равновѣсіи, и условія жизни въ относительномъ порядке. Но достаточно ничтожной случайности, и мгновенное равновѣсіе нарушится, вновь наступить колебаніе и разрушеніе, пока периодъ борьбы и страданія не смѣнится снова времененной устойчивостью. Бѣдный и слабый въ будущемъ можетъ стать богатымъ и могущественнымъ, и наоборотъ. Ихъ судьба—постоянная смѣна.

Мирное и устойчивое равенство можетъ возвращаться лишь изъ развалинъ западныхъ государствъ, изъ праха вымершихъ западныхъ народовъ». □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Придерживаясь такихъ взглядовъ, Японія можетъ надѣяться отвратить соціальную опасность, угрожающую странѣ. Но кажется неизбѣжнымъ, что ея будущее преобразованіе повлечетъ за собою нравственный упадокъ. Безмѣрная промышленная борьба съ народами, учрежденія которыхъ никогда не были основаны на альтруизмѣ, неминуемо разовьетъ въ японцахъ тѣ качества, отсутствіе которыхъ составляеть главную ихъ прелестъ. Характеръ народа неминуемо ожесточится. Но не слѣдуетъ забывать, что древняя Японія была въ нравственномъ отношеніи настолько же выше девятнадцатаго столѣтія, насколько она отстала отъ него материально. Нравственное чувство глубоко вкоренилось въ нее. Она, хотя и въ ограниченныхъ формахъ, осуществила нѣкоторыя соціальные условия, которыя наши величайшіе мыслители считаютъ залогомъ счастія и прогресса.

На всѣхъ ступеняхъ своего сложнаго общественного строя, она развивала и соблюдала пониманіе и практическое примѣненіе обществен-

наго и частнаго долга такъ, какъ нигдѣ на Западѣ. Даже ея слабости были лишь результатомъ избытка того, что всѣ культурные религіи провозглашаютъ добродѣтелью,—были результатомъ жертвъ личности для семьи, общества, націи. Объ этихъ слабостяхъ Персиваль Лойелль говорить въ своей книгѣ «Душа далекаго Востока». Гениальность этой книги нельзя вполнѣ оцѣнить, не зная Востока. До сихъ поръ прогрессъ Японіи въ области соціальной этики хотя и стоялъ выше нашего, но ограничивался взаимной помощью; въ будущемъ на ея обязанности лежитъ провести въ жизнь ученіе великаго мыслителя, чью философію она уже умудрилась принять.

Ученіе это гласить, что «высшее развитіе индивидуальности должно быть соединено съ величайшей взаимной зависимостью», что,— какъ ни парадоксально кажутся эти слова,— «законъ прогресса долженъ двигаться по линіи совершенного раздѣленія и совершенного слиянія».

Но придетъ время, когда для Японіи ея прошлое, которое теперь молодое поколѣніе яко бы презираетъ, представится тѣмъ же, чѣмъ для насъ представляется древне-греческая культура. И тогда Японія горестно сознаетъ потерю своей жизнерадостности, и будетъ оплакивать утрату божественнаго единенія съ природой

и тосковать по чарующему искусству, отражавшему эту природу. Она пойметъ, насколько міръ былъ тогда прекраснѣе и свѣтлѣе, и затоскуетъ по долготерпѣнію и самоотверженности прежнихъ временъ, по исчезнувшей старинной вѣжливости, по глубоко человѣческой поэзіи своей древней вѣры...

Многое также ее удивить, и ея удивленіе будетъ смѣшано съ тихой грустью; но больше всего ее удивятъ, быть-можеть, лики древнихъ божовъ, потому что ихъ улыбки были нѣкогда отраженіемъ ея собственной улыбки... □ □ □ □ □

ВО ВРЕМЯ
□ ХОЛЕРЫ. □

НАПИСАНО НЕПОСРЕД-
□ СТВЕННО ПОСЛЪ □
ЯПОНСКО КИТАЙСКОЙ
□ □ □ ВОЙНЫ. □ □ □

БОЮЗНИЦА Китая во время послѣдней войны была слѣпа и глуха. Она долго не соглашалась на миръ. Она слѣдовала за побѣдителями, расположилась въ странѣ и своимъ смѣртоноснымъ дыханіемъ убила въ жаркое время года около 30000 чѣловѣкъ. Неугомонная, она и теперь продолжаетъ требовать жертвъ. Не угасая, пылаютъ костры, на которыхъ сжигаются трупы. Иногда порывъ вѣтра доноситъ въ мой садъ съ загороднаго холма запахъ дыма и гари, будто напоминаетъ мнѣ, что сожженіе взрослого человѣка моего роста стоитъ 80 сенъ, приблизительно полъ американскаго доллара.

Съ верхняго балкона моего дома видна вся улица внизъ до бухты; длинная японская улица со сплошнымъ рядомъ маленькихъ лавокъ. Я видѣлъ, что изъ многихъ домовъ этой улицы переносили въ больницу холерныхъ больныхъ; послѣдняго унесли утромъ. Онъ былъ моимъ сосѣдомъ, владѣльцемъ фарфоровой лавки. Его взяли силой, не взирая на слезы и горестный вопль его близкихъ. Санитарныя предписанія запрещаютъ лѣчить дома холерныхъ больныхъ; но ихъ все-таки скрываютъ, несмотря на денежные штрафы и другія наказанія; общественные больницы переполнены, обращеніе тамъ грубое, больной совершенно разлученъ со своими близкими. Но блюстителей народнаго здравія не

легко провести; они быстро разыщут скрываемыхъ больныхъ и являются съ носилками и кули. Это можетъ показаться жестокимъ, но санитарные законы должны быть строги. Жена моего сосѣда слѣдовала за носилками съ плачомъ и воплями, пока чиновникъ не заставилъ ее вернуться въ опустѣвшую лавочонку. Теперь она заперта и врядъ ли ея владѣлецъ отопретъ ее когда-либо.

Такія трагедіи кончаются такъ же быстро, какъ возникаютъ. Оставшіеся въ живыхъ забираютъ пожитки, какъ только получать на это разрѣшеніе, и исчезаютъ куда-то. И обычна уличная жизнь продолжаетъ кружиться днемъ и ночью, не останавливаясь ни на мгновеніе, будто ничего не случилось. Странствующія разносчики съ бамбуковыми тростями и корзинами, ведрами и ящиками проходятъ мимо опустѣвшихъ домовъ, обычнымъ крикомъ предлагая товаръ; религіозныя процесіи съ пѣніемъ отрывковъ изъ сутръ шествуютъ мимо; раздается меланхоличный свистъ слѣпого сторожа купальни; блюститель порядка тяжело стучить посохомъ по мостовой; мальчикъ, продающій конфеты, бѣть въ барабанъ и поетъ любовную пѣсенку, нѣжно-печальнымъ, будто дѣвичьимъ голоскомъ:

«Ты да я—мы неразлучны! Я долго былъ у тебя, но когда насталъ часъ разлуки, мнѣ показалось, что не успѣлъ я прійти!□ □ □ □ □

□ «Ты да я—мы неразлучны! Я вспоминаю твой чай, простой чай изъ Уи; мнѣ же онъ казался чаемъ Гіокоро, золотистымъ, какъ цвѣтокъ ямабуки!»

«Ты да я—мы неразлучны! Я шлю тебѣ вѣсточку-сердце; ты—ждешь и принимаешь ее. Пусть рушится почта и рвутся телеграфные нити,— что намъ до нихъ!..» □ □ □ □ □ □ □ □ □

А дѣти рѣзваются какъ прежде. Они ловятъ другъ друга со смѣхомъ и крикомъ; они ведутъ хороводы, ловятъ стрекозъ—привяжутъ ихъ къ длинной ниткѣ и пустятъ; они поютъ припѣвы воинственныхъ пѣсень о томъ, какъ отрубаютъ головы китайцамъ-врагамъ.

«Канъ, канъ, боцу но, Куби во хане!»

Иногда вдругъ смерть унесетъ одного изъ дѣтей, а оставшіяся продолжаютъ играть; и въ этомъ великая мудрость.

Сожженіе дѣтскаго трупа стоить только 24 сены. На-дняхъ сожгли трупъ сына одного изъ моихъ сосѣдей. Камешки, въ которые онъ игралъ, лежатъ, озаренные солнцемъ, тамъ, гдѣ онъ ихъ оставилъ....

Какъ своеобразна любовь дѣтей къ камнямъ! Въ извѣстномъ возрастѣ камни—любимая игрушка всѣхъ, не только бѣдныхъ дѣтей. Каждый

японскій ребенокъ, имѣй онъ даже множество дорогихъ игрушекъ, иногда любить поиграть въ камни. Для ребенка камень полонъ чудесъ; и это понятно, потому что и наука видитъ въ камнѣ величайшее чудо. Малютка смутно сознаеть, что камень гораздо сложнѣе, чѣмъ онъ кажется; и это правда. И не будь глупыхъ взрослыхъ людей, говорящихъ ему, что безразсудно привязываться всѣмъ сердцемъ къ камнямъ, камни никогда не надоѣли бы ему и были бы постояннымъ источникомъ новыхъ изумительныхъ откровеній. Отвѣтить на всѣ дѣтскіе вопросы о камняхъ могъ бы только очень глубокій мыслитель.

Если вѣрить народному преданію, то сынокъ моего сосѣда играетъ теперь въ камешки неземные, въ сухомъ руслѣ «потока душъ», можетъ-быть удивляясь, что они не бросаются тѣней.

Въ основной идеѣ поэтичной легенды о Сай но Кавара заключается безусловная правда: въ мірѣ тѣней должна продолжаться игра, въ которую играютъ на землѣ всѣ японскія дѣти.

Продавецъ трубокъ обыкновенно обходилъ своихъ покупателей съ двумя ящиками, привязанными къ двумъ концамъ бамбуковой палки,

перекинутой черезъ плечо. Въ одномъ ящикѣ былъ камышъ, различной толщины, длины и окраски, и инструменты для приспособленія камыша къ металлическимъ трубкамъ; въ другомъ ящикѣ лежалъ его ребенокъ. Онъ поднималъ головку и улыбался прохожимъ, или закутанный спалъ на днѣ ящика, или игралъ. Мнѣ говорили, что ему много дарили игрушекъ. Одна изъ игрушекъ всегда была при немъ, даже во время сна, и была очень похожа на «ихаи», дощечку съ именемъ умершаго.

Недавно продавецъ трубокъ бросилъ свои ящики на бамбуковый палкѣ. Онъ шелъ по улицѣ съ маленькой ручной повозкой, раздѣленной на двѣ половины; въ одной лежалъ товаръ, въ другой—малютка. Вѣроятно ребенокъ сталъ слишкомъ тяжелымъ для прежняго способа передвиженія. Передъ телѣжкой развѣвался маленький бѣлый флагъ съ надписью:

«Киссерау-рао-коэ»—«здѣсь вставляютъ новые трубки».

И краткая просьба о благосклонной помощи:
«Отасуку во негаймасу!»

Ребенокъ былъ веселъ и здоровъ; я опять увидѣлъ дощечку, уже такъ часто обращавшую мое вниманіе на себя. Теперь она была прикрѣплена стоймая къ высокой коробкѣ внутри телѣжки, противъ постельки ребенка.

□ Слѣдя за приближающейся повозкой, я скоро

вполнѣ убѣдился, что дощечка была ничто иное какъ «ихаи»: солнце ярко ее освѣщало и отчетливо виденъ былъ на ней обычный буддійскій текстъ. Это возбудило мое любопытство, и я попросилъ моего старого слугу Маніемона сказать продавцу, что у насъ трубки, которыхъ нуждаются въ новомъ камышѣ. Оно такъ и было.

Повозка тотчасъ подкатила къ нашей калиткѣ и я подошелъ къ ней.

Ребенокъ не дичился даже чужого лица. Прелестный былъ мальчикъ. Онъ лепеталъ и смѣялся, протягивая ручонки, очевидно привученный къ ласкамъ. Играя съ нимъ, я внимательно разматривалъ дощечку. Это былъ ихаи секты шиншу съ «кайміо», т.-е. посмертнымъ именемъ женщины. Маніемонъ перевелъ китайскія буквы:

«Почитаемая и уважаемая на нивахъ совершенства въ тридцать первый день третьяго мѣсяца двадцать восьмого года лѣтосчислениія Майджи».

Слуга между тѣмъ принесъ попорченныя трубки. Ремесленникъ работалъ, а я наблюдалъ за выражениемъ его лица. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ симпатичной, усталой чертой вокругъ рта, складкой, образовавшейся отъ постоянной привычной улыбки, свойственной многимъ японцамъ и придающей ихъ лицамъ выраженіе неизъяснимо-кrottкой покорности.□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

□ Манемонъ началъ свои разспросы, а не отвѣтъ Манемону можетъ только дурной человѣкъ: иногда мнѣ кажется, что вокругъ невиннаго дорогого чела старца я вижу сіяніе—будто ореоль босатсу.

Продавецъ трубокъ рассказалъ намъ свою повѣсть. Его жена умерла два мѣсяца послѣ рожденія ребенка. Умирая, она сказала ему:

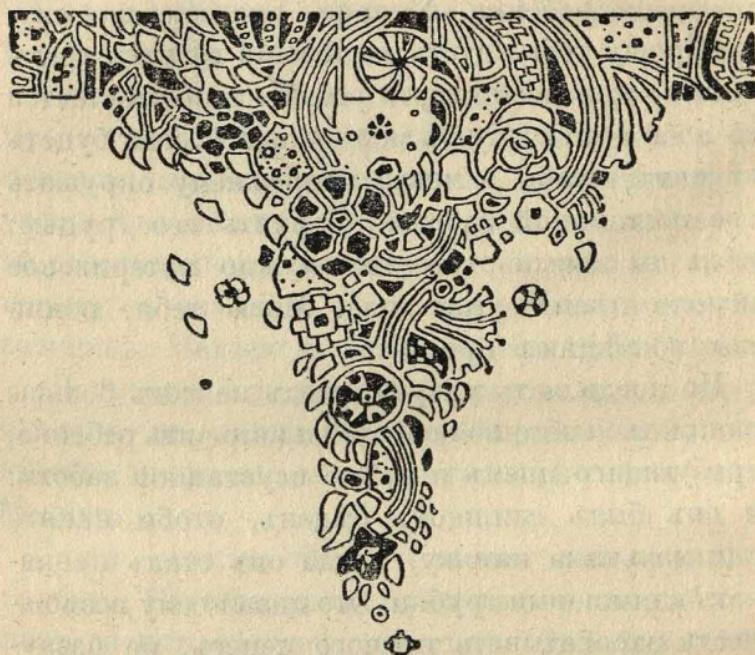
«Прошу тебя: пусть въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ со дня моей смерти ребенокъ не разстается съ моей тѣнью; пусть мой «ихаи» всегда будетъ съ нимъ, чтобы я могла попрежнему окружать его постоянной заботой, кормить его грудью; вѣдь ты знаешь, что ему нужно материнское молоко цѣлыхъ три года. Молю тебя, помни мою послѣднюю просьбу».

Но когда мать умерла, отецъ не могъ больше заниматься обычной работой и нянчить ребенка, требующаго днемъ и ночью неустанной заботы; и онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы нанять для мальчика няньку. Тогда онъ сталъ продавать камышовыя трубки. Это давало ему возможность зарабатывать немного денегъ, не разлучаясь ни минуты съ ребенкомъ. Но у него не было средствъ покупать молока, и онъ больше года вскармливалъ мальчугана рисовой кашей съ сиропомъ.

Я сказалъ, что ребенокъ выглядитъ очень здоровымъ, несмотря на то, что лишенъ молока.

□ «Это потому,» отвѣтилъ Маніемонъ съ убѣждѣніемъ, даже съ оттѣнкомъ упрека, «что покойная мать его кормить; онъ молока получаетъ довольно».

И мальчикъ улыбнулся тихой улыбкой, будто его коснулась нѣжная ласка изъ царства тѣней...

□ ХАРУ. □

XАРУ, воспитанная въ родительскомъ домѣ по обычаямъ старины, была воплощениемъ самаго чуднаго, самаго трогательнаго женскаго типа въ мірѣ. Простота сердечная, естественная прелесть въ обращеніи, послушаніе и чувство долга—результаты этого воспитанія — только въ Японіи развиваются до такого совершенства; въ каждомъ другомъ обществѣ, кромѣ древнеяпонскаго, эти черты были бы слишкомъ возвышены и утончены.

Къ суровой современной жизни воспитаніе это плохо подготавляло. Дѣвушки высшаго круга прививали чувство полной зависимости отъ мужа ее учили скрывать и ревность, и гнѣвъ, и печаль, даже если бы былъ поводъ къ тому; ей внушали, что только кротостью слѣдуетъ побѣждать всѣ недостатки супруга. Словомъ, отъ нея требовали почти сверхчеловѣческаго совершенства и, хотя бы съ вѣнчаніемъ стороны, полнаго самоотреченія.

Все это было бы возможно въ совмѣстной жизни съ мужемъ равнымъ ей, чуткимъ и нѣжнымъ, способнымъ проникать въ ея душу, никогда не оскорбляя ее.

Но Хару по происхожденію стояла гораздо выше своего супруга и была слишкомъ хороша для него, неспособнаго понять ее должнымъ образомъ. Они по волѣ родителей женились очень рано и сначала были бѣдны; но условія

ихъ жизни скоро измѣнились къ лучшему, благодаря способностямъ мужа. Подчасъ Хару казалось, что любилъ онъ сильнѣе, когда они были бѣднѣе; а женщина въ такихъ случаяхъ рѣдко ошибается...

Она продолжала шить его одежду и онъ всегда восхвалялъ ея умѣніе. Всѣ его желанія она исполняла въ точности; утромъ помогала ему одѣваться, а вечеромъ раздѣвала его. Въ ихъ прелестномъ родномъ уголкѣ она создавала покой и уютность; неизмѣнно улыбаясь, она прощалась съ нимъ утромъ, встрѣчала его вечеромъ; она съ безукоризненной любезностью принимала его друзей и вела хозяйство удивительно бережливо, рѣдко требуя къ себѣ дорогого вниманія. Но онъ и самъ ничего не жалѣлъ для нея; богатая и изящная одежда, какъ серебристыя крылья бабочки, всегда украшали ея стройный станъ. Часто онъ бралъ ее съ собою въ театръ, на прогулки,—туда, гдѣ весной цвѣтутъ вишневыя деревья, лѣтомъ ярко блестятъ свѣтлячки, а осенью пурпуромъ окрашиваются кленовые листья. То они уѣзжали на цѣлый день въ Майко, на берегъ моря, гдѣ гибкія сосны склоняются, будто дѣвушки въ плясѣ; то проводили вечернее время въ Кійомидцу, въ старинномъ загородномъ домѣ, гдѣ все кажется далекой, туманною грезой; гдѣ лѣсь отдыхаетъ въ тѣни, и, журча, выте-

каетъ изъ ущелья горы ручеекъ, холодный, прозрачный; гдѣ слышится ласково-грустные звуки невидимыхъ флейтъ, такъ дивно поющіхъ старинную пѣснь, въ которой сливаются миръ и печаль, какъ отблескъ вечерней зари сливается съ далю небесъ...

За исключеніемъ этихъ маленкихъ развлечений, Хару рѣдко выходила изъ дома. Ихъ немногіе родственники жили далеко отъ нихъ, въ другихъ провинціяхъ, такъ что въ гости ей случалось рѣдко ходить. Она любила свой, домъ, любила разставлять цвѣты въ нишахъ передъ статуями боговъ, украшать комнаты, кормить ручныхъ золотыхъ рыбокъ въ бассейнѣ.

Еще не появлялось дитя, которое внесло бы въ ихъ жизнь новую радость или новое горе.

Несмотря на головной уборъ замужней женщины и умѣніе во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ, Хару выглядѣла какъ дѣвочка, наивна была, какъ дитя. А между тѣмъ въ серіозныхъ дѣлахъ ея мужъ снисходилъ до того, что спрашивалъ ея совѣта. Ея сердце судило, быть-можетъ, вѣрнѣе головки; но, руководилъ ли ею инстинктъ или разумъ,—ея совѣтъ всегда былъ хороши.

Пять лѣтъ она прожила счастливо съ мужемъ. Все время онъ былъ внимателенъ къ ней, насколько этого можно требовать отъ молодого японскаго купца, по происхожденію стоящаго ниже такой жены, какъ Хару. □ □ □ □ □ □

□ И вдругъ онъ къ ней охладѣлъ, охладѣлъ такъ внезапно, что чувство ей подсказало: причина его охлажденія не могла быть той, которой бездѣтная женщина въправѣ бояться. Не въ силахъ понять этой перемѣны, она стала обвинять себя въ нерадѣніи, напрасно пытала невинную совѣсть свою, старалась по глазамъ угадывать его желанія. Ничто его не трогало. Онъ не говорилъ ни единаго жестокаго слова; онъ молчалъ, но за этимъ тяжелымъ молчаниемъ чувствовалось подавленное желаніе оскорбить. Образованный японецъ рѣдко скажетъ женѣ рѣзкое слово; это считается грубымъ, вульгарнымъ; въ Японіи культурный человѣкъ съ нормальными наклонностями даже упреки жены встрѣтитъ кроткой рѣчью; по японскому этикету этого требуетъ простая учтивость; кроме того, это самое цѣлесообразное: утонченная чуткая женщина не вынесетъ грубаго обращенія; женщина съ темпераментомъ можетъ лишить себя жизни изъ-за грубаго слова, вырвавшагося у мужа въ моментъ страстнаго порыва. А такое самоубійство обезпечиваетъ мужа на всю жизнь. Но есть безмолвная жестокость, она оскорбительнѣе словъ и поражаетъ болѣнѣе: это пренебреженіе и равнодушіе, которое неминуемо должно породить ревность.

Воспитаніе требуетъ отъ японской женщины, чтобы она скрывала ревность; но это чувство

старѣе воспитанія; оно старо, какъ любовь, и умреть только съ нею. Подъ безстрастной маской японка чувствуетъ тоже, что женщина Запада; украшая своимъ присутствіемъ вечеръ, очаровывая своей улыбкой гостей, обѣ въ глубинѣ сердца одинаково жаждутъ часа освобожденія, чтобы въ одиночествѣ предаться страданію и слезамъ.

У Хару былъ поводъ къ ревности, но она была слишкомъ наивна и не скоро догадалась о настоящей причинѣ; слуги же слишкомъ любили ее, чтобы открыть ей глаза.

Раньше она всегда проводила вечера вмѣстѣ съ мужемъ, то дома, то въ театрѣ, то на прогулкахъ. Теперь же онъ уходилъ каждый вечеръ одинъ; сначала подъ предлогомъ торговаго дѣла, потомъ безъ предлога; потомъ онъ пересталъ даже назначать часъ своего возвращенія; наконецъ, онъ сталъ оскорблять ее нѣмымъ пренебреженіемъ. Онъ такъ измѣнился, будто «злой духъ околдовалъ его сердце», какъ говорили слуги.

И онъ дѣйствительно былъ околдованъ: сладкий шепотъ гейши убилъ его волю, ея улыбка ослѣпила очи его. Она была далеко не такъ красива, какъ Хару, но зато съ большимъ искусствомъ ткала паутину, роковую паутину страстей, обольщающую слабыхъ мужчинъ и окутывающую ихъ все тѣснѣй и тѣснѣй, пока

наконецъ не пробьетъ часъ разочарованія и разрушенія иллюзій...

Хару не знала, не подозрѣвала ничего дурного до тѣхъ поръ, пока странное поведеніе мужа не вошло въ привычку и пока она не убѣдилась, что ихъ деньги стали исчезать неизвѣстно куда. Онъ не говорилъ ей, гдѣ проводить вечера; она же боялась спрашивать, боялась показаться ревнивой.

Вмѣсто того, чтобы высказаться, она молча страдала; но въ ея обращеніи съ нимъ было столько любви, что будь онъ умнѣе, онъ все угадалъ бы. Но къ несчастію онъ былъ проницателенъ только въ торговыхъ дѣлахъ. Всѣ вечера онъ проводилъ въ дома; и по мѣрѣ того, какъ онъ возвращался позднѣй и позднѣй, его совѣсть говорила все тише и тише.

Хару учили, что добрая жена не смѣеть ложиться въ постель, пока не вернется ея супругъ и повелитель. Отпустивъ слугъ въ обычное время, она терпѣливо ждала. Отъ безсонныхъ ночей, отъ одинокихъ долгихъ часовъ ожиданія ея нервы ослабли, она стала страдать лихорадкой, черныя мысли терзали головку ея.

Разъ только мужъ, возвратившись особенно поздно, промолвилъ:

«Жаль, что ты изъ-за меня такъ долго не ложилась спать. Прошу тебя больше не до-

жидастся меня». Опасаясь, что онъ дѣйствительно тревожится изъ-за нея, она, ласково улыбнувшись, сказала.

«Мнѣ спать не хотѣлось; я не устала; прошу высокочтимаго не думать обо мнѣ».

И онъ дѣйствительно пересталъ думать о ней, обрадовавшись, что можетъ поймать ее на словѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ всю ночь не возвращался домой,—вторую, третью—тоже. Прогулявъ всю третью ночь на пролетъ, онъ даже къ завтраку не вернулся. Тогда Хару почувствовала, что супружескій долгъ ей велитъ говорить.

Она прождала все утро, боясь за него, боясь за себя; будто острыми когтями охватила ее самая злая обида, какая только можетъ ранить женское сердце. Вѣрные слуги ей кое-что передали; обѣ осталыемъ она догадалась сама. Она была очень больна, но не сознавала болѣзни; она сознавала лишь гнѣвъ свой, эгоистический гнѣвъ за ту боль, которую ей причинили, за мертвящую, жестокую, тяжкую боль...

Ужъ полдень насталъ, а она все еще въ мысляхъ искала словъ, достаточно краткихъ, чтобы сказать наконецъ то, чего требовалъ супружескій долгъ; первый разъ въ жизни она должна была произнести слово упрека. Вдругъ сердце ея дрогнуло такъ сильно, что въ глазахъ по-темнѣло: она услыхала звуки колесъ и голосъ

слуги, докладывающего, что «достопочтенный вернулся домой».

Еле держась на ногахъ, она дошла до входныхъ дверей, навстрѣчу супругу; лихорадочный трепетъ пробѣгалъ по ея стройному тѣлу, сердце сжималось отъ боли и она страшно боялась выдать это страданіе.

Мужъ испугался, увида ее: она не привѣтствовала его обычной улыбкой, а, схвативши дрожащей маленькой ручкой его шелковый плащъ, посмотрѣла на него глазами, которые, казалось, хотѣли проникнуть въ самую глубину его виноватой души. Она пыталась что-то сказать, но могла промолвить одно только слово:

«Аната?» («Ты?»)

И въ то же мгновеніе ея нѣжныя ручки ослабли, вѣки сомкнулись, губы дрогнули странной улыбкой и она упала на полъ раньше, нежели онъ могъ поддержать ее. Онъ попытался поднять ее; но жизнь уже отлетѣла отъ нѣжнаго тѣла. Она умерла...

Произошло страшное смятеніе. Побѣжали за докторами, плакали, громко рыдали, въ отчаяніи звали ее. Но она не движимо лежала, блѣдная, тихая, прекрасная; мука и гнѣвъ исчезли съ ея лица; она улыбалась, какъ въ свадебный день...

Пришли изъ больницы два доктора, японскіе военные врачи. Они кратко и строго задали мужу нѣсколько вопросовъ; слова ихъ проникали

въ самую глубь его сердца. Потомъ они сказали ему беспощадную правду, пронзившую его виноватую душу, какъ холодная, острыя сталь. И оставили его одного съ умершей женой...

Люди удивляются, что онъ не принялъ въ знакъ покаянія священническаго сана. По цѣлымъ днямъ онъ сидитъ, задумчивый, молчаливый среди кипъ киотскаго шелка и статуй боговъ изъ Осака. Служащіе считаютъ Его добрымъ господиномъ: онъ никода не бранить ихъ. Работаетъ онъ часто за полночь.

Въ хорошенъкомъ домѣ, гдѣ нѣкогда жила Хару, теперь поселились чужіе; владѣлецъ дома никогда не посѣщаетъ его. Онъ боится, быть-можетъ, встрѣтить тамъ легкую тѣнь, скользящую межъ цвѣтами или, какъ стебель человѣческаго цвѣтка, склоняющуюся надъ золотыми рыбками въ бассейнѣ...

Но гдѣ бы онъ ни былъ, всюду, всегда, въ молчаливый часъ отдыха появляется также безмолвная тѣнь у его изголовья: она шьетъ, гладитъ, любовно старается украсить его богатую одежду,—ту одежду, въ которую онъ наряжался, когда измѣнялъ ей...

А иногда, въ самый суетливый моментъ его занятой дѣловой жизни—вдругъ все вокругъ него умолкнетъ; іероглифы на стѣнахъ блѣднѣютъ и исчезаютъ, и въ его осиротѣвшее сердце

проникаетъ жалобный голосъ, произносящій
одно только слово:

«Аната?» («Ты?»)

Это вѣчное напоминаніе боговъ о его престу-
пленіи...

ПРИВІДЪНІЯ И
НЕЧИСТЫЕ ДУХИ.

 Зъ Хоккёкю мы узнаемъ, что самъ Будда
иногда принималъ образъ нечистаго духа,
чтобы проповѣдывать тѣмъ, кого могла
обратить только нечистая сила. Въ той же
сутрѣ мы находимъ слѣдующее обѣщаніе Вели-
каго Учителя:

«Когда онъ, одинокій, будетъ въ пустынѣ,
я нашлю на него сонмъ нечистыхъ духовъ, чтобы
онъ не былъ такъ одинокъ».

Это обѣщаніе очень странно, но оно нѣсколько
смягчается тѣмъ увѣренiemъ, что въ пустынѣ
будутъ и боги. Но если бы мнѣ привелось стать
святымъ, я ни за что не пошелъ бы въ пустыню,
потому что я видѣлъ японскую нечисть и она
мнѣ совсѣмъ не пришла по душѣ.

Кинъюро, садовникъ, вчера показалъ мнѣ ее.
Вся чертовщина прїѣхала въ нашъ городъ на
матсури нашего храма. Вечеръ праздника обѣ-
щалъ много интереснаго и поэтому, какъ только
стемнѣло, мы отправились къ храму; Кинъюро
несъ зажженный бумажный фонарь съ моимъ
вензелемъ.

Съ утра выпало много снѣгу, но къ вечеру
небо и холодный недвижный воздухъ стали
алмазно-прозрачны. Мы шли по твердому снѣгу,
пріятно хрустящему подъ ногами, и я спросилъ:

«Скажи-ка, Кинъюро, есть ли снѣжный богъ?»

«Не знаю», отвѣтилъ Кинъюро. «Есть много
боговъ, которыхъ я не знаю—да и никто не мо-

жеть знать всѣхъ боговъ. Но есть Юки-Онна, сиѣжная женщина».

«Кто же это такое, эта Юки-Онна?»

«Это бѣлая женщина, отъ нея сиѣжныя привидѣнія. Она не трогаетъ никого, только пугаетъ. Днемъ она лишь приподнимаетъ голову, наводить страхъ на одинокаго путника; но ночью она иногда поднимается выше деревьевъ, смотрить по сторонамъ и разсыпается сиѣжной метелью».

«А какое лицо у нея?»

«Бѣлое-бѣлое, огромное и унылое лицо».

Киньюро сказалъ «самушій»; обыкновенное значение этого слова «унылое», но онъ хотѣлъ сказать страшное.

«Киньюро, а ты ее видѣлъ?»

«Нѣть, господинъ, я самъ не видѣлъ ее никогда; но отецъ мнѣ разсказывалъ, что разъ въ дѣтствѣ, перебѣгая по снѣгу въсосѣдній домъ, гдѣ онъ хотѣлъ поиграть съ другимъ мальчуганомъ, онъ по пути вдругъ увидѣлъ огромное бѣлое лицо, которое страшно озиралось кругомъ. Съ громкимъ крикомъ онъ со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, еле домой добѣжалъ. Всѣ его домашніе поспѣшили на улицу, чтобы увидѣть привидѣніе, но тамъ ничего не было, кромѣ снѣга. Тогда они поняли, что мальчикъ видѣлъ Юки-Онну».

«Киньюро, а теперь она показывается еще иногда?»

«Да, тѣ, кто во время дайкана, самой великой стужи, идутъ на богомолье въ Ябумура, тѣ иногда встрѣчаютъ ее».

«Киньюро, а что тамъ такое?»

«Тамъ старый-престарый высоко чтимый храмъ, посвященный богу простудѣ, Казэ но Ками. Онъ стоитъ на высокомъ холмѣ почти девять ри отъ Матсуэ. И величайшій матсури въ честь этого храма празднуютъ въ девятый и одиннадцатый день второго мѣсяца. Много странного случается тамъ въ эти дни. Дѣло въ томъ, что всякий, кто страдаетъ сильной простудой, молитъ это божество объ исцѣленіи и даетъ обѣщаніе во время матсури дойти голымъ до этого храма».

«Голымъ?»

«Да. На странникахъ только вараджи да маленький платокъ вокругъ бедеръ. И вотъ множество голыхъ мужчинъ и женщинъ тянутся по снѣгу по направлению къ храму, а снѣгъ въ это время года очень глубокъ. Каждый мужчина несетъ съ собою въ даръ божеству связку гохей и блестящую саблю, каждая женщина—металлическое зеркало. Въ храмѣ ихъ встречаютъ жрецы и совершаютъ странные ритуалы: по старинному обычаю они представляются большими, ложатся на полъ, стонутъ, охаютъ и глотаютъ лѣкарства, приготовленныя изъ растеній по китайскимъ рецептамъ».

«Но развѣ никто не умираетъ отъ простуды, Кинньюро»?

«Нѣтъ, наши земляки, въ Ицумо, закалены. Кромѣ того, имъ дѣлается жарко отъ быстраго бѣга; а на обратномъ пути они кутаются въ толстое теплое платье. Но иногда на пути имъ показывается Юки-Онна».

Улица, ведущая въ міа, была освѣщена двумя рядами бумажныхъ фонарей, расписанныхъ символами. Огромный дворъ храма былъ превращенъ въ цѣлый городъ передвижныхъ палатокъ, лавочекъ и эстрадъ. Несмотря на холодъ, была неимовѣрная давка. Казалось, что на сей разъ, кромѣ привычныхъ зрелицъ, притягивающихъ толпу во время матсури, готовится еще нѣчто особенное. Среди обычныхъ great attractions я напрасно искалъ дѣвочку съ оби—кушакомъ изъ живыхъ змѣй, но вѣроятно для змѣй было слишкомъ холодно. Въ толпѣ мелькало множество прорицателей, скомороховъ, акробатовъ и плясуновъ; былъ тамъ фокусникъ, который изъ песка дѣлалъ фигуры, былъ звѣринецъ съ австралійскимъ эму, была пара огромныхъ дрессированныхъ летучихъ мышей съ острововъ Лью-Кью.

Я отдалъ должное богамъ, накупилъ ориги-

нальныхъ игрушекъ и отправился съ моимъ спутникомъ въ царство нечистыхъ духовъ. Это большое зданіе, которое иногда отдаются подъ такія предпріятія.

На вывѣскѣ красовались слова, писанныя огромными буквами «Ики-Нингіо»—«Живыя фигуры», нѣчто въ родѣ нашихъ паноптикумовъ. Но японскія произведенія, хотя и не менѣе реальны, однако изъ гораздо болѣе дешеваго матеріала. Мы купили два деревянныхъ билета по одной сенѣ, зашли за занавѣсъ и очутились въ длинномъ коридорѣ, раздѣленномъ на маленькія, крытыя рогожей комнатки. Въ каждой комнаткѣ въ соотвѣтственной декораціи находилась группа фигуръ въ человѣческій ростъ. Первая группа—двоє мужчинъ, играющихъ на самизенѣ, и двѣ танцующія гейши—показалась мнѣ не заслуживающей особаго вниманія. Но Киньюро мнѣ объяснилъ, что, судя по объявлению, одна изъ фигуръ была живою. Напрасно мы старались замѣтить какого-либо предательскаго движенія или хотя бы дыханія. Но вдругъ одинъ изъ мужчинъ съ громкимъ смѣхомъ замоталъ головой, заигралъ и запѣлъ. Онъ такъ хорошо сыгралъ роль безжизненной куклы, что я положительно не вѣрилъ глазамъ.

Остальные группы—ихъ было 24—были необыкновенно эффектны, каждая въ своемъ родѣ. Большинство изъ нихъ изображало известныя

народныя сказанія или священныя легенды: преданія о феодальномъ героизмѣ, глубоко трогающемъ сердце каждого японца, примѣры дѣтской преданности, буддійскія чудеса, исторіи императоровъ. Иногда реализмъ однако доходилъ до грубости, напримѣръ, въ изображеніи трупа женщины съ раздробленнымъ черепомъ, въ лужѣ крови. Это страшное зрѣлище не искупалось даже чудеснымъ воскресеніемъ убитой, показаннымъ въ сосѣднемъ отдѣленіи: былъ это какой-то храмъ, гдѣ она воздавала благодарственныя молитвы богамъ; по ^{какой-} какой-то счастливой случайности и убійца ея очутился тутъ же въ тотъ же моментъ,—раскаявшійся и обращенный ею на путь истины.

Въ концѣ коридора висѣлъ черный занавѣсь, изъ-за котораго доносились до насъ стоны ^и вопли. Объявленіе надъ занавѣсомъ обѣщало награду тому, кто храбро пройдетъ мимо всѣхъ таинственныхъ страховъ.

«Господинъ», прошепталъ Киньюро, «тамъ— нечистая сила!»

Мы зашли за занавѣсъ и очутились на какомъ-то лугу, среди кустовъ и заборовъ. Изъ-за кустовъ виднѣлись могильныя плиты, очевидно это было кладбище. Растенія и могильные камни— все было очень реально. Высокій потолокъ исчезалъ, искусно скрытый свѣтовыми эффектами; надъ нами все тонуло во тьмѣ. И казалось,

будто находишься ночью подъ открытымъ небомъ; холодъ, царящій вокругъ, еще усиливъ эту иллюзію. Кое-гдѣ виднѣлось что-то неясное, жуткое, сверхъестественно большое, туманно-недвижное или таинственно носящееся въ воздухѣ надъ могилами. Справа отъ насъ возвышалась надъ заборомъ спина буддійского жреца.

«Это вѣроятно Ямабуши заклинаетъ бѣсовъ?» спросилъ я Кинъюро.

«Нѣть», отвѣтилъ онъ; «посмотрите-ка, какой онъ большой. Нѣть, я думаю, это Тануки-Боцу».

Тануки—бѣсь—барсукъ, принимающій видъ жреца, чтобы ночью губить запоздалыхъ путниковъ. Мы подошли ближе и заглянули ему въ лицо. Лицо было страшное, какъ кошмаръ.

«Въ самомъ дѣлѣ, это Тануки-Боцу», сказалъ, Кинъюро; «что господинъ благоволить думать объ этомъ?»

Вмѣсто отвѣта я въ ужасѣ отскочилъ: привидѣніе со стономъ потянулось ко мнѣ. Потомъ оно съ визгомъ пошатнулось и упало назадъ силой невидимыхъ шнуровъ.

«Мнѣ кажется, Кинъюро, что это отвратительное, противное существо! И теперь мнѣ вѣроятно ужъ нечего ждать награды за храбрость?!»

Мы разсмѣялись и отправились дальше, къ трехглазому монаху — Митсу-мэ-Ніудо. И этотъ

трехглазый по ночамъ подстерегаетъ легкомысленныхъ путешественниковъ. У него кроткое, улыбающееся лицо — ни дать ни взять ликъ Будды; но на макушкѣ у него коварное око, и его замѣчаешь только тогда, когда уже поздно. Митсу-мэ-Ніудо потянулся за Кинъюро и испугалъ его такъ же, какъ Тануки-Боцу меня.

Дальше мы пошли смотрѣть Яма-Убу, горную кормилицу. Она ловить дѣтей, кормить ихъ одно время, а потомъ пожираетъ. На лицѣ у нея нѣть рта — онъ скрытъ подъ волосами на головѣ. Яма-Уба не тронула насъ, потому что какъ-разъ уплетала миленькаго мальчугана. Чтобы усилить страшное впечатлѣніе, ребенка сдѣлали особенно хорошенъкимъ.

Дальше мы увидѣли въ воздухѣ надъ могилой призракъ женщины. Это было въ нѣкоторомъ отдаленіи и потому я спокойно могъ ее разсмотрѣть. У нея не было глазъ. Длинные распущенныи волосы разсыпались по плечамъ. Ея одежда развѣвалась легко какъ дымокъ. Мне вспомнилась фраза одного изъ моихъ учениковъ: «Удивительнѣе всего, что у нихъ нѣть ногъ». Но вдругъ я въ ужасѣ отскочилъ, потому что привидѣніе безшумно и быстро по воздуху неслось прямо на меня.

Наше дальнѣйшее странствованіе между могилами было рядомъ подобныхъ же приклю-

ченій, оживленныхъ визгомъ женщинъ и смѣхомъ тѣхъ, кто сначала самъ былъ напуганъ, а теперь наслаждался испугомъ другихъ.

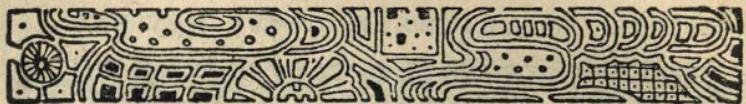

Разставшись съ привидѣніями, мы отправились къ маленькой эстрадѣ, гдѣ двѣ дѣвочки танцевали. Поплясавъ немнога, одна изъ нихъ взяла саблю, отрубила своей подругѣ голову и поставила ее на столъ; голова открыла ротъ и запѣла. Это было очень интересно и мило, но я все еще находился во власти привидѣній и спросилъ:

«Киньюро, вѣрять ли еще до сихъ поръ въ существованіе нечистыхъ духовъ, которыхъ мы только-что видѣли?»

«Нѣтъ, теперь перестали», отвѣтилъ Киньюро; «горожане, по крайней мѣрѣ, не вѣрять въ нихъ больше, развѣ, что еще въ деревняхъ. Мы же вѣримъ только въ Учителя нашего, Будду, въ древнихъ боговъ и въ то, что мертвые могутъ вернуться, чтобы отомстить за жестокость или возстановить справедливость; но мы перестали вѣрить тому, во что вѣрили раньше. Господинъ», прибавилъ онъ, когда мы подошли къ какому-то странному помѣщенію; «тутъ за одну сену можно отправиться въ адъ — не угодно ли вамъ?»

«Прекрасно, Киньюро», отвѣтилъ я; «заплатимъ двѣ сены и отправимся въ адъ!»

Мы вошли въ большое помѣщеніе, гдѣ стояль непонятный оглушительный шумъ, свистъ, лязгъ и трескъ. Этотъ шумъ производили невидимыя колеса и цѣпи, которыя двигали цѣлымъ полчищемъ маленькихъ куколокъ; эти фигурки изображали на низкихъ эстрадахъ все, что творится въ аду.

Прежде всего я увидѣлъ старуху Соца-Баба, хозяйку подземной рѣки, которая отбираетъ платья у покойниковъ; платья висѣли за нею на деревѣ. Она была огромная, вращала зелеными глазами, скрежетала длинными зубами, а маленькия бѣленькия души трепетали предъ нею, какъ крылья бабочекъ. Нѣсколько поодаль возвѣдалъ Эмма-Дай-О, великий властитель ада, и свирѣпо моталъ головой. Справа отъ него, на треножникѣ, какъ волчки, кружились головы свидѣтелей, Кагухана и Мирумэ. Слѣва чортъ распиливалъ душу на части, и дальше рядами тянулись всѣ адскія пытки. Одинъ изъ чертей вырывалъ языкъ у лгунна, привязанного къ столбу. Онъ дѣлалъ это медленно, искусно, понемногу; языкъ уже становился длиннѣе самого мученика; другой чортъ толокъ душу въ ступь и производилъ

при этомъ такой адскій шумъ, что заглушалъ все остальное. Немного дальше мы увидѣли человѣка, котораго заживо пожирали двѣ змѣи съ женскими головами — бѣлая и голубая. Бѣлая змѣя при жизни была его женою, голубая — любовницей. Всѣ средневѣковыя японскія пытки проходили предъ нашими глазами. Насладившись вдоволь всѣми ужасами, мы на прощаніе навѣстили Сай-но-Кавара и увидѣли Джизо съ ребенкомъ на рукахъ, окруженнаго толпою дѣтей, которыя около него искали спасенія отъ чертей, преслѣдовавшихъ ихъ, страшныхъ, съ искаженными лицами и поднятыми дубинами.

Но адъ оказался ужасно холоднымъ; я удивился такой неподходящей температурѣ и мнѣ вспомнилось, что въ распространенныхъ иллюстрированныхъ книжкахъ объ Джигоку я никогда не встрѣчалъ адскихъ пытокъ морозомъ. Правда, индійскій буддизмъ разсказываетъ и о холодныхъ адахъ. Есть, напримѣръ, адъ, гдѣ губы грѣшниковъ такъ замерзаютъ, что могутъ только пролепетать «Аа-та-та», почему и адъ этотъ называется «Атата»; а въ другомъ примерзаетъ языкъ и грѣшники только и могутъ пробормотать: «Аа-ба-ба»; адъ этотъ называется «Абаба». Тамъ же говорится о Пундарико или большомъ, бѣломъ лотосовомъ адѣ, гдѣ видѣ обнаженныхъ морозомъ костей напоминаетъ «цвѣтъ бѣлаго лотоса».

Киньюро предполагаетъ, что и японскій буддизмъ признаетъ холодные ады, но навѣрное ничего не знаетъ объ этомъ. Я же не думаю, чтобы холодный адъ могъ испугать японцевъ. Они такъ любятъ холода, что пишутъ стихи на китайскомъ языкѣ о прелестяхъ снѣга и льда.

Изъ ада мы попали на волшебный фонарь; тамъ было еще просторнѣе и еще холоднѣе. Японскіе волшебные фонари почти всегда интересны, и особенно потому, что тутъ мы видимъ удивительную національную способность приспособлять западныя переживанія къ восточнымъ вкусамъ. Эти представленія всегда драматичны. За кулисами кто-нибудь произносить діалогъ, а дѣйствующія лица и декораціи проходятъ передъ нашими глазами, какъ прозрачныя тѣни. Поэтому особенно удаются фантастическія пьесы, гдѣ фигурируютъ привидѣнія и духи; они пользуются особыеннымъ успѣхомъ.

Было такъ холодно, что я послѣ первой драмы сбѣжалъ. Вотъ ея содержаніе:

Первая сцена: Красивая крестьянская девушка съ престарѣлой матерью сидятъ у себя дома. Мать судорожно рыдаетъ и отчаянно жестикулируетъ. Изъ отрывочныхъ, прерывае-

мыхъ рыданіемъ словъ, мы узнаемъ, что дѣвушка обречена на жертву Ками-Сама въ одинокомъ храмѣ въ горахъ. Этотъ Ками-Сама — злой богъ. Разъ въ годъ онъ мечеть стрѣлу въ крышу крестьянского дома; это значитъ, что на него нашелъ аппетитъ — съѣсть дѣвушку. Если ему не пришлютъ сейчасъ же намѣченной жертвы, онъ уничтожить посѣвы и скотъ. Мать плачетъ, рветъ свои сѣдины — и уходитъ. Уходитъ и дѣвушка, поникнувъ головкой — олицетвореніе обворожительной покорности.

Вторая сцена: Передъ харчевней на улицѣ цвѣтущія вишни. Входять кули, неся бережно, какъ носилки, большой ящикъ; надо предполагать, что въ ящикѣ сидить дѣвушка. Ящикъ ставятъ на полъ. Рассказываютъ все болтливому хозяину харчевни. Входитъ благородный самурай съ двумя саблями. Спрашивается, въ чемъ дѣло и что это за ящикъ. Узнаетъ все сначала отъ кули, потомъ отъ болтливаго хозяина. Взрывъ негодованія. Увереніе, что Ками-Сама — добрые боги и не ъдятъ дѣвушекъ, а данный Ками-Сама — діаволъ, а діавола надо убить. Приказываетъ открыть ящикъ. Посыпаетъ дѣвушку домой. Самъ лѣзетъ въ ящикъ и приказываетъ кули подъ страхомъ смерти нести его къ храму.

Третья сцена: Кули съ ящикомъ приближаются къ храму. Ночь. Лѣсь дремучій. Въ

стражъ кули роняютъ ящикъ и убѣгаютъ. Ящикъ остается одинъ въ темнотѣ. Появляется привидѣніе, все бѣлое, закутанное въ прозрачное покрывало. Сначала жалобно стонеть, потомъ отчаянно воетъ. Въ ящикѣ ничто не шевелится. Привидѣніе откидываетъ фату и показываетъ лицо — черепъ со свѣтящимися фосфоромъ глазами. (Публика единогласно издаетъ крикъ: «А-а-а-а-а-а!») Привидѣніе показываетъ руки — страшныя, обезьяньи, съ когтями. (Снова зрители издаютъ крикъ: «А-а-а-а-а-а!») Привидѣніе приближается къ ящику, прикасается къ нему, открываетъ его! Оттуда выскакиваетъ благородный самурай. Сраженіе. Бой барабановъ какъ на войнѣ. Благородный самурай искусно пользуется приемами рыцарского джіу-житсу, бросаетъ діавола на землю, торжествующе топчетъ его ногами, отрубаетъ ему голову. Голова тотчасъ же растетъ, достигаетъ величины дома, хочетъ откусить голову благородного самурая. Самурай разрубаетъ ее своей саблей. Голова, извергая огонь, катится по землѣ и исчезаетъ. Finis. Exeunt omnes!

«Киньюро», сказалъ я на обратномъ пути; «я много читалъ и слышалъ японскихъ рассказовъ о воскресеніи мертвыхъ. И самъ ты разска-

зывалъ мнѣ, что до сихъ поръ еще въ это вѣрятъ, и почему вѣрятъ. Но судя по всему, что я читалъ и что слышалъ отъ тебя, воскресеніе покойниковъ далеко не пріятно. Они возвращаются или изъ ненависти, или изъ зависти, или потому, что отъ тоски не находять покоя. Но гдѣ говорится о тѣхъ, чье возвращеніе приносить счастіе? Все, что извѣстно о духахъ, вѣроятно похоже на то, что мы видѣли сегодня вечеромъ: много страшнаго, много отвратительнаго и нигдѣ ни правды ни красоты?!»

Я такъ говорилъ, чтобы подзадорить его; и онъ отвѣтилъ мнѣ сказкой, какъ я ожидалъ и желалъ.

«Давно, давно, во времена какого-то дайміо, имени которого никто больше не помнить, въ этомъ старомъ городѣ жили юноша и дѣвушка, которые очень любили другъ друга. Ихъ имена позабыты, но воспоминаніе о судьбѣ ихъ осталось. Со дня рожденія ихъ обручили, и въ дѣтствѣ они часто вмѣстѣ играли — родители ихъ были сосѣдями. А когда они выросли, то еще сильнѣе полюбили другъ друга.

Юноша еще не возмужалъ, когда его родители скончались. И онъ пошелъ служить богатому самураю, военному въ высокихъ чинахъ, другу его родственниковъ. Покровитель его искренно полюбилъ, потому что онъ былъ вѣжливъ, уменъ и ловокъ въ обращеніи съ

оружіемъ; молодой человѣкъ надѣялся скоро достигнуть хорошаго положенія и жениться. Но на съверѣ и востокѣ разгорѣлась война, и неожиданно онъ получилъ приказаніе отъ своего господина послѣдовать за нимъ на поле брани. Передъ отъѣздомъ ему удалось еще повидаться съ любимой дѣвушкой; въ присутствіи родителей они обмѣнялись клятвой вѣрности; и онъ обѣщалъ, если останется живъ, возвратиться черезъ годъ, чтобы соединиться съ возлюбленной навсегда.

Много времени прошло безъ извѣстій о немъ. Тогда еще не было почтъ, какъ теперь. А у дѣвушки такъ болѣло сердце, когда она думала объ опасностяхъ, которыя грозили ея милому на войнѣ, что она все блѣднѣла, хирѣла. Наконецъ, пришла вѣсть отъ него съ посланнымъ, пріѣхавшимъ изъ арміи, — это было первымъ и послѣднимъ извѣстіемъ. Безконечно въ ожиданіи тянулся годъ. Но годъ миновалъ, а онъ не вернулся. Смѣнялись и еще времена года, но онъ все не возвращался. Тогда дѣвушка рѣшила, что ея возлюбленный навѣрно убитъ. Она извелась отъ печали, захворала и умерла; и ее похоронили. Бѣдные старые родители, лишившись единственной дочери, такъ тосковали, что рѣшили покинуть свой одинокій, печальный домъ, распродать имущество и отправиться въ далекое странствованіе къ

«Тысячи храмамъ» секты ничиренъ; такое странствование продолжается нѣсколько лѣтъ.

Они продали домикъ со всѣмъ имуществомъ за исключеніемъ священныхъ реликвій, которыхъ никогда нельзя продавать. Оставили они также «ихаи» покойной дочери и все спрятали въ семейномъ храмѣ; такъ поступаютъ всегда, покидая родину. Семья принадлежала къ сектѣ ничиренъ, а ихъ храмъ былъ Міокоджи.

Не болѣе какъ черезъ четыре дня послѣ ихъ отѣзда вернулся въ городъ женихъ ихъ дочери. Онъ употребилъ всѣ старанія, чтобы во время исполнить свое обѣщаніе, но провинціи, которыя ему пришлось проѣзжать, были на военномъ положеніи, всѣ пути и дороги были заняты врагами; кроме того и другія препятствія задерживали его. Горестная вѣсть о смерти невѣсты совершенно сломила его. Онъ цѣлые дни проводилъ безъ чувствъ и движений, ничего не зная ни о себѣ ни о жизни вокругъ. Когда онъ снова очнулся, на него нашла боль воспоминаній; онъ громко звалъ смерть и рѣшилъ покончить съ собою на могилѣ невѣсты.

Какъ только ему удалось уйти незамѣтно изъ дома, онъ взялъ свою саблю и прокраился на кладбище, гдѣ была похоронена дѣвушка. Кладбище Міокоджи — одинокое мѣсто. Онъ разыскалъ ея могилу, опустился предъ ней на

колѣни, помолился и шопотомъ рассказалъ ей о своемъ намѣреніи.

Вдругъ онъ услышалъ ея голосъ и слово: «Аната» — «Ты!» Онъ почувствовалъ ея руку на своей и, когда обернулся, то увидѣлъ ее около себя на колѣняхъ, съ прежней улыбкой, такой же прекрасной, какою она жила въ его сердцѣ — только немного блѣднѣй. Сердце его содрогнулось въ нѣмомъ удивленіи, въ радости и въ сомнѣніи предъ этимъ мгновеніемъ.

Но она промолвила:

«Не сомнѣвайся,— это дѣйствительно — я; я жива! Все было ошибкой. Меня похоронили слишкомъ рано; мои родители сочли меня мертввой; а теперь они отправились на долгое богомолье. Но ты вѣдь видишь, что я жива, что я не привидѣніе. Это я — не сомнѣвайся, повѣрь! Я заглянула въ сердце твое и это вознаградило меня за долгое ожиданіе, за всѣ слезы и горе. А теперь отправимся скорѣе въ другой городъ, чтобы никто ничего не зналъ и не было докучливыхъ разговоровъ; вѣдь всѣ думаютъ, что я умерла».

И, незамѣченные никѣмъ, они отправились въ путь-дорогу и пришли въ деревню Минобу въ провинціи Кай. Тамъ находится извѣстный храмъ секты ничиренъ, и дѣвушка заявила:

«Я знаю, что во время своего странствованія по священнымъ мѣстамъ мои родители непре-

мѣнно зайдутъ и въ Минобу; если мы здѣсь поселимся, то они найдутъ насъ и всѣ мы соединимся».

Когда они пришли въ Минобу, она предложила:

«Заведемъ маленькую торговлю».

И они открыли лавку со съѣстными припасами на широкой дорогѣ, ведущей къ священному мѣсту.

Они продавали игрушки и сласти для дѣтей и пищу для странниковъ. Такъ прошло два года; торговля ихъ процвѣтала, и небо послало имъ великую радость — сыночка.

Когда ребенку исполнилось годъ и два мѣсяца, старые родители дѣйствительно пришли въ Минобу и остановились передъ маленькой лавкой, чтобы утолить голодъ и жажду. Узнавъ жениха ихъ дочери, они разрыдались и забросали его разспросами. Онъ попросилъ ихъ войти въ домъ, низко имъ поклонился и сказалъ:

«Вѣрьте, это истинная правда; дочь ваша жива, она стала моей женой, у насъ родился сынокъ — она только что съ ребенкомъ легла отдохнуть. Прошу васъ, пойдите къ ней, обрадуйте ее своимъ появлениемъ, потому что она очень тоскуетъ безъ васъ».

Старики съ трудомъ могли повѣрить этимъ словамъ.

Пока молодой человѣкъ устраивалъ все для

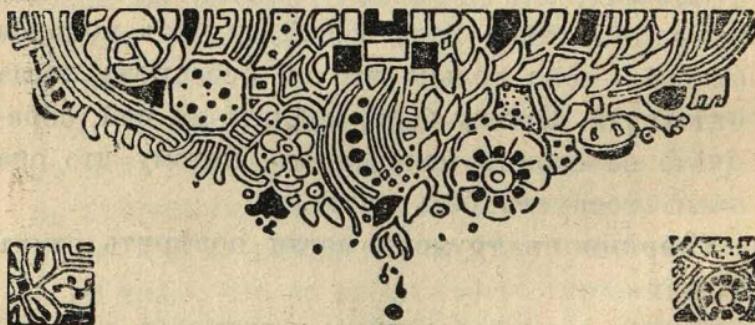
ихъ удобства, они осторожно вошли въ комнату и увидали спящаго ребенка, но молодой матери не было тамъ. Казалось, однако, что она не успѣла уйти, потому что подушка ея была еще теплой.

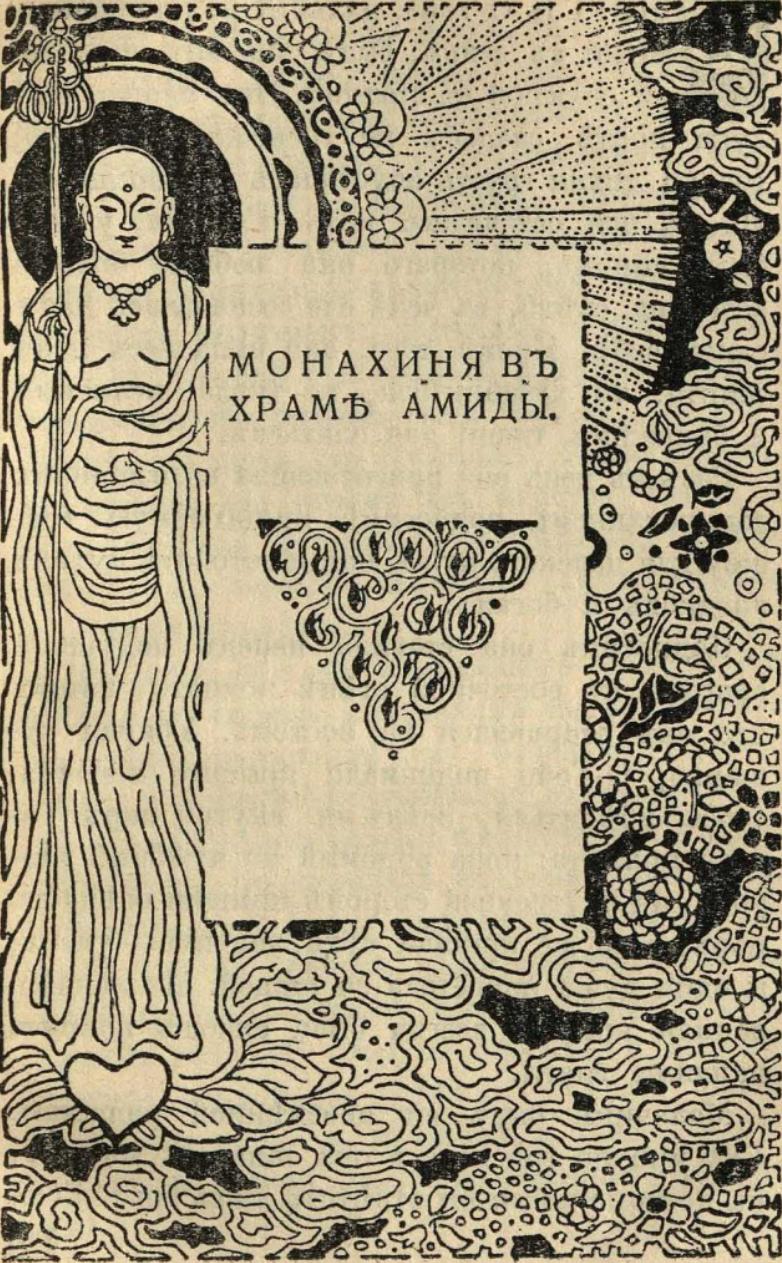
Долго напрасно прождавъ, они стали всюду искать ее, но нигдѣ не нашли. Наконецъ подъ одѣяломъ, которымъ были покрыты мать и ребенокъ, они нашли нѣчто, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставили въ храмѣ Міокоджи, — маленькую дощечку съ именемъ умершей — ихай ихъ дочери. Тогда они поняли все».

Вѣроятно у меня былъ очень задумчивый видъ, когда Кинъюро умолкъ, потому что старикъ спросилъ:

«Господинъ, вамъ этотъ разсказъ кажется глупымъ?»

«Нѣтъ, Кинъюро, о нѣтъ», поспѣшилъ я отвѣтить; «этотъ разсказъ навсегда останется въ сердцѣ моемъ».

МОНАХИНЯ ВЪ
ХРАМЪ АМИДЫ.

СУПРУГЪ О-Тойо, дальний родственникъ, взятый въ семью, былъ вызванъ вассальской службой въ столицу. Эта первая разлука послѣ свадьбы не тревожила О-Тойо; только тихая грусть опустилась въ сердце ея. Но съ ней оставались мать и отецъ, у нея былъ сынокъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ, въ чемъ еле сознавалась даже самой себѣ. Кромѣ того, она была весь день занята: то хозяйничала, то ткала шелковыя и бумажныя ткани для платьевъ.

Разъ въ день она приготавляла на изящномъ лакированномъ подносикѣ миниатюрную трапезу для далекаго мужа, какія готовятъ духамъ предковъ и богамъ.

Подносикъ она ставила передъ подушкой супруга къ восточной стѣнѣ комнаты, потому что онъ отправился на востокъ. Убирая кущанье, О-Тойо поднимала крышку мисочки, чтобы убѣдиться, осѣль ли внутри паръ. Такова примѣта: пока родимый на чужбинѣ здоровъ, на внутренней сторонѣ крышки осѣдаетъ паръ; если же крышка суха, значитъ—умеръ, и одна душа прилетала за пищей. Но лакированная крышка всегда была сплошь покрыта каплями влаги.

Мальчикъ былъ ея неизмѣнной радостью. Ему минуло три года, и онъ задавалъ вопросы, на которые могли бы отвѣтить лишь боги. Если

ему хотѣлось играть, она складывала работу и играла съ нимъ; когда же онъ былъ настроенъ такъ, чтобы смироно сидѣть, она сидѣла съ нимъ, рассказывая ему волшебныя сказки или по - своему, — красиво и благочестиво,—объясняя ему чудесное и непонятное. По вечерамъ, когда предъ алтарями и священными изображеніями зажигались лампочки, она учила его дѣтскимъ молитвамъ; уложивши спать, садилась съ работой у постельки, любуясь мирной прелестью его лица. Когда онъ во снѣ улыбался, она знала, что Куаннонъ, божественная, забавляетъ его играми изъ царства тѣней; и она шептала буддійское заклинаніе, взывая къ Дѣвѣ, «всегда милостиво склоняющейся на звуки молитвы».

Въ ясные дни она поднималась на гору Да-кейяма со своимъ мальчикомъ на спинѣ. Эти прогулки доставляли ему большое удовольствие; онъ жадно вслушивался и всматривался во все, что происходило вокругъ него. Дорога постепенно поднималась въ гору, чрезъ лѣса и рощицы, по цветущимъ лугамъ, между утесами, гдѣ въ цветахъ жили сказки, а въ старыхъ деревьяхъ ютились духи. Раздавался крикъ дикихъ голубей: «корупъ-корупъ», и страстно нѣжное воркованіе ручныхъ: «О-ваѣ, о-ваѣ», А цикады трещали, жужжали и пѣли...

Кто съ тоской ожидаетъ возвращенія изда-

лека любимаго человѣка, тотъ идетъ на гору Дакейяма, съ вершины которой открывается видъ на нѣсколько провинцій. На этой вершинѣ—камень, величиной и формой напоминающій человѣка; множество камешковъ разбросаны вокругъ него и на немъ. А рядомъ — шинтоистскій храмъ, посвященный духу нѣкой принцессы. Она съ тоской смотрѣла вдалъ съ этой вершины, ожидая далекаго возлюбленнаго; но тотъ не вернулся, и съ горя она умерла, навѣки окаменѣвъ. Народъ же на этомъ мѣстѣ воздвигнулъ храмъ; въ немъ до сихъ поръ молятся о счастливомъ возвращеніи съ чужбины близкихъ людей. Уходя, каждый молельщикъ беретъ съ собою камешекъ; когда же желанный вернется, камешекъ нужно положить на прежнее мѣсто, вмѣстѣ съ нѣсколькими новыми, въ знакъ памяти и благодарности.

Когда О-Тойо возвращалась съ такой прогулки домой, густыя сумерки уже спускались на землю, окутывая городъ и рисовые поля; путь былъ далекъ, и шла она медленнымъ шагомъ. Звѣзды сверху освѣщали ея путь, а снизу — свѣтлячки. Когда на небѣ показывалась луна, О-Тойо пѣла дѣтскую пѣсенку:

«Ноно Санъ,
луна златая,
сколько времени тебѣ?»

«Тринадцать,
тринадцать и девять мнъ дней!»

«Какъ ты молода еще!
Потому и опоясана
ты красивымъ краснымъ кушакомъ.
Отдай его лошадкѣ!»

«Нѣть, не отдамъ!»
«Отдай его коровкѣ!»
«Нѣть не отдамъ!»

А съ сѣрыхъ необъятныхъ полей поднимался
и улеталъ въ синій мракъ ночи невидимый
хорь,— будто голосъ самой матери земли; то
лягушки заливались, а О-Тойо говорила ре-
бенку:

«Слышишь лягушекъ? Онѣ кричатъ «Мэ
Кайюи, Мэ Кайюи»,—глаза мои смыкаются,
я спать хочу!»

То были счастливые свѣтлые дни!

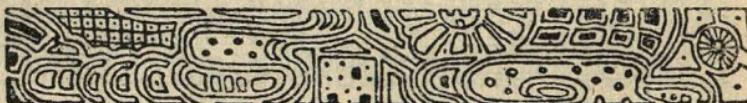
Но роковые силы, по законамъ, для насъ,
смертныхъ, вѣчно неразгаданнымъ, повергли
ее внезапно въ великое горе.

Она узнала, что добный супругъ, о возвра-
щеніи котораго она такъ часто молилась, ни-
когда не вернется, что онъ снова сталъ прахомъ,
изъ котораго создано все земное. Вскорѣ и
мальчикъ ея заснулъ сномъ непробуднымъ,

передъ которымъ бессильна даже мудрость китайскихъ врачей.

Рѣдкія мучительныя вспышки сознанія разсывали мракъ, царившій въ ея душѣ,—мракъ безпамятства, въ который сострадательные боги погружаютъ души людскія.

Все проходитъ. Мракъ разсѣился. Она вдругъ очутилась во власти злого врага, во власти воспоминанія. Въ присутствіи другихъ она могла улыбаться, могла быть спокойной и ясной, какъ въ прежніе дни; но оставшись одна, она теряла всю силу. Она разбиралась въ игрушкахъ, раскладывала передъ собой на цыновкѣ дѣтскія платьица, ласкала ихъ, шопотомъ разговаривала съ ними, тихо улыбаясь. Но улыбка всегда переходила въ громкое судорожное рыданіе; она бросалась на полъ, билась головой о землю и забрасывала боговъ безумными вопросами.

Тогда она рѣшила искать утѣшенія въ таинственномъ обрядѣ, известномъ въ народѣ подъ именемъ «Торитсу-Банаши» — заклинаніе мертвыхъ. Отчего не вызвать мальчика, хотя бы на мгновеніе?! Ради любимой матери душа его радостно приметъ страданіе, сопряженное съ возвращеніемъ въ міръ живыхъ.

Чтобы вызвать умершихъ изъ царства тѣней, надо пойти къ буддійскому или шинтоистскому жрецу, знакомому съ обрядомъ заклинанія, и передать ему «ихаи»—дощечку съ именемъ умершаго.

Производятся очистительные церемоніи, передъ «ихаи» зажигаютъ свѣчи и куреніе, читаютъ молитвы или отрывки изъ сутръ, приносятъ жертвы цвѣтами и рисомъ, но только сырымъ.

Окончивъ церемоніи, жрецъ беретъ лѣвой рукой дугообразный инструментъ, правой удараляетъ въ него, громко произнося имя умершаго и слова.

«Китацо-ю, Китацо-ю! Я пришелъ, я пришелъ!»

Но постепенно голосъ заклинателя странно мѣняется и переходитъ въ голосъ умершаго, духъ котораго вселился въ жреца.

Духъ быстро отвѣчаетъ на вопросы, безпрестанно восклицая:

«Спѣши, спѣши, мучительно мое возвращеніе изъ царства тѣней, я не могу долго здѣсь оставаться».

По окончаніи бесѣды, духъ отлетаетъ, а жрецъ падаетъ на полъ безъ чувствъ.

Но вызывать умершихъ нехорошо — имъ этимъ вредишь: возвращаясь въ царство тѣней, они должны занимать мѣста ниже покинутыхъ.

□ Теперь эти обряды запрещены закономъ. Когда-то они утѣшали скорбящихъ, но законъ справедливъ, потому что находились люди, злоупотреблявшіе имъ, глумившіеся надъ божественнымъ въ человѣкѣ.

Однажды ночью, въ одинокомъ маленькомъ храмѣ, на окраинѣ города, О-Тойо стояла на колѣняхъ передъ «ихаи» своего мальчика и вслушивалась въ таинственное заклинаніе. И вдругъ изъ устъ жреца заговорилъ голосъ родной, самый дорогой и близкій ей; но голосокъ былъ тоненький, тихій, какъ вздохъ вѣтерка.

«Спрашивай мама, скорѣе, скорѣе», молвилъ онъ; «передо мною далекій, темный путь; я долженъ скоро уйти».

Мать съ трепетомъ вопрощала:

«За что я томлюсь и страдаю въ тоскѣ по тебѣ? Гдѣ справедливость боговъ?»

«Не тоскуй такъ по мнѣ, мама», раздалось въ отвѣтъ; «я умеръ, чтобы избавить отъ смерти тебя: то былъ годъ болѣзней и печали; я зналъ, что тебѣ суждено умереть, но боги вняли моей молитвѣ,—мнѣ дано было умереть за тебя. О, мама, не плачь! Горевать по умершимъ не надо. Безмолвный, безгласный путь ведетъ ихъ черезъ потоки слезъ; но отъ слезъ матерей потокъ растетъ и бушуетъ: и не можетъ душа достигнуть дальняго берега, а тревожно носится взадъ и впередъ. И поэтому, мама, прошу тебя,

брось печаль; только изрѣдка давай мнѣ вондицы...» □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Съ той поры она перестала плакать. Спокойно, безмолвно, какъ въ прежніе дни, она исполняла смиренныя дочернія обязанности.

Время шло, и отецъ началъ думать о второмъ замужествѣ для нея.

«Было бы счастіемъ для нашей дочери и для насъ», сказалъ онъ женѣ, «если бы у нея родился еще сынъ».

Но мать была проницательнѣе и отвѣтила мужу:

«Она перестала страдать; о вторичномъ бракѣ не можетъ быть и рѣчи: она превратилась въ ребенка—безъ заботъ и безъ грѣха».

И, правда, она перестала страдать. Въ ней стала проявляться странная привязанность ко всему маленькому. Сначала ей показалась велика ея постель; можетъ-быть, это было ощущеніе пустоты, потому что умеръ ребенокъ. А потомъ и все остальное начало казаться ей слишкомъ большими: домъ, комнаты, ниша съ большими цвѣточными вазами,—даже кухонная посуда. Рисъ она пожелала ъсть маленькими дѣтскими хаши изъ крошечныхъ мисочекъ. Этимъ невиннымъ затѣямъ никто не мѣшалъ, а другихъ причудъ у нея не было. □ □ □ □

□ Часто старики-родители толковали между собою о ней.

«Тяжело будетъ дочери нашей», говорилъ отецъ, «живть съ чужими людьми; мы же такъ стари, что скоро придется разстаться съ ней. Лучше всего ей стать монахиней; мы построимъ ей маленький храмъ».

На слѣдующій день мать спросила О-Тойо:

«Не хочешь ли стать святой монахиней и жить въ маленькомъ, маленькомъ храмѣ съ крошечнымъ алтарикомъ и миниатюрными изображеніями Будды? Мы всегда оставались бы вблизи тебя. Если ты согласна, то мы попросимъ жреца научить тебя сутрамъ».

О-Тойо съ радостью согласилась и просила сдѣлать ей маленькое монашеское платьице.

Но добрая мать возразила:

«У хорошей монахини все можетъ быть мало, за исключеніемъ одѣянія. Платье ея должно быть широко и длинно, — такъ повелъваетъ Учитель нашъ, Будда».

Тогда О-Тойо согласилась одѣться, какъ другія монахини.

Въ пустой оградѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ большой храмъ Амиды-їи, построили маленькую монашескую обитель, назвали ее тоже

Амида-и и посвятили Амидъ Нюрайю и другимъ Буддамъ.

Обитель украсили маленьkimъ алтарикомъ и минiатюрной утварью. На крошечномъ пюпитрѣ лежалъ изящный экземпляръ сутры, вокругъ стояли ширмочки, висѣли колокольчики и какемоно.

Родители О-Тойо умерли, а она все жила въ своей тихой обители. Ее прозвали «Амида-и-но-Бикшуни», т.-е. «Монахиня храма Амиды».

Передъ храмомъ возвышалась статуя Джизо,— друга больныхъ дѣтей. Молящіеся о выздоровленіи больного ребенка приносили къ его ногамъ рисовыя лепешки, — столько, сколько ребенку было лѣтъ. Обыкновенно у подножья статуи лежали двѣ три лепешки, рѣдко отъ семи до десяти. Амида-и-Бикшуни заботилась о статуѣ, зажигала передъ ней благовонное куренье и украшала ее цвѣтами изъ своего садика.

Послѣ утренняго обхода за милостыней, она обыкновенно садилась за крошечный ткацкій станокъ. Несмотря на то, что ея ткани были слишкомъ узки для употребленія, купцы, знавшіе печальную повѣсть ея, всегда брали ея работу, даря ей взамънъ чашечки, вазы и карликовыя деревья для ея садика.

Лучше всего она чувствовала себя съ дѣтьми, которыхъ вокругъ нея всегда было много: японскіе ребятишки играютъ цѣлыми днями за оградами храмовъ. Много счастливыхъ дѣтскихъ лѣтъ протекло въ храмѣ Амиды-и; матери, живущія по сосѣдству, охотно посыпали туда своихъ малышей, запрещая имъ смѣяться надъ Бикшуни-Санъ.

«Она странная», говорили онѣ; «но это потому, что умеръ ея сынокъ, и душа ея не вынесла этого горя. Будьте же добры и почтительны къ ней».

Дѣти были очень добры и ласковы, но не совсѣмъ почтительны въ обычномъ смыслѣ слова, чувствуя, что дѣло не въ этомъ. Они называли ее Бикшуни-Санъ и ласково здоровались, но обращались съ нею, какъ съ равной себѣ. Они вмѣстѣ играли, а она поила ихъ чаемъ изъ крошечныхъ чашекъ, угощала самодѣльными рисовыми лепешечками, величиною съ горошину, дарила шелковые и бумажные ткани для куколъ.

Малютки полюбили ее, какъ добрую старшую сестру.

Такъ проходили дни за днями, проходили годы; дѣтки, вырастая, постепенно покидали дворъ храма Амиды. Суровый жизненный трудъ смѣнялъ ихъ дѣтскія игры; они становились отцами и матерями и, въ свою очередь, посыпали

дѣтей играть за оградою храма Амиды. Любовь къ Бикшуни-Санъ переносилась съ родителей на дѣтей и внуковъ.

Народъ заботился о ея нуждахъ, принося ей больше чѣмъ вдоволь. Излишкомъ она щедро дѣлилась съ дѣтьми и звѣрками. Птицы гнѣздились въ храмѣ ея, покидая прежнія жилища на головахъ статуй Будды.

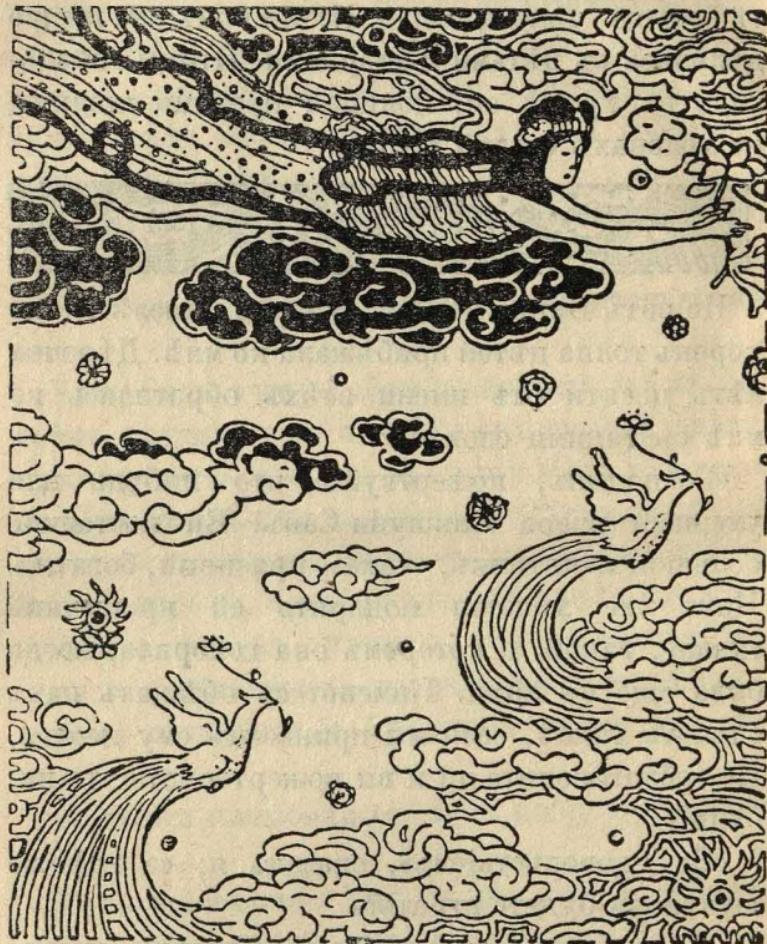

Но вотъ Бикшуни-Санъ умерла. Послѣ ея похоронъ толпа дѣтей прибѣжала ко мнѣ. Дѣвочка лѣтъ десяти отъ имени всѣхъ обратилась ко мнѣ съ такими словами:

«Господинъ, пожертвуйте что - нибудь для умершей вчера Бикшуни-Санъ! Ей поставили большой памятникъ, «хака», красивый, богатый. Намъ же хочется подарить ей крошечный «хака», такой, о которомъ она говорила, когда была еще съ нами. Каменотесъ обѣщалъ намъ сдѣлать такой, если мы принесемъ ему денегъ. Не соблаговолите ли и вы пожертвовать что-нибудь?»

«Съ удовольствиемъ», сказалъ я; «а гдѣ же вы теперь будете играть?»

«Да все тамъ же», отвѣтила дѣвочка, улыбаясь. «Вѣдь тамъ Бикшуни-Санъ похоронена; ей будетъ радостно слушать, какъ мы играемъ».

ПРИМЪЧАНІЯ.

А мида (А мида Ніорай)—одно изъ названий Будды.

А р а м и т а м а—суровый духъ (тама—духъ).

Б икш у и б икш у и и—нищенствующіе буддійские монахи и монахини.

Б о с а т с у—буддійские святые, ученики Будды.

Б у д з у д а н ъ—священный шкатър, въ которомъ сохраняются статуи Будды, памятные дощечки въ память умершихъ (ихаи) и проч. священные предметы; передъ ними зажигаютъ свѣчи и благовонное куреніе.

В а р а д ж и — соломенные сандаліи.

Г е т ы — деревянныя туфли.

Г о — игра китайского происхожденія, состоящая изъ доски, разлинованной на множество квадратиковъ, и черныхъ и бѣлыхъ камешковъ.

Г о шимпай — печалиться (Тенши Сама гошимпай — Сынъ неба печалится).

Г о х е й («священные гохей») — шинтоистскія эмблемы: длинныя узкія ленты, нарѣзанныя изъ бумаги.

Д ай канъ — самое холодное время года (дай—большой, канъ—холодъ).

Д ай м і о — крупные японскіе землевладѣльцы, составлявшіе феодальное дворянство.

Д ж и г о к у — адъ.

Д ж и з о — буддійское божество, покровитель дѣтей.

Д ж i у-ж i т с u — японский способъ борьбы.

Д ой о — самое жаркое время года, время посѣвовъ.

Г е м и ц у — сюгунъ (1623—1650 гг.), известный своимъ ретрограднымъ направленіемъ; по его повелѣнію въ 1637—39 гг. были кровавымъ образомъ истреблены всѣ японцы-христіане и изгнаны изъ Японіи всѣ португальцы.

І е на — японская монетная единица; 1 іена = 100 сенъ = 1000 ринъ = приблиз. 96 коп.

И ки-Н и н г i o — живые фигуры.

И н к i o — старые люди, потерявшиe работоспособность.

И х а и — памятная дощечка съ именемъ умершаго.

«К а в а i и ко ни в а таби во сасэ i o» — избалованнаго ребенка слѣдуетъ отправить путешествовать (чтобы онъ ознакомился съ житейскими трудностями).

К а з э-и о-К а м i — богъ простуды, богъ вѣтра.

К ай м i o — (простонародное слово для хомiо) посмертное имя.

К а к е м о н о — картинки въ формѣ свитковъ, которые вѣшаются, развернутыми сверху внизъ.

К а м i — 1) божество, божественность, Богъ; 2) то, что выше, что надъ нами; 3) человѣческій духъ, достигнувшій послѣ смерти сверхчувственной силы; 4) умершіе, властующіе надъ нами. Эти духи, различные по величинѣ и могуществу, составляютъ неземную іерархiю, соотвѣтствующую іерархiямъ древнеяпонского общества. Хотя ками выше живущихъ, но послѣдніе въ состояніи доставлять имъ радость и горе, веселить или печалить ихъ, даже улучшать ихъ положеніе въ царствѣ тѣней.

К а м i-к а з э — вихрь боговъ.

К а п а г а в а — смежный съ Іокогамой городъ; съ прошлаго года оба города слились въ одинъ.

Ке нъ — 1) игра; 2) административные единицы, на которых (1871 г.) была разделена Япония после уничтожения исторических провинций.

Козо — мальчикъ, буддійский храмовый служитель, свѣщеноносецъ.

Коко — древне-японская мѣра поверхности.

Кокоро — сердце, душа.

Куанионъ — богиня милосердія.

Курума — японская повозка.

Курумайя — возчикъ.

Майко (или мусме) — маленькая прислужница (въ Кіото такъ называются гейшь).

Манеки-неко — манищая кошечка.

Маниоши — старѣйший японскій сборникъ стихотвореній.

Матсурі — храмовой праздникъ шинтоистского культа.

Меидо — царство смерти.

Меиджи — при восшествіи на престоль новаго мікадо всегда устанавливается новая эра; съ 1868 года, съ воцаренія мікадо Муцухито, была установлена эра съ официальнымъ названіемъ Меиджи, т.-е. эра просвѣщенія; пѣгосчислениe идетъ, начиная съ этого момента, на ряду съ установленнымъ въ 1873 году григоріанскимъ календаремъ.

Мія — храмъ шинтоистского культа.

Митсу-мэ-Ніудо — легендарный трехглазый монахъ.

«**Наму Аміда Будзу!**» — священное заклинаніе буддійской секты шиншу.

Нантовыи Кустъ (*Nandina domestica*) — растеніе, съ которымъ связано странное суевѣріе: если приснится дурной сонъ, надо его рано утромъ шопотомъ разсказать этому кусту; тогда сонъ не сбудется.

Существуютъ двѣ разновидности этого растенія: одно съ бѣлыми, другое съ красными ягодами; первое встрѣчается рѣдко.

Н е к о — кошка.

Н и г и - м и - т а м а — нѣжный духъ (тама—духъ).

Н и ч и р е нъ — буддійская секта.

О б и — красный кушакъ, который носятъ только очень молодыя девушки.

О и и — демонъ, злой духъ.

«О-соматсу де го заримасу га!—до зо о-х а ш и!»—«пожалуйте раздѣлить убогую трапезу! возвращайтесь за хаши!»

О ф у д а — листки съ изображеніемъ Будды и святыхъ и со священными текстами; они раздаются священниками и имѣютъ значеніе талисмановъ, охраняющіхъ отъ болѣзней и опасностей, и индульгенцій.

П у н д а р и к а — большой бѣлый лотосовый адъ.

П а л и — языкъ, на которомъ были написаны священные буддійскія книги.

Р и — японская мѣра длины.

Р и нъ — японская монетная единица; 10 ринъ = 1 сена = $1/100$ іены.

С а й на ра — прощайте.

С а й-н о-К а в а р а — мѣста, куда по буддійскимъ преданіямъ послѣ смерти отправляются дѣтскія души.

С а к э — рисовая водка.

С а м а — господинъ.

С а м у р а и — японскій дворянинъ.

С а м и з е нъ — японскій трехструнный инструментъ.

С а м у ш і и — уныло.

С е н а — японская монетная единица, 1 сена = 10 ринъ = $1/100$ іены.

С е н г а к у д ж и — японскій храмъ.

С ё н с е й — учитель.

Сіогуны — вице-правители, фактически управлявшие Японией в период с 1198 по 1868 г., вместо мікадо, бывших лишь номинальными главами империи и предметом обожания и поклонения.

Соцаба — старуха, хозяйка подземной реки.

Сутра — одна изъ 3-хъ книгъ, въ которыхъ собрано учение Сакія-Муни-Будды.

Таби — носки.

Танук ибоцу — бѣсь барсукъ (легендарное существо).

Тенгу — миоическая существо, живущія въ горныхъ ущеліяхъ; иногда ихъ изображаютъ съ необыкновенно длинными носами.

Тенининъ — райская дѣва, буддійскій ангель (тень — небо).

Тенши-Сама — Сынъ неба, Мікадо (тень — небо, ши — сынъ, сама — господинъ).

Тузуми — маленький барабанъ.

Тори — ворота передъ японскими храмами: два столба, немного наклоненные другъ къ другу, съ горизонтальной перекладиной наверху.

Футонъ — толстое, стеганое на ватѣ одѣяло.

Хака — надгробный памятникъ.

Хакама — панталоны.

Хатамото — вассаль.

Хаши — палочки, замѣняющія въ Японіи ножи, вилки и ложки.

Хибаджи — жаровня съ раскаленными углами.

Хоккекіо — буддійская священная книга.

Царство Хорай — загробная обитель, мѣсто безсмертия.

Хукасаи — японскій художникъ.

Чадай — начай.

Черные корабли — американская эскадра адмирала Перри (1853 г.).

Ш а и о — легендарное животное, похожее на обезьяну, съ огненно-красными волосами и дикой внешностью, известное своим необузданымъ пьянствомъ.

Ш а к а — индійское название Будды.

Ш и к и м и — растеніе—японскій бадьянъ.

Ш и н и - к а м и — богъ смерти.

Ш и р а б і о ш и — гейши прежнихъ временъ.

Ш и н ш у — буддійская секта.

Ш о д ж и н ъ-р і о р і — буддійское кушаніе, исключительно изъ растительныхъ продуктовъ; некоторые разновидности этого кушанія очень вкусны.

Ю к а т а — легкое лѣтнее платье.

Ю к и-О н и а — снѣжная женщина.

Я б у - м у р а — чаша бамбукового лѣса,

Я м а — гора.

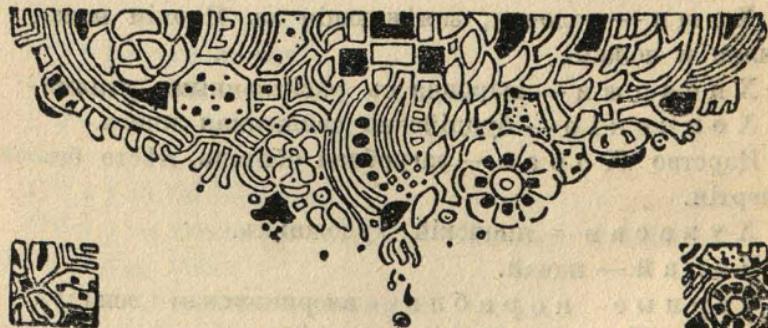
Я м а б у ш и — заклинатель бѣсовъ.

Я м а У б а-(Яма Омба) — легендарное существо,— горная кормилица.

Я ш и к и — резиденція дайміо.

Э м м а-Д а й-О — легендарное существо, властитель смерти и ада, судья надъ душами; его два свидѣтеля Кагухана и Мирумэ.

Э м у — новоголландскій страусъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

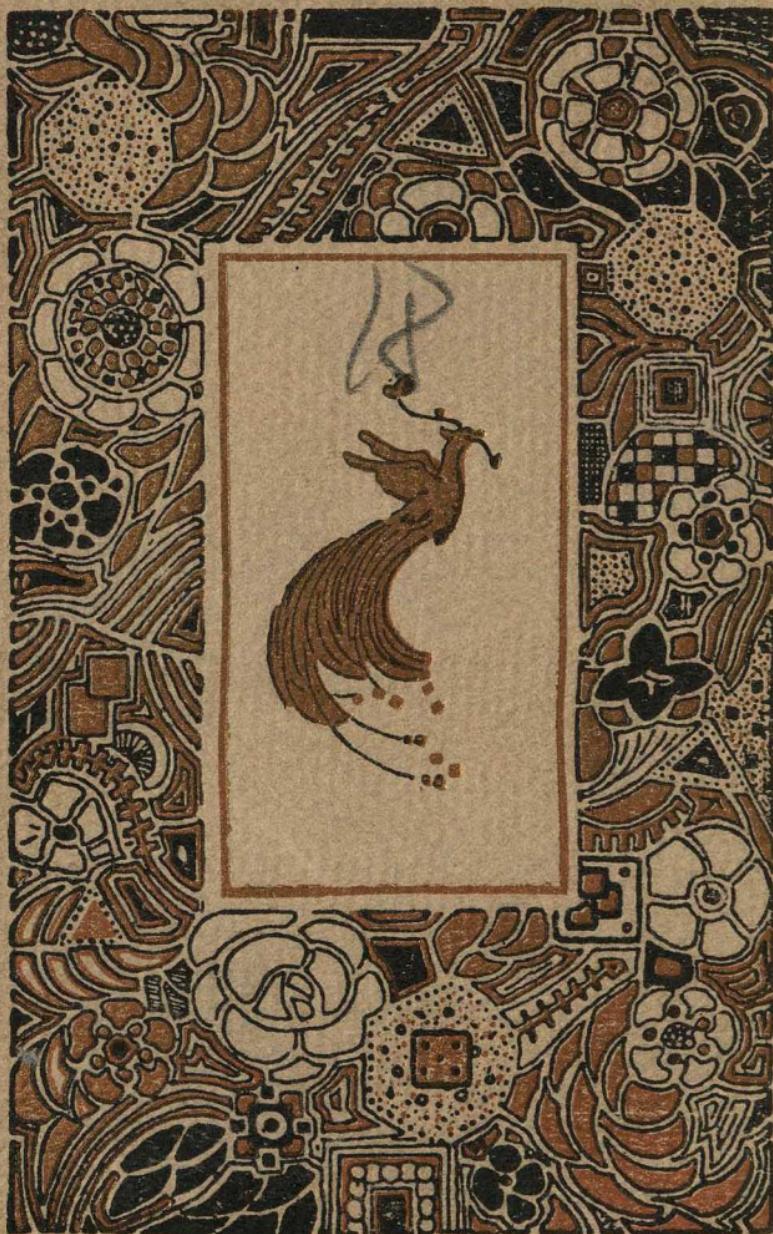
Біографіческія замѣтки о Лафкадіо Хёрнѣ	V
Гуго фонъ Гофмансталь о Лафкадіо Хёрнѣ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о его смерти осенью 1904 года	XV
Грёза лѣтняго дня	2
Кімико	25
Вѣнчанные смертью	42
Гейша	75
На станції желѣзной дороги	113
Юко	119
Идея предсуществованія	130
Уличная пѣвица	158
Хаката	166
Путевыя замѣтки	179
Законъ кармы	189
Ревнитель старины	203
Японская улыбка	237
Во время холеры	274
Хару	283
Привидѣнія и нечистые духи	294
Монахиня въ храмѣ Амиды	315
Примѣчанія	329

Чѣна 1 р. 50 к.

2007334149